

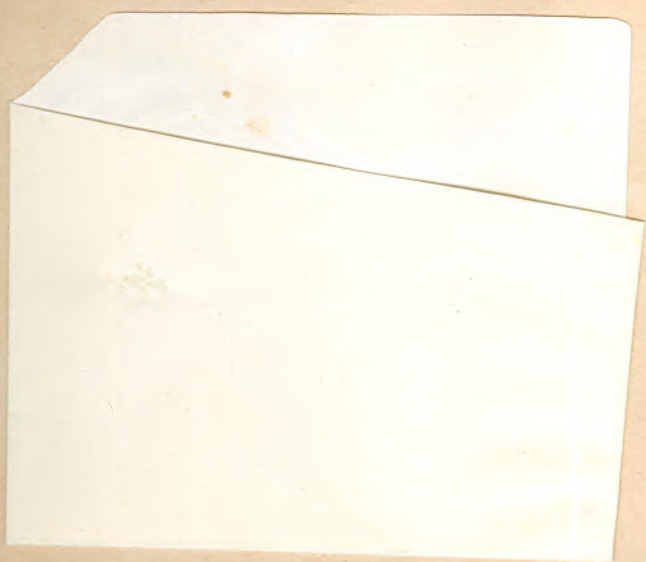
33(09)

И-23

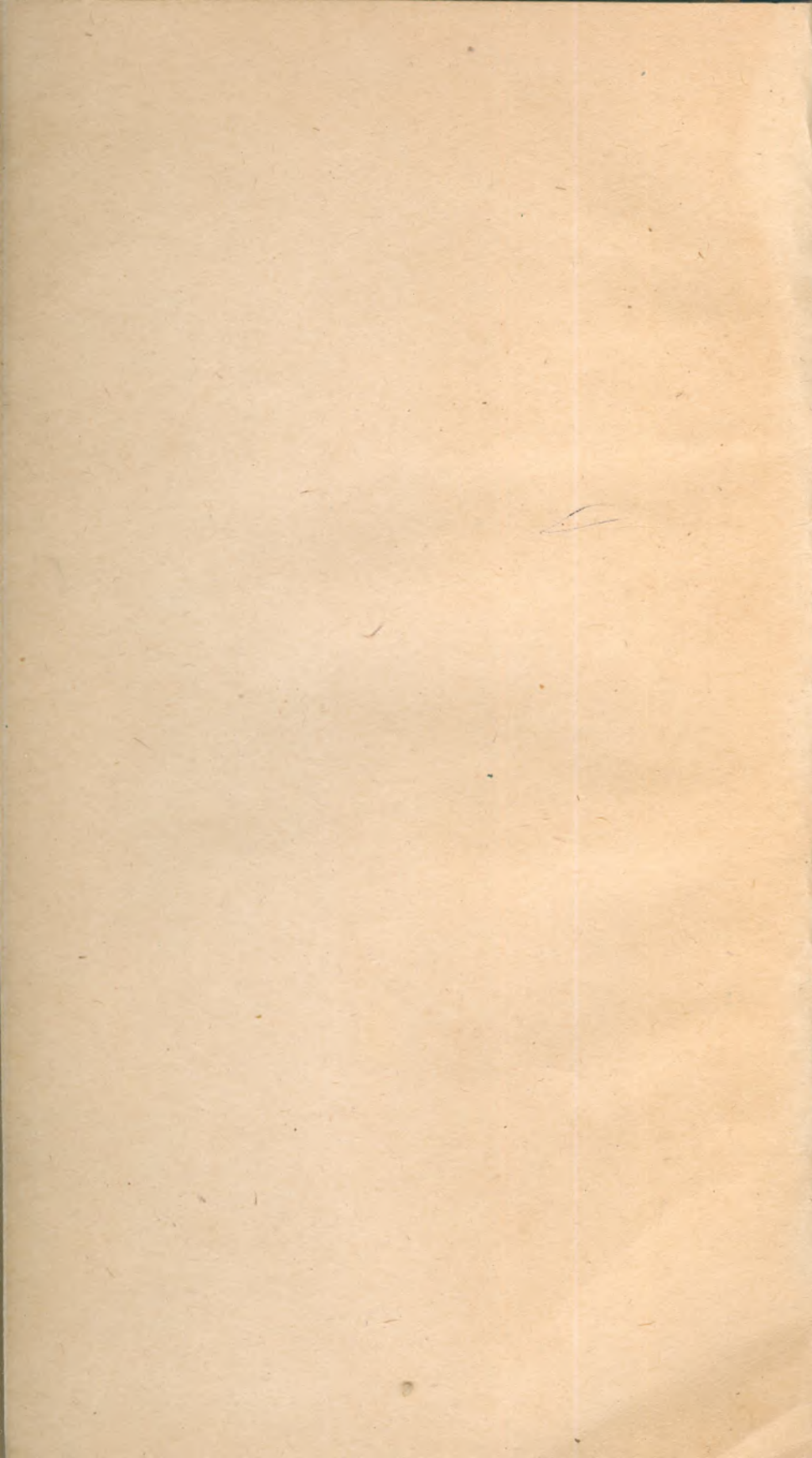
И. Иванюков

Основные положения
теории экономической
политики.

1891

03

33(09)

и 23

И. Иванюковъ

докторъ политической экономіи, профессоръ Петровской Академіи.

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ

ТЕОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

СЪ

АДАМА СМИТА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Третье изданіе исправленное и дополненное.

МОСКВА. 1891

Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Фирсановой.

В. Мамонтов

ОСНОВНЫМ ПОЛОЖЕНИЯМ

ОСНОВНЫМ ПОЛОЖЕНИЯМ

ОСНОВНЫМ ПОЛОЖЕНИЯМ

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьев. пер. № 5

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение стр. V

Глава первая. § 1. Возникновение мануфактур. § 2. Первые представители идеи свободы промышленности. § 3. Исходные положения труда Адама Смита о „Богатствъ народовъ“. § 4. Теорія народонаселенія Мальтуса. § 5. Теорія Рикардо о распредѣленіи народнаго дохода. § 6. Современное значеніе реалистической школы въ политической экономіи и ея основныя положенія.

Глава вторая. Оцѣнка экономическихъ явленій, вытекающихъ изъ системы свободной конкуренціи. § 1. Система свободной конкуренціи есть система монополій. § 2. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области производства. § 3. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области обмена. § 4. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области распредѣленія.

Глава третья. § 1. Противорѣчіе между правовыми понятіями нашего времени и экономической организаціею. § 2. Отношеніе реалистической школы къ социалистическому направленію. § 3. Главныя черты социалистической организаціи народнаго хозяйства.

Глава четвертая. Руководящіе принципы реалистической школы для организаціи народнаго хозяйства.

Глава пятая. Значеніе берлинской конференціи по рабочему вопросу.

ВВЕДЕНІЕ.

Всѣ до сихъ поръ существовавшія организаціи собственности у народовъ, вышедшихъ изъ первобытнаго состоянія, порождали іерархію общественныхъ классовъ; управление и законодательство всегда и всюду, прямо или косвенно, принадлежали наиболѣе богатымъ классамъ; послѣдніе пользовались своею властью сознательно и безсознательно въ своихъ интересахъ; почему во всѣ эпохи законы запечатлѣны интересами господствующихъ классовъ.

Мысль, что организація собственности на каждой ступени развитія составляетъ важнѣйшій экономическій факторъ въ образованіи юридическихъ и политическихъ учреждений, вошла въ науку прочно лишь въ послѣднее время. Ближайшимъ поводомъ къ ея уразумѣнію и распространенію послужилъ разладъ между соціальною дѣйствительностью XIX столѣтія и гуманными идеалами, осуществленіе которыхъ было задачей французской революціи.

Французская революція уничтожила всѣ юридическія привилегіи и декретировала равенство людей передъ закономъ, свободу личности, труда и собственности. Повидимому законодательство французской революціи, уничтожившее всѣ привилегіи, стало внѣ сословныхъ интересовъ. И дѣйствительно, такъ думали его составители, такъ думало все тогдашнее общество, такъ думалъ и народъ. Чудными ожиданіями жило

человѣчество. Казалось наступила новая эра жизни: эра благосостоянія, свободы и гармоніи интересовъ. И какое глубокое разочорованіе принесъ XIX вѣкъ!

Анализъ причинъ несбывшихся надеждъ показалъ, что законодательство французской революціи соотвѣтствовало, какъ нельзя болѣе, интересамъ обогатившагося и образованнаго средняго сословія, — представителя движимаго капитала, — словившаго, послѣ вѣковой борьбы, поземельную аристокрацію. Дѣйствительность скоро показала, что безграничная свобода промышленности, труда, собственности, новая политическая организація государства составляютъ прямой интересъ представителей капитала и крайне неблагоприятны для представителей труда. Но когда это обнаружилось и было понято, tiers-état перестало уже быть представителемъ интересовъ народа, какъ оно о себѣ думало въ эпоху французской революціи, и выродилось въ современную буржуазію, управляющую страню въ собственныхъ интересахъ.

Не слѣдуетъ однако думать, что господствующіе классы, создавая выгодные для себя соціальные порядки, ясно понимаютъ характеръ общественныхъ отношеній и не видятъ въ своей соціальной роли никакого правоваго элемента, а лишь единственно право силы. Дѣятельность господствующихъ классовъ въ сферѣ данныхъ юридическихъ формъ всегда признавалась ими вполне *правовою, не только формально* (юридически), *но и по совѣсти*. И возможность такого пониманія ими своей дѣятельности объясняется тѣмъ, что обоснованіе юридическихъ привилегій и фактическихъ монополій они видятъ не въ силѣ, а въ какомъ-либо отвлеченномъ правовомъ принципѣ *).

*) Современному сознанію рабская организація труда представляется вопіющею несправедливостью, жестокостью. Но было бы неправильно пе-

тересы. Та точка зрѣнія, на которой я стою — считающая развитіе экономическихъ общественныхъ формаций естественно-историческимъ процессомъ—менѣе, чѣмъ какая-либо другая, можетъ дѣлать кого-либо отвѣтственнымъ за отношенія, общественную креатуру которыхъ данное лицо представляетъ собою“.

Указанныя нами причины труднаго проникновенія соціально-реформатскихъ идей въ господствующіе классы объясняютъ также, почему существенныя измѣненія въ соціальномъ строѣ странъ, идущихъ во главѣ цивилизаціи, каковыми до сихъ поръ были Франція и Англія, оказываютъ значительное вліяніе на понятія господствующихъ классовъ другихъ странъ, находящихся съ первыми въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Реализація реформаторскихъ идей въ прогрессирующей странѣ, доказывающая ихъ примѣнимость, ослабляетъ мотивы, препятствовавшіе распространенію реформаторскихъ идей въ господствующихъ классахъ. Особенно это вліяніе сильно если однородныя событія совершаются одновременно въ нѣсколькихъ большихъ государствахъ. Тогда эти событія съ особенною силою отражаются на государствахъ, оставшихъ въ культурѣ, а потому неизбѣжно находящихся въ духовной зависимости отъ народовъ, ушедшихъ въ развитіи впередъ. Извѣстно вліяніе англійскихъ политическихъ понятій на высшіе классы Франціи въ XVIII вѣкѣ; — вліяніе первой французской революціи на всю Европу; — вліяніе англійскаго фабричнаго законодательства на континентальныя государства. Эмансипація крѣпостныхъ въ Россіи, помимо внутреннихъ причинъ, вызвавшихъ эту реформу, не была ли также въ значительной степени результатомъ вліянія западно-европейскихъ идей? Не въ этомъ ли вліяніи надо видѣть, главнымъ образомъ, причину того интереснаго факта, что, до и во время освобожденія крестьянъ, значительная часть нашего дворянства искренно сочув-

ствовала реформѣ. Будь Россія отдѣлена, подобно Китаю, отъ западной Европы, не имѣли ли бы мы до сихъ поръ крѣпостнаго права? Извѣстно, что Императоръ Александръ I, воспитанный въ духѣ идей французской литературы XVIII вѣка, мечталъ въ дни юности и еще долго въ зрѣлые годы совершить эмансипацію; и не будь сначала отвлечено все вниманіе, вся дѣятельность императора внѣшними событіями, и не наступилъ потомъ радикальнаго переворота въ его душевномъ и умственномъ настроеніи, весьма возможно реформа была бы совершена гораздо ранѣе; по крайней мѣрѣ мы и для того времени не усматриваемъ никакихъ соціальныхъ затрудненій для совершенія реформы.

Такимъ образомъ, рядомъ съ факторомъ борьбы существуетъ и другой соціальный факторъ, обуславливающая измѣненія въ общественныхъ учрежденіяхъ, а именно: *вліяніе на умы гуманно-прогрессивныхъ идей*. Значеніе этого втораго фактора постоянно усиливается въ новѣйшей исторіи Европы, и мы убѣждены, что ему предстоитъ въ дальнѣйшемъ ходѣ историческаго развитія замѣнять все болѣе и болѣе *элементъ борьбы*, имѣвшій до нынѣ преобладающее значеніе въ дѣлѣ измѣненія соціальныхъ формъ жизни.

Правильное пониманіе роли гуманно-прогрессивныхъ идей въ жизни человѣчества было затемнено въ послѣднее время слишкомъ прямолинейнымъ перенесеніемъ теоріи Дарвина о „борьбѣ за существованіе“ изъ міра животнаго въ міръ человѣческой. При приложеніи этой теоріи къ соціальной жизни, большинство упускало изъ виду громадное значеніе въ человѣческихъ дѣлахъ *идеи и чувства „правды“*. Вслѣдствіе этого возникли превратныя понятія какъ о человѣческой природѣ, такъ и о покоящейся на ней исторіи жизни человѣчества.

Справедливо, что до сихъ поръ, говоря вообще, исторія развитія соціальныхъ формъ жизни представляла борьбу об-

Но не только господствующіе классы считаютъ свое привилегированное положеніе вполне справедливымъ, таковымъ же считаетъ его и масса; иначе никакіе уголовные законы, никакая полиція не въ состояніи были бы поддерживать общественный порядокъ.

Эта зависимость понятій, чувствъ, правовъ индивидуума отъ среды обуславливаетъ устойчивость общественного строя и постепенность его развитія. Въ соціальной жизни, какъ и въ природѣ, нѣтъ скачковъ; хотя темпо поступательнаго хода все усиливается съ развитіемъ цивилизаціи.

переносить наши взгляды въ эпоху существованія рабства. Не только обычная мысль, но и величайшій изъ мыслителей, Аристотель, признавала рабство справедливымъ институтомъ. «Сама природа, говоритъ Аристотель, создала рабство... Въ человѣческой природѣ встрѣчаются личности, на столько же уступающія другимъ, на сколько тѣло уступаетъ душѣ, или на сколько животное стоитъ ниже человѣка; это суть существа, способныя къ одному только физическому труду и неспособныя ни на какое болѣе совершенное занятіе. Существа эти самою природою осуждены на рабство, ибо самое лучшее для нихъ—это повиноваться... Изъ этихъ принциповъ мы должны, стало быть, заключить, что природа создаетъ однихъ людей для свободы, а другихъ для рабства; что польза и справедливость требуютъ, чтобы рабъ повиновался».—По мнѣнію другаго генія античнаго міра, Платона, занятіе физическимъ трудомъ, промыслами, торговлею унижаютъ предающихся имъ людей. «Гражданинъ, который унижится до того, что станетъ торговать въ лавкѣ, долженъ быть наказанъ за подобное преступленіе». «Физическій трудъ безчеститъ и позоритъ гражданина», говоритъ Ксенофонтъ. Такимъ образомъ у Платона и Ксенофонта привилегія переходитъ уже въ чувство чести.

Землевладѣніе, служившее въ средніе вѣка исключительнымъ источникомъ богатства привилегированнаго класса, наложило свою печать на понятіе чести и нравственности. Вести промышленное предпріятіе, заниматься торговлею считалось для господствующаго класса позорнымъ и безчестнымъ и приличнымъ казалось извлекать доходы только изъ поземельной собственности.

Измѣненія въ техникѣ и хозяйственныхъ условіяхъ составляютъ самую глубокую причину перемѣнъ въ прочихъ сторонахъ жизни *). Новые интересы, являющіеся какъ результатъ совершившихся въ обществѣ экономическихъ измѣненій, порождаютъ и новыя соціальныя идеи и новыя правовыя понятія, сторонниками которыхъ являются общественные классы, заинтересованные въ проведеніи въ жизни этихъ идей. Чѣмъ съ большей силой заявляютъ себя новые интересы, тѣмъ настоятельнѣе раздаются требованія реформы. Происходитъ борьба между новыми интересами и интересами господствующихъ классовъ. И снова мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что недоброжелательное, часто полное ненависти, отношеніе большинства господствующаго класса къ реформаторскимъ идеямъ, не есть исключительно результатъ черствости и *сознательнаго* эгоистическаго охраненія своихъ юридическихъ или фактическихъ привилегій; оно есть, главнымъ образомъ, результатъ *безсо-*

*) Мелкія индійскія общины, которыя продолжаютъ существовать отчасти и до сихъ поръ, основываются на общинномъ владѣніи землею, на непосредственной связи между земледѣліемъ и ремесломъ, и на определенномъ, неизмѣнномъ раздѣленіи труда, которое, при закладкѣ каждой новой общины, служитъ ея основателямъ какъ готовый планъ и образецъ.

Каждая изъ такихъ общинъ образуетъ одно производительное цѣлое, вполне удовлетворяющее своимъ собственнымъ потребностямъ и нуждамъ, причемъ область производства такой общины колеблется между 100 и 1000 акрами. Законъ, управляющій раздѣленіемъ общиннаго труда, дѣйствуетъ здѣсь съ ненарушимымъ авторитетомъ закона природы, но въ тоже самое время, каждый отдѣльный ремесленникъ, напримѣръ кузнецъ и т. д., исполняетъ всѣ операціи, относящіяся къ его специальности, хотя по способамъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ отцовъ, но тѣмъ не менѣе совершенно самостоятельно и не признавая никакого авторитета въ предѣлахъ своей мастерской. Въ этой простой формѣ обитатели страны жили съ незапамятныхъ временъ. Границы деревень рѣдко подвергались измѣненіямъ, и хотя самыя деревни были иногда разоряемы и даже опусто-

затѣлнато вліянія личныхъ интересовъ и присущаго данному классу или сословію образа мыслей. Въ соціологіи Спенсера мы находимъ прекрасное объясненіе того извѣстнаго факта, что страсти и личные интересы извращаютъ сужденія какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ сословій. На всякую реформаторскую идею, говоритъ Спенсеръ, затрогивающую, по видимому, интересы господствующихъ классовъ, послѣдніе слишкомъ склонны смотрѣть какъ на посягательство на ихъ права, какъ на идею, выполненіе которой принесло бы только одинъ вредъ, или же какъ на идею невыполнимую. Съ точки зрѣнія привилегированныхъ классовъ, всякая борьба, хотя бы самая мирная, бѣдныхъ согражданъ за улучшеніе своей участи заслуживаетъ безусловнаго порицанія. Напримѣръ, то обстоятельство, что стачки наносятъ господствующему классу болѣе или менѣе значительный ущербъ, формируетъ ихъ взглядъ на стачки, какъ на поведеніе весьма предосудительное. Они

шаемы войною, голодомъ, новальными болѣзнями, тѣмъ не менѣе то же самое названіе, тѣ же самыя границы, тѣ же самыя интересы и даже тѣ же самыя семейства продолжали существовать изъ вѣка въ вѣкъ. Простой производительный организмъ этой общины, удовлетворяющей всѣмъ своимъ потребностямъ, воспроизводящейся постоянно въ той же самой формѣ и появляющейся снова, послѣ каждаго случайнаго разрушенія, на томъ же самомъ мѣстѣ и подъ тѣмъ же самымъ именемъ, даетъ намъ, говоритъ Марксъ, ключъ къ той таинственной загадкѣ, которая заключается въ неизмѣнности азіатскихъ обществъ, такъ странно противорѣчащей съ постоянными разрушеніями и созиданіями съизнова *азіатскихъ государствъ*, и съ непрерывными перемѣнами династій. Дѣло въ томъ, что структура основныхъ экономическихъ элементовъ общества остается нетронутой бурями, происходящими въ его политической атмосферѣ. (Марксъ. Капиталъ).

О различныхъ видахъ общиннаго землевладѣнія въ Индіи см. II и III гл. кн. проф. Ковалевскаго— «Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія». 1879 г.

видать нѣчто возмутительное въ этой самостоятельности, которая сопровождается отказомъ отъ работы, когда не увеличиваютъ рабочей платы или не сокращаютъ времени работы. Дебаты по поводу системы покупки чиновъ въ Англии показали, какъ сильно укоренилось у военныхъ людей убѣжденіе, что національная безопасность зависитъ отъ сохраненія той организаціи арміи, при которой они воспитывались и достигли своихъ чиновъ. Защищая сословное подчиненіе какъ необходимое условіе для развитія благосостоянія большинства, привилегированные классы, — крупные землевладѣльцы и промышленники, — не замѣчаютъ, что ихъ отношенія къ трудящейся массѣ представляютъ въ сущности только болѣе мягкую форму отношеній рабо-владѣльцевъ къ своимъ рабамъ или вассаловъ къ крѣпостнымъ. Кромѣ того, какъ сильно еще въ первенствующихъ классахъ распространено убѣжденіе, проявляющееся во всѣхъ ихъ поступкахъ, что самимъ Богомъ и законами природы установлено, что выгоды нѣкоторыхъ избранныхъ должны стоять на первомъ планѣ и масса трудящагося населенія — народъ долженъ повиноваться имъ и работать на нихъ.

Все вышесказанное дѣлаетъ совершенно понятною мысль, что хотя общественныя учрежденія вполне соотвѣтствуютъ природѣ людей, тѣмъ не менѣе люди лучше своихъ учреждений. И это потому, что личныя свойства какъ отдѣльнаго человека, такъ и цѣлыхъ классовъ, пониманіе ими значительности, далеко не вполне соотвѣтствуютъ объему смысла ихъ дѣятельности. Эту именно мысль имѣетъ Марксъ, когда въ предисловіи къ своему сочиненію „Капиталь“ говоритъ: — „Капиталисты и землевладѣльцы описанною далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Но здѣсь рѣчь идетъ личностяхъ лишь на столько, на сколько онѣ представляютъ собою олицетвореніе экономическихъ категорій, насколько онѣ выражаютъ собою опредѣленные сословныя отношенія и ин-

щественныхъ классовъ за привилегированное соціальное положеніе. Но, для правильнаго пониманія характера этой борьбы, очень важно не упускать изъ виду указанный нами выше фактъ, что побѣдители въ соціальной борьбѣ, господствующіе классы, создавая выгодные для себя соціальные порядки и защищая ихъ, не понимаютъ ясно характера общественныхъ отношеній и всегда обосновываютъ свое соціальное положеніе на какомъ нибудь *правовомъ* элементѣ, а не единственно на фактъ силы.

И если духъ сомнѣнія въ правотѣ тѣхъ или другихъ формъ общественной жизни, въ правотѣ привилегій господствующихъ классовъ, до сихъ поръ съ трудомъ проникалъ въ эти классы, то главныя причины тому, во-первыхъ, что само изслѣдованіе и правильное пониманіе соціальныхъ явленій есть дѣло новое—результатъ послѣднихъ десятилѣтій, и притомъ, даже и то, что уже выработано наукою, составляло до сихъ поръ достояніе самаго незначительнаго по числу просвѣщеннаго общества; во-вторыхъ—личный интересъ оказываетъ сильное, *безсознательное* вліяніе на образъ мыслей какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго сословія.

Но сила просвѣщенія, расширяющая кругозоръ, побуждаетъ препятствія къ правильному пониманію вещей, создаваемые личнымъ интересомъ. И дѣйствіе этой силы въ наше время быстро возрастаетъ какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. Развитие ея въ геометрической прогрессіи есть безспорнѣйшій и важнѣйшій соціальный законъ.

Всѣ условія развитія нашего времени ускоряютъ измѣненіе понятій во всѣхъ общественныхъ классахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ—и измѣненіе въ возрѣніяхъ господствующихъ классовъ на свои привилегіи, есть-ли эти привилегіи юридическія или фактическія. Быстро идущее возрастаніе городской жизни,

примѣненіе пара и электричества къ путямъ сообщенія, болѣе и болѣе увеличивающаяся тѣсная умственная связь между всѣми цивилизованными государствами, неизмѣнно возрастающее распространеніе прессы во всѣхъ слояхъ общества, сообщающей ежедневныя событія всего міра, — все это расширяетъ кругозоръ людей, усиливаетъ распространеніе просвѣщенія и измѣняетъ правовыя понятія господствующихъ классовъ. Это безпримѣрное еще въ исторіи увеличеніе сношеній между людьми и обусловливаемое сношеніями — расширение кругозора и распространеніе просвѣщенія и есть причина, почему въ наше время возрѣнія каждаго новаго поколѣнія значительно разнятся съ возрѣніями отцовъ. Тогда какъ при патріархальномъ бытѣ съ его ничтожными сношеніями, — разложеніе котораго началось въ западной Европѣ лишь съ XVII столѣтія, — городское населеніе составляло весьма незначительную часть общаго населенія, да и самые города были очень миниатюрны, громадное большинство людей никогда не выѣзжало изъ того мѣста, гдѣ родилось, и не откуда было имъ получить свѣдѣнія о томъ, что дѣлается внѣ небольшого роднаго округа. При этихъ патріархальныхъ условіяхъ, люди сотни лѣтъ пребывали въ однихъ и тѣхъ же традиціонныхъ понятіяхъ и обычаяхъ.

Широко разлившіяся въ наше время сношенія между людьми оказываютъ наиболѣе сильное вліяніе въ дѣлѣ измѣненія правовыхъ понятій у господствующихъ классовъ въ странахъ, идущихъ, такъ сказать, въ хвостѣ цивилизаціи и пользующихся, поэтому, опытомъ піонерныхъ государствъ. Доказанная на практикѣ удобопримѣнимость и благотворность новыхъ соціальныхъ формъ жизни, осуществленныхъ піонерными государствами, парализуетъ безсознательное вліяніе на возрѣнія личнаго интереса и измѣняетъ ихъ. Такое же дѣйствіе на формированіе понятій, убѣжденій людей производитъ наука.

А потому, по мѣрѣ развитія соціальной науки и распростра-
ненія ея въ обществѣ, должны измѣняться какъ правовыя по-
нятія, такъ и способы реализаціи новыхъ соціальныхъ поряд-
ковъ. Соціальная наука еще и въ настоящее время не вышла
изъ періода младенчества, а потому и не могла имѣть могу-
щественной власти надъ умами. До сихъ поръ существовали
только соціальныя теоріи, враждовавшія между собою; да и онѣ
были извѣстны только небольшому числу научно-образован-
ныхъ людей. Не говоря уже о массахъ, но и большинство
такъ называемаго образованнаго общества пріобрѣтало въ от-
ношеніи основныхъ устоевъ общественныхъ порядковъ *тра-*
диціонныя воззрѣнія воспитавшей ихъ среды. Вотъ почему
господствующіе классы проявляли до нынѣ такую склонность
смотрѣть на всякую соціально-реформаторскую идею, какъ на
посягательство на ихъ *законныя* права, или какъ на идею,
выполненіе которой принесло бы одно зло. Отсюда естественна
и ни мало непредосудительна ихъ борьба противъ соціаль-
ныхъ реформъ. Но ходъ современной исторіи европейскихъ
народовъ выдвинулъ на первый планъ, какъ злобу дня, жиз-
ненные вопросы чисто соціальнаго свойства. Какъ слѣдствіе
этого: много ученыхъ и сравнительно большая часть обра-
зованной публики обращаютъ, въ настоящее время, свое вни-
маніе на изученіе явленій соціальной жизни. Соціальные во-
просы стали предметомъ обсужденія прессы, парламентовъ,
ученыхъ обществъ, конгрессовъ. Можно надѣяться, что уже
не далеко то время, когда соціальная наука достигнетъ той
степени развитія, что положенія ея будутъ имѣть ту же до-
стовѣрность и доказательность, какъ положенія физической
природы; а слѣдовательно, сдѣлаются столь же властными и
обязательными. По мѣрѣ развитія соціальной науки и про-
никновенія ея въ общественное сознаніе, элементъ борьбы въ
дѣлѣ измѣненія соціальныхъ условій жазни, игравшій до сихъ

поръ преобладающую роль, будетъ болѣе и болѣе замѣняться элементомъ просвѣщеннаго наукою сознанія; и послѣдній, по естественному ходу вещей, сдѣлается когда нибудь господствующимъ, а можетъ быть и единственнымъ руководителемъ въ установленіи соціальныхъ условій жизни, покоящихся на солидарности и гармоніи интересовъ людей.

Со времени Петра Великаго начинается отражаться на Россіи вліяніе западно-европейской цивилизаціи, и съ тѣхъ поръ вліяніе это все болѣе и болѣе возрастаетъ. Значеніе опыта Запада для Россіи двухъ родовъ: прямое—когда мы переносимъ западныя учрежденія на нашу почву, и косвенное—когда опытъ западной цивилизаціи предостерегаетъ насъ отъ ошибокъ, сдѣланныхъ нашими старшими братьями. Въ послѣднее время это косвенное значеніе для насъ западно-европейской цивилизаціи особенно усилилось въ виду того, что сама западная культура находится въ состояніи кризиса и ищетъ *новыя основы* соціальной жизни.

Въ виду такой важной двухсторонней роли западно-европейскаго опыта въ нашей соціальной жизни, едва-ли нужно даже и упоминать о томъ, что хотя изложенныя въ предлагаемомъ сочиненіи ученія по экономической политикѣ порождены преимущественно ходомъ жизни западной Европы, тѣмъ не менѣе они представляютъ громадное практическое значеніе и для Россіи—они *освѣщаютъ намъ путь дальнѣйшаго развитія*.

ГЛАВА I.

§ 1. Возникновеніе мануфактуръ. § 2. Первые представители идеи свободы промышленности. § 3. Исходныя положенія труда Адама Смита о «Богатствѣ народовъ». § 4. Теорія народонаселенія Мальтуса. § 5. Теорія Рикардо о распространеніи народнаго дохода. § 6. Современное значеніе реалистической школы въ политической экономіи и ея основныя положенія.

§ 1. Изучая историческое развитіе экономическихъ, политическихъ и юридическихъ ученій, нельзя не замѣтить строгаго соотвѣтствія ихъ содержанія характеру современной имъ эпохи. Характеръ эпохи выражается въ экономическомъ строѣ жизни, политическихъ учрежденіяхъ, запасѣ знаній, литературѣ, нравахъ, понятіяхъ и живыхъ, прогрессивныхъ стремленіяхъ времени. Всѣ эти элементы опредѣляютъ какъ кругъ предметовъ, которыми занимаются общественныя теоріи, такъ и характеръ возрѣній на изслѣдуемые ими вопросы. Отсюда само собою слѣдуетъ, что всестороннее пониманіе экономическихъ, политическихъ, юридическихъ и всякихъ другихъ ученій, относящихся къ общественной жизни, возможно лишь при сопоставленіи этихъ ученій съ современными имъ жизненными и преимущественно экономическими условіями. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ изложенію основныхъ положеній ученія Адама Смита, мы, въ бѣгломъ очеркѣ, укажемъ главныя жизненныя условія, долго подготовлявшія, а потомъ и вызвавшія это ученіе.

Въ XVI столѣтіи, цеховая организація, регулировавшая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ городскую промышленность западной Европы, становится въ противорѣчіе съ новыми экономическими условіями. *Открытие Америки и морскаго пути въ Остъ-Индію, изобрѣтеніе пороха и введеніе постоянныхъ войскъ, способствовавшіе усиленію централнаго правительства и тѣмъ самымъ охраненію права и безопасности,* — все это дало сильный толчекъ развитію торговли и промышленности. Открытые новые рынки сильно увеличили спросъ на продукты; возможность сбыта въ большихъ массахъ побуждала капиталы вливаться въ городскія промышленныя предпріятія. Но въ этой сферѣ дѣятельности капиталы наталкивались на цеховые законы, умышленно препятствовавшіе крупному производству, а тѣмъ самымъ — и накопленію богатства въ рукахъ хозяевъ промышленныхъ заведеній; *цеховые уставы ограничивали число учениковъ и ремесленниковъ, какое могъ держать отдѣльный мастеръ.* Недопускаемые въ города, новыя крупныя мануфактуры основывались въ сѣлахъ, внѣ контроля стараго городского устройства и цеховъ.

Быстрому развитію и процвѣтанію новыхъ мануфактуръ много способствовалъ также совершившійся въ это время переворотъ въ сельской промышленности и поземельныхъ отношеніяхъ. Сила и честолюбіе стараго феодальнаго дворянства основывались на числѣ ихъ поданныхъ; послѣднее же зависѣло отъ числа крестьянъ съ самостоятельнымъ хозяйствомъ. Дворянство XVI столѣтія, какъ дитя своего времени, предпочитало деньги сохраненію старыхъ феодальныхъ отношеній. Развивавшіяся шерстяныя мануфактуры предъявляли спросъ на шерсть; цѣна на послѣднюю поднялась и лозунгомъ тогдашняго дворянства стало обращеніе пашней въ пастбища для овецъ, *для чего при-*

нялись экспроприровать землю у крестьянъ. Новый толчекъ процессу экспроприации земли у крестьянъ былъ данъ реформаціею, сопровождавшеюся конфискаціею церковныхъ земель. Новые собственники этихъ земель прогоняли съ нихъ цѣлыми массами крестьянскія семейства, жившія здѣсь испоконъ вѣку на правѣ феодальнаго владѣнія землею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, закономъ гарантированное право обѣднѣвшихъ крестьянъ на извѣстную часть церковной десятины было безмолвно отмѣнено. Экспроприация земли у крестьянъ, эта бѣдственная для народа операція, общая всѣмъ западно-европейскимъ государствамъ, имѣла самое обширное и продолжительное (слишкомъ три столѣтія) примѣненіе въ Великобританіи. Она создала современныя ненормальныя поземельныя отношенія въ этой странѣ *).

Лишенные земель крестьяне должны были искать средствъ существованія продажею своей

*) Въ какой степени экспроприация, уже въ XVI столѣтіи, когда размѣръ примѣненія ея былъ меньшій, сравнительно съ дѣйствіемъ ея въ XVII и XVIII вѣкахъ, отразилась бѣдственно на народной массѣ, можно видѣть изъ сравненія сочиненій сэра Джона Фортеस्कью, краснорѣчиво изображающаго народное благосостояніе въ XV вѣкѣ, и Томаса Моруса, писателя XVI вѣка, описывающаго, съ чувствомъ глубокаго состраданія, разореніе крестьянъ. «Изъ золотого вѣка, говоритъ Торитонъ, англійскій рабочій классъ былъ низвергнутъ безъ всякихъ переходовъ въ желѣзный».

Хорошее указаніе на благосостояніе народа въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ даютъ намъ законы противъ роскоши. «Жалобы на роскошь простаго народа въ Англии, говоритъ профессоръ Янжуль въ сочиненіи «Англійская свободная торговля», начинаютъ раздаваться весьма рано; онѣ встрѣчаются уже въ хроникахъ отъ 1300 года. Но первый законодательный актъ, пространно регулировавшій роскошь, вышелъ въ 1363 году. Въ этомъ законѣ пахарямъ, пастухамъ и т. п. рабочимъ дозволены матеріи не дороже одного шиллинга за ярдъ. Со времени Эдуарда III и до половины XIX вѣка цѣнность денегъ уменьшилась въ двадцать разъ, и, такимъ образомъ, если пе-

рабочей силы. Новымъ мануфактурамъ былъ какъ нельзя болѣе выгоденъ этотъ наплывъ свободныхъ рабочихъ рукъ *).

Привести этотъ запретительный законъ на современную денежную единицу, то получится запрещеніе для пастуховъ и другихъ рабочихъ носить платье дороже 20 шиллинговъ за ярдъ (7 руб. сер.). Такой высокой максимумъ дозволенной дороговизны долженъ естественно протекать отъ значительной зажиточности лицъ, для которыхъ запрещеніе сдѣлано; въ настоящее время существованіе такого закона уже потому было бы невысказуемо, что самое нарушеніе закона невозможно.

Ровно черезъ сто лѣтъ, при Эдуардѣ IV, вышелъ другой замѣчательный законъ противъ роскоши: прислугѣ было запрещено носить платье, дороже двухъ шиллинговъ за ярдъ; чулки — не дороже четырнадцати пенсовъ за пару, и головной платокъ не долженъ былъ превышать двѣнадцати пенсовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1482 году, было найдено необходимымъ ослабить это запрещеніе, и разрѣшено носить чулки до восемнадцати пенсовъ и платки до двадцати. Вильямъ Торнтонъ, дѣлая расчетъ тогдашней цѣны денегъ сравнительно съ теперешней, замѣчаетъ, что такого рода узаконеніе, переведенное на современную денежную единицу, равнялось бы запрещенію пахарямъ носить бархатные сюртуки и шелковые чулки, а ихъ женамъ чепчики изъ брюссельскихъ кружевъ.

Законодательные памятники того времени (напримѣръ, 24 Hen. VIII) называютъ обыкновенною пищею народа не только говядину, свинину и телятину, но и гусей, куръ, цыплятъ.

Непрерывно продолжавшаяся экспроприация земли у крестьянъ и постоянное исчезновеніе отъ конкуренціи новыхъ мануфактуръ цеховаго устройства, обезпечивавшаго трудъ и достаточное вознагражденіе за него, были обстоятельствами, непрерывно ухудшавшими положеніе рабочихъ классовъ. Англійскіе историки Роджерсъ и Фраудъ, на основаніи самыхъ точныхъ изслѣдованій размѣровъ заработной платы и цѣнности предметовъ необходимости, пришли къ выводу, что благосостояніе англійскаго народа, весьма высокое въ концѣ среднихъ вѣковъ, начиная съ XVI столѣтія, постоянно понижалось вплоть до нашего времени.

*) Въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершалась экспроприация

Онъ позволялъ имъ расширять производство до размѣровъ наличнаго капитала и тѣмъ способствовалъ возрожденію богатства и значенію промышленнаго (третьяго) сословія.

Съ расширеніемъ производства удешевляется созданіе продуктовъ, а потому мануфактуры явились серьезными конкурентами цеховымъ мастерскимъ. Начинается борьба между старымъ цеховымъ устройствомъ и новыми промышленными предпріятіями. Но всѣ усилія цеховыхъ мастеровъ остановить и измѣнить естественное теченіе дѣлъ, обращенія ихъ къ правительствамъ за помощью были тщетны. Правительства сочувствовали развитію и процвѣтанію мануфактуръ, видя въ нихъ прогрессъ національной промышленности. По мѣрѣ развитія мануфактуръ раздѣленіе труда въ производительныхъ операціяхъ выступаетъ все больше и больше, а съ тѣмъ вмѣстѣ рождается спросъ на техническія открытія, и послѣднія не медлятъ своимъ появленіемъ. Технические изобрѣтенія, въ свою очередь, оказали громадное вліяніе на ростъ отраслей промышленности, захваченныхъ мануфактурами, на увеличеніе размѣровъ и богатства новыхъ, стоявшихъ внѣ цеховой организаціи, городовъ **). Это движе-

уже въ XVI столѣтіи, видно изъ того, что создаваемый ею пролетаріатъ не успѣвалъ быть поглощаемъ мануфактурами, не смотря на быстрый ростъ послѣднихъ. Экспропрированные, не имѣя возможности продать свою рабочую силу, обращались въ нищихъ, разбойниковъ, бродягъ. Въ теченіе всего XVI столѣтія мы видимъ во всей западной Европѣ драконовскіе законы противъ бродяжничества (плеть, клейменіе, отрѣзываніе ушей, смертная казнь при поимкѣ въ третій разъ). Предполагалось, что всѣ эти нищие и бродяги шатаются не потому, что не могутъ найти работу вслѣдствіе измѣнившихся экономическихъ условій, а не желаютъ работать.

**). Бирмингамъ, Манчестеръ и многіе другіе города такого же значенія выросли изъ мануфактуры.

не шла рука объ руку съ успѣхами вѣшной британской торговли.

§ 2. Къ концу XVII вѣка крупное производство заняло уже видное мѣсто въ англійской промышленности. Въ интересахъ его было возможное устраненіе государственной опеки надъ промышленною жизнью. И эти интересы, по мѣрѣ роста крупной промышленности, увеличенія богатства и соціального значенія класса крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ, находили себѣ защиту въ парламентѣ и литературѣ. Самымъ яркимъ и рѣшительнымъ представителемъ новыхъ промышленныхъ интересовъ явился Дедаей Нортъ въ сочиненіи «*Discourses upon Trade principally directed to the Cases of the interest, Coinage, Clipping, increase of Money*», 1691 годъ. Нортъ совершенно свободенъ отъ меркантильныхъ идей и объявляетъ всякое правительственное вмѣшательство вреднымъ для экономической дѣятельности народа. Въ этомъ отношеніи онъ, по справедливости, можетъ считаться первымъ рѣшительнымъ фритредеромъ и предшественникомъ Адама Смита. Приведемъ нѣкоторыя резюме самого автора.

«Весь свѣтъ относительно торговли составляетъ какъ бы одну націю или народъ, а всѣ отдѣльныя націи—все равно какъ индивиды одного народа».

«Потеря торговли одной націи не составляетъ несчастье только для нея одной, но для всего свѣта, ибо всѣ націи соединены вмѣстѣ общими интересами».

«Не можетъ существовать торговли, невыгодной для народа, ибо если-бы таковая оказалась, люди оставили бы ее; а гдѣ торговцы (промышленники) преуспѣваютъ, тамъ и народъ, котораго они составляютъ часть, также преуспѣваетъ».

«Нельзя людей принуждать къ дѣятельности по предписанному образцу; это можетъ принести, пожалуй, выгоду

кому-нибудь, но народъ черезъ это ничего не приобретаетъ, ибо что дается одному подданному, то берется у другаго».

«Никакіе правительственные законы не могутъ опредѣлять цѣны въ торговлѣ; послѣднія должны устанавливаться сами. А если такіе законы существуютъ, то составляютъ для торговли большую помѣху и заслуживаютъ осужденія» и т. д. Нортъ заканчиваетъ свою книгу слѣдующими замѣчательными словами.

«Ни одинъ народъ не разбогатѣлъ черезъ государственныя мѣропріятія, но только *миръ, трудолюбіе и свобода* создали торговлю и богатство».

Весь періодъ времени съ конца XVII ст. до появленія книги Адама Смита можно назвать переходнымъ: старыя меркантильныя понятія имѣли еще значительное приложеніе на практикѣ и находили себѣ представителей въ теоріи; новыя воззрѣнія, впервые рѣшительно заявленныя Нортомъ, все болѣе разрабатывались и распространялись, хотя еще не сдѣлались господствующими. Самыми крупными представителями новыхъ воззрѣній въ эту переходную эпоху являются Давидъ Юмъ, Джосуа Токкеръ и Адамъ Фергюсонъ. Основной характеръ воззрѣній этихъ писателей заключается въ апологіи расширявшейся тогда индустріи и торговли и въ порицаніи всякаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь общества, всякихъ препонъ частной дѣятельности въ торговлѣ и промышленности. Считая увеличеніе абсолютнаго богатства страны тождественнымъ съ умноженіемъ народнаго благосостоянія, они, съ самыми лучшими намѣреніями, защищали все, что, по ихъ мнѣнію, вело къ процвѣтанію торговли и промышленности, и важнѣйшее условіе такого процвѣтанія видѣли въ устраненіи регламентаціи экономической дѣятельности. Токкеръ опровергаетъ, какъ предразсудокъ, что бѣдныя націи будто бы естественные враги богатыхъ націй. «Такъ какъ

бѣдныя страны, говоритъ онъ, не могутъ конкурировать съ богатыми по недостатку капитала и искусства, то имъ выгоднѣе заниматься производствомъ сырыхъ продуктовъ, а богатымъ націямъ предоставить мануфактуру. *Между народами не существуетъ никакого антагонизма интересовъ, а, напротивъ, господствуютъ согласіе, гармонія*».

«Интересы отдѣльныхъ лицъ, по мнѣнію Фергюсона, весьма хорошо гармонируютъ съ интересами государства: чѣмъ болѣе отдѣльные классы, особенно промышленный, пріобрѣтаютъ, тѣмъ болѣе возвышается національное богатство, которое состоитъ не въ наличныхъ деньгахъ, а въ совокупности всѣхъ полезныхъ и употребительныхъ вещей, которыя находятся въ собственности у гражданъ». Фергюсонъ защищаетъ принципъ свободной экономической дѣятельности почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ позднѣе защищалъ ее и Адамъ Смитъ. «Торговля, говоритъ онъ, есть такой родъ промышленности, гдѣ люди, предоставленные дѣйствію ихъ собственнаго опыта, менѣе всего способны вступить на неправильный путь».

Всѣ эти идеи вполне соответствовали экономическимъ условіямъ Англіи того времени. Англія въ промышленномъ развитіи опередила другія государства; иностранная конкуренція становилась для нея неопасной; между тѣмъ, господствовавшая во всей Европѣ строгая запретительная система вредила расширенію британскихъ рынковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, внутренняя экономическая политика, вмѣшательство закона въ процессъ производства, различныя таксы также стѣсняли ростъ мануфактуръ. Между тѣмъ, въ это время уже явились великія изобрѣтенія Аркрайта, Уатта, Корта и другихъ, дававшія новыя силы мануфактурному производству и сулившія большіе барыши. Понятно, при такомъ положеніи дѣлъ, идеи свободной торговли и промышленности быстро распро-

странялись въ англійскомъ обществѣ; усиливалось сознание необходимости реформы экономическаго законодательства и чувствовалась потребность систематизированія новыхъ экономическихъ идей и обоснованія ихъ. Отвѣтомъ на эту потребность явилось въ свѣтъ, въ 1776 г., гениальное сочиненіе Адама Смита о «Богатствѣ народовъ».

Англія и Франція, до настоящаго времени, шли, по пути накопленія матеріальныхъ и умственныхъ богатствъ *), впереди другихъ государствъ и своимъ историческимъ ходомъ развитія оказывали значительное вліяніе на другія страны. Новыя экономическія теченія, которыя мы видѣли въ Англии,

*) Накопленіе матеріальнаго и умственнаго богатства обыкновенно называютъ прогрессомъ. Но такое употребленіе слова прогрессъ вѣрно только въ ограниченномъ смыслѣ. Понятіе о прогрессѣ въ примѣненіи къ социальнымъ явленіямъ есть понятіе телеологическое, оно заключаетъ въ себѣ идею о человѣческомъ счастьи. А потому, только тѣ измѣненія можно считать прогрессомъ, которыя прямо или косвенно стремятся къ возвышенію человѣческаго счастья. Накопленіе богатства въ странѣ можетъ происходить на счетъ объединенія народа. Исторія Великобританіи лучшей примѣръ этому. Къ подобному накопленію національнаго богатства слово прогрессъ неприменимо.

Считая понятіе прогресса телеологическимъ, мы не можемъ согласиться съ Спенсеромъ, отождествляющимъ его съ «Закономъ развитія». Не можемъ согласиться, во-первыхъ, потому, что слово прогрессъ, какъ заключающее въ себѣ телеологическую идею, применимо только къ явленіямъ человѣческой жизни; во-вторыхъ, поступательный ходъ развитія обществъ можетъ совершаться на счетъ благосостоянія большинства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтимъ, что «законъ развитія человечества», какъ его понимаетъ Спенсеръ, вполне опровергается *смысломъ новой эпохи* человѣческихъ судебъ, рѣшительно выступившей съ конца прошедшаго столѣтія. Духовная, политическая и экономическая эмансипация, всестороннее развитіе индивидуума, составляютъ принципиальный смыслъ новой эпохи.

имѣли мѣсто и во Франціи, но достигли здѣсь своей зрѣлости позднѣе, а потому и идеи свободной торговли и промышленности являются во Франціи лишь спустя 60 лѣтъ послѣ появленія ихъ въ Англіи.

Идея объ устраненіи вмѣшательства государства въ экономическую жизнь и о водвореніи свободы торговли и промышленности была провозглашена во Франціи одновременно нѣсколькими мыслителями, составлявшими тѣсно сплоченный кружокъ, центромъ котораго былъ Бенэ, докторъ Людовика XV. Этотъ кружокъ раздѣлялъ доктрины господствовавшей тогда во Франціи рационалистической философіи. По ученію рационалистической философіи, для соціальной жизни данъ «неизмѣнною» природою человѣка и ея отношеніями къ вышнему міру такой же «естественный» порядокъ вещей, стоящій внѣ условій времени и пространства, какой существуетъ для физической природы. И только такія мѣры правительства, которыя сообразуются съ этимъ порядкомъ, достигаютъ предположенной цѣли и приносятъ благо. Изъ такого взгляда на природу соціальныхъ отношеній самъ собою вытекалъ взглядъ и на задачу общественной науки. Задача науки состоитъ въ разьясненіи «абсолютнаго» порядка, установленнаго природою для человѣческихъ обществъ. Эта школа изслѣдователей естественнаго, абсолютнаго порядка вещей, названная поэтому *физиократическою*, первая дала наукѣ объ общественной жизни названіе политической экономіи. По воззрѣніямъ физиократовъ, возстановленіе господства естественнаго, идеальнаго порядка вещей въ народномъ хозяйствѣ требовало неограниченной свободы частнаго интереса, такъ какъ человѣкъ, руководимый своею личною выгодою, будетъ дѣйствовать въ то же время и для блага общества. Одинъ изъ представителей этой школы, Гурнэ, обращаясь къ королевскимъ министрамъ, говорилъ: «наилучшее,

что вы можете сдѣлать для поднятія народнаго хозяйства, это предоставить людямъ полную свободу въ ихъ экономическихъ отношеніяхъ (*laissez faire, laissez passer*).» Разсказываютъ, что Ренэ на вопросъ дофина:—что онъ сталъ бы дѣлать, если бы былъ королемъ? отвѣчалъ:—«Ничего». Такой взглядъ на задачу государства, на отношеніе его къ народной жизни объясняется, съ одной стороны, реакціею противъ дѣйствительно существовавшей въ то время стѣснительной и вредной регламентаціи народной жизни; но, съ другой стороны, это ученіе было результатомъ новыхъ теченій жизни, получившихъ въ то время громадное значеніе въ дѣйствительности; это ученіе какъ нельзя болѣе соответствовало интересамъ крупной промышленности, капиталу, обогатившейся буржуазіи.

Такъ какъ изъ ученія физиократовъ объ экономической свободѣ логически вытекало требованіе уничтоженія всѣхъ экономическихъ привилегій и, между прочимъ, уничтоженія цеховъ и остатковъ феодальныхъ отношеній въ поземельной собственности, то это ученіе получило политическій характеръ. Въ то же время политическія теоріи французскихъ писателей, выставившія на своемъ знамени политическую свободу и равенство правъ гражданъ (слѣдовательно, уничтоженіе привилегій), тѣмъ самымъ затрогивали экономическій порядокъ вещей. Такимъ образомъ, экономическія и политическія реформаторскія идея взаимно переплетались *).

*) Причину отсутствія прямыхъ политическихъ тенденцій у английскихъ экономистовъ новой школы XVIII столѣтія слѣдуетъ видѣть, по нашему мнѣнію, въ томъ, что Англія уже давно пользовалась широкою политическою свободою, а среднее сословіе правомъ представительства. Во Франціи XVIII вѣка среднее сословіе богатствомъ и образованіемъ опередило привилегированные классы:—дворянство и духовенство; между тѣмъ, юридически, по закону, оно пользова-

номическій и политическій порядок сдѣлались предметомъ возбужденной литературной борьбы. Самымъ могучимъ представителемъ рационалистическихъ политическихъ идей этой эпохи былъ Руссо. «Нѣтъ имени, говоритъ профессоръ Блунчли, которое въ то время сіяло-бы болѣе яркимъ свѣтомъ, чѣмъ имя женеваго гражданина—Жанъ-Жака Руссо, и нѣтъ сочиненій, которыя въ большей мѣрѣ были-бы почитаемы тогда *новымъ евангеліемъ*, чѣмъ сочиненія Руссо... Кто знаетъ сочиненія Руссо, тотъ имѣетъ ключъ къ *государственной теоріи французской революціи*». Огненною рѣчью громилъ Руссо обветшалые принципы средневѣковой эпохи и провозглашалъ новыя формы государственной жизни. Сочиненія его представляли страстный памфлетъ противъ существовавшаго общественнаго порядка, вдохновлявшій сердца и воспламенявшій умы. Въ основѣ всѣхъ возрѣній и тре-

лось самыми ничтожными политическими правами. Эту мысль и высказалъ за годъ передъ французскою революціею Сиейсъ въ своей знаменитой пророческой формулѣ: — «Что такое третье сословіе? Все. — Чѣмъ оно было до сихъ поръ?—Ничѣмъ. — Чего требуетъ оно?—Быть чѣмъ нибудь».

Лассаль мѣтко замѣчаетъ, что французская революція перенесла на бумагу то, что совершилось въ дѣйствительности.

Третье сословіе, уже во время царствованія Людовика XIV, достигло такого значенія, что историографъ этого сословія, Огюстенъ-Тъери, считаетъ замѣчательнѣйшимъ дѣломъ этой эпохи сближеніе и смѣшеніе сословій. Замкнутость дворянства рушилась; оно стало служить при дворѣ и въ войскѣ, хотя въ обоихъ случаяхъ почести и заслуги основаны были не на рожденіи, а на личныхъ достоинствахъ. Маршалы, изъ какого бы они ни были сословія, стояли выше герцоговъ; министры, вышедшіе изъ третьяго сословія, признавали выше себя только принцевъ крови; жены ихъ приглашались къ королевскому столу. Производство въ арміи основано было не на происхожденіи, а на очереди: по старшинству, либо за дѣй-

бованій Руссо лежитъ стремленіе осуществить верховную власть народа, свободу и равенство гражданъ. «Искусственное, нравственное неравенство, говоритъ Руссо, установленное лишь положительнымъ правомъ, *противно естественному праву* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно не находится въ должномъ соотношеніи съ *физическимъ*, то-есть, *естественнымъ* неравенствомъ, — отличие достаточно опредѣляющее, что должно думать о господствующемъ повсюду у цивилизованныхъ народовъ неравенствѣ; ибо, очевидно, это идетъ въ разрѣзъ съ природою, какъ бы ее ни объясняли, чтобы дитя давало приказы старцу, чтобы глупецъ властвовалъ надъ мудрецомъ, и чтобы кучка людей утопала въ избыткѣ, между тѣмъ какъ голодная толпа нуждается въ необходимомъ».

ствительное отличие по службѣ. Лица среднего класса, благодаря своему образованію и способностямъ, занимали высшія правительственныя мѣста и оказывали вліяніе на ходъ дѣлъ. Saint-Simon въ своихъ мемуарахъ называетъ царствованіе Людовика XIV *царствованіемъ подлой буржуазіи*, — слова, имѣющія глубокой смыслъ и доказывающія переворотъ, случившійся со времени Ришелье и Фронды.

Но мѣръ того какъ низводилось дворянство, возвышалось вліяніе среднихъ классовъ. Отъ нихъ исходило матеріальное и умственное развитіе. Вмѣстѣ съ возрастающимъ ихъ вліяніемъ росло и довѣріе въ нихъ. Явленіе это поразило моралиста того времени, Лабрюэра, который постоянно повторялъ, что между тѣмъ какъ работа кипитъ въ рукахъ дѣятельныхъ низшихъ сословій, высшее дворянство погружается все болѣе въ лѣнливую дремоту. Почти всѣ министры той эпохи, многія знаменитости на военномъ поприщѣ, а на ученомъ и литературномъ рѣшительно всѣ, за исключеніемъ трехъ, вышли изъ буржуазіи: — Корнель, Паскаль, Мольеръ, Расинъ, Лафонтенъ, Буало, Боссеютъ, Бардалу, Флешье, Массильонъ, Лабрюэръ, Арно, Николь, Дома; артисты: Пуссенъ, Лезюеръ, Лорренъ, Шампань, Лебрень, Пюже. Три имени составляютъ исключеніе: Фенелонъ, Ларошфуко и М-ше де-Севинье.

Ученія физиократовъ и Руссо стали дѣломъ во французскую революцію *). Революціонное законодательство вѣрило, что осуществить идеи свободы, равенства и общаго матеріальнаго благосостоянія путемъ отмены юридическихъ привилегій и установленіемъ равенства всѣхъ передъ закономъ, учрежденіемъ республиканской формы правленія, покоящейся на принципѣ верховныхъ правъ народа, установленіемъ возможно широкой политической свободы, объявленіемъ свободы труда, торговли, собственности. Благороднѣйшія стремленія и вѣрованія эти не осуществились, и въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ причины этой неудачи.

*) Въ № 8 Критическаго Обозрѣнія, г. Евгений де-Роберти указываетъ на интересный историко-философскій этюдъ Dubost въ *Revue de la philosophie positive* t. XIX, озаглавленный: «Дантонъ и современная политика». — «Авторъ, говоритъ г-нъ де-Роберти, задается цѣлью всесторонне освѣтить, если не личность Дантона, о которомъ, какъ и о всѣхъ крупныхъ дѣятеляхъ великой революціи, написаны сотни томовъ, то, по крайней мѣрѣ, его политику, его стремленія, его общественные идеалы. Дантона авторъ признаетъ родоначальникомъ и самымъ виднымъ представителемъ современной политической школы, нашедшей себѣ выраженіе, между прочимъ, въ такъ называемомъ опортюнизмѣ. Такимъ образомъ, устанавливается какъ бы прямая филіація въ руководящихъ идеяхъ, замыслахъ и способахъ выполненія ихъ между знаменитымъ трибуномъ первой республики и вождемъ нынѣшнимъ французскихъ республиканцевъ. Дантонъ уже замышлялъ то, что суждено было осуществить, восемьдесятъ лѣтъ спустя, Гамбеттѣ и его единомышленникамъ... Въ эпоху первой революціи, три философскія школы могли прямо вліять на общество и политику: школа Вольтера, школа Руссо и школа Дидро или энциклопедистовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова; и каждое изъ этихъ направленій, дѣйствительно, наложило неизгладимую печать на событія того времени. Но вліаніе ихъ было весьма неравное; идеи Руссо преобладали, идеи Вольтера имѣли многочисленныхъ сторонниковъ (жирондисты и ихъ преемники); а мнѣнія

Теоріи французскихъ философовъ XVIII вѣка, касавшіяся важнѣйшихъ вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ работаетъ человѣческой умъ, оказали громадное вліяніе на движеніе мысли во всемъ образованномъ европейскомъ обществѣ. Профессоръ Глазовскаго университета, Адамъ Смитъ, страстно желалъ лично познакомиться съ кружкомъ фізіократовъ, и это желаніе ему удалось осуществить во вторую свою поѣзду въ Францію въ 1765 г. Ниже мы увидимъ, какое сильное вліяніе оказало на міросозерцаніе Адама Смита его тринадцати - мѣсячное пребываніе въ кружкѣ Гельвеціуса, Кенэ и Тюрго. По возвращеніи на родину, Адамъ Смитъ

и взгляды Дидро находили только слабый отголосокъ (группа дантонистовъ): Дюбо объясняетъ это явленіе тѣмъ, что масса умовъ, воспитанныхъ на теологическихъ и метафизическихъ доктринахъ, должна была, очевидно, примкнуть къ направленіямъ, которыя были наиболѣе близки, по своему духу и приѣмамъ, къ этимъ доктринамъ. Направленія эти открыто проповѣдовали возможность мгновеннаго возрожденія общества, и масса послушно шла за магами и чудодѣями, обѣщавшими ей такія превращенія. Отличительною чертою школы Дидро и ея представителей въ политикѣ, группы дантонистовъ, было то, что они никогда не раздѣляли этихъ иллюзій и дѣлали все, что могли, чтобы развеять ихъ, отрезвить умы, приучить общество къ пониманію истинныхъ условій роста и развитія соціальныхъ организмовъ. Школа Дидро не выставляла въ политикѣ никакой общей непогрѣшимой доктрины; она защищала права эмпиризма, повседневнаго опыта, она совѣтовала неустанно трудиться и пользоваться уроками событій. Дантонъ, по мнѣнію Дюбо, былъ проникнутъ именно такимъ взглядомъ, и его политика оказала революціи величайшія услуги; лучшія мѣры того времени были приняты по его почину; задачи революціи — уничтоженіе королевской власти и защита территоріи — были разрѣшены чисто эмпирическимъ путемъ, подъ непосредственнымъ давленіемъ обстоятельствъ, т. е. вполне согласно съ принципами, руководившими политикой Дантона. Но торжество политики эмпиризма было, какъ извѣстно, недолгое;

поселился въ Киркальди и въ сельскомъ уединеніи неутомимо работалъ, въ теченіе 10 лѣтъ, надъ «Богатствомъ Народовъ». Весьма знаменательный фактъ, могущій случаться только съ творцами апіористическихъ теорій, что на Адама Смита временами находило сомнѣніе въ истинности его научныхъ убѣжденій, и отсюда—апатія къ своему труду. Въ это тяжелое время Юмъ поддерживалъ и ободрялъ своего друга. «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ» вышло въ 1766 году, и въ первое время далеко не произвело того впечатлѣнія, какъ предыдущее сочиненіе Смита—«Теорія нравственныхъ чувствъ»; только спустя нѣ-

абсолютныя доктрины господствовали надъ умами, и потребовалось цѣлыхъ три четверти столѣтія, чтобы воочію доказать полиѣйшую несостоятельность этого направленія. Исторія республиканской партіи во Франціи, съ самаго паденія первой республики и до нашихъ дней, прямо свидѣтельствуетъ о господствѣ въ этотъ долгій періодъ времени метафизическаго умственнаго строя—*la mentalité métaphisique*; республиканцы слѣдовали традиціямъ жирондистовъ, робеспьеристовъ, гебертистовъ; но никто изъ нихъ и не подозревалъ даже, что у Дантова и его группы была какая-либо своя, отличная отъ другихъ, политика, и, въ особенности, что эта политика была слѣдствіемъ философіи, діаметрально противоположной господствовавшему въ эпоху первой революціи философскимъ понятіямъ. Дантоновская политика была затерта великимъ революціоннымъ теченіемъ, приведшимъ Францію къ 18 Брюмера; но то же случилось, въ мірѣ философіи, и съ школою Дидро, которая вскорѣ перестала быть извѣстной иначе, какъ только съ литературной и художественной сторонъ своихъ. Энциклопедическая школа, прямо объявлявшая себя бессильною разрѣшить задачу соціального возрожденія, не могла представлять никакого интереса для умовъ, насквозь пропитанныхъ теолого-метафизическими стремленіями. Но за то школа эта, основанная исключительно на положительномъ знаніи, незамѣтно обогащалась всѣми успѣхами этого знанія; она одна между всѣми философскими направленіями XVIII вѣка сохранила способность къ

сколько лѣтъ этотъ трудъ сталъ экономическимъ евангеліемъ для всей Европы.

Для нашей цѣли нѣтъ надобности излагать содержаніе «Богатства народовъ», а достаточно указать исходныя точки зрѣнія, послужившія основою этого сочиненія.

§ 3. Ученія Руссо и физиократовъ о существованіи «естественныхъ законовъ» человѣческаго общества, покоющихся на природѣ человѣка и ея неизмѣнныхъ отношеніяхъ къ вѣшнему міру, законовъ, одинаково приложимыхъ ко всякому народу и времени, слѣдовательно *абсолютныхъ*, но искажаемыхъ ложно направляемыми правительственными учреждениями, получили значеніе краеугольнаго камня въ экономической теоріи Смита *). Чтобы осуществить этотъ

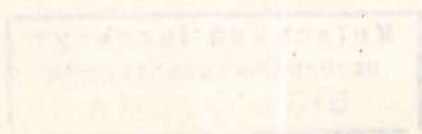
дальнѣйшему росту и развитію. Школы Вольтера и Руссо, не смотря на возбужденную ихъ политическими представителями шумиху фразъ и трескотню событій, остались такими же, какими они были при самомъ возникновеніи своемъ. Напротивъ того, казавшаяся забытою всѣми школа Дидро въ тотъ же промежутокъ времени испытала полное перерожденіе или обновленіе. Вначалѣ горизонтъ энциклопедической доктрины былъ также ограниченъ, какъ горизонтъ науки. Съ перваго дня своего существованія она согласилась оставаться незначительною, отрывочною. Она не стремилась ни къ невидимому, ни къ недосутному. Она отталкивала отъ себя абсолютное и утверждала относительное. Школа эта не менѣе другихъ чувствовала и понимала необходимость общей доктрины или синтеза. Но она терпѣливо ждала того времени, когда наука могла доставить ей всѣ нужные для такого обобщенія элементы. Вотъ почему она оказалась способною прогрессировать и, дѣйствительно, ушла впередъ. Обновленіе это принесла философія положительнаго знанія, которая, какъ общій синтезъ, обнимающій все познаваемое путемъ объективнымъ, стала возможна лишь послѣ включенія въ научную систему сумму двухъ наиболѣе близко касающихся человѣка и наиболѣе интересныхъ для него слагаемыхъ — науку о жизни — біологію, и науку объ обществѣ — соціологію.

*) Изъ очерка, оставшагося отъ предположенной Смитомъ, но не

наилучшій, естественный общественный порядокъ, надо только предоставить полную свободу проявленіямъ челоуѣческой природы, которая предполагалась у всѣхъ людей *одинаковою и неизмѣнною*. Природа челоуѣка противопоставлялась искусственности всего общественнаго быта, какъ самородный, неиссякаемый источникъ разума и всякаго блага. «*Все прекрасно, говорилъ Ж. Ж. Руссо, что исходитъ изъ рукъ Творца, все искажается въ рукахъ челоуѣка*». Бондорсе училъ, что если бы челоуѣкъ повиновался законамъ природы, то нельзя было бы положить границъ развитію его благоденствія. Отсюда сами собою вытекли теоріи прирожденныхъ правъ, общественнаго договора, суверенитета народа, устранения всякаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь и водворенія неограниченной свободы борьбы личныхъ интересовъ. За государствомъ оставлялась только одна охранительная функція:—защита внутренней и внѣшней безопасности и выполненіе правосудія.

Идея о возможно большемъ ограниченіи дѣятельности государства была логическимъ слѣдствіемъ борьбы XVIII вѣка противъ произвола абсолютизма и привилегій феодальнаго порядка. Но нигдѣ эта борьба не проявлялась съ такою страстностью, нигдѣ она не была доведена до такихъ крайностей, какъ во Франціи. Фактъ этотъ, очевидно, объясняется положеніемъ дѣлъ въ этой странѣ. Ни въ одной

приведенной въ исполненіе «Исторіи юриспруденціи», видимъ его намѣреніе изложить теорію *естественной* юриспруденціи. Каждая система положительнаго закона, говоритъ Смитъ въ этомъ очеркѣ, можетъ быть рассматриваема какъ болѣе или менѣе несовершенная попытка приближенія къ системѣ *естественной* юриспруденціи, и главная цѣль юридическаго изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы узнать *естественныя* правила правосудія, независимыя отъ всѣхъ положительныхъ установленій.

страшнѣ произволъ, привилегіи и монополіи не были такъ нестерпимы, какъ во Франціи. Французское правительство XVIII вѣка управляло страной несравненно хуже правительствъ другихъ народовъ. Никогда и нигдѣ авторитетъ правительства не подвергался такому злословію, пасквилямъ, какъ во время правленія Людовиковъ XV и XVI. Никогда привилегированныя классы не пользовались болѣе гнуснымъ образомъ своими привилегіями, нигдѣ разореніе народа не было доведено до такой ужасной степени, какъ въ тогдашней Франціи. Чѣмъ сильнѣе былъ гнетъ правительства, привилегій обветшалаго законодательства, тѣмъ съ большею страстностью проповѣдывались идеи свободы, равенства и невмѣшательства государства.

Признавая наилучшимъ общественнымъ порядкомъ «естественный строй вещей», Ад. Смитъ, согласно съ фізіократами, считалъ важнѣйшею задачею общественной науки — раскрытіе этого естественнаго порядка какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Цѣлью труда Смита было не объясненіе прошедшаго, настоящаго и вытекающихъ изъ настоящаго указаній ближайшаго будущаго экономическаго строя, — въ прошедшихъ и настоящихъ народно-хозяйственныхъ организаціяхъ онъ видѣлъ лишь нелѣпую регламентацію, порожденную, съ одной стороны, невѣжествомъ, непониманіемъ истинныхъ причинъ наростающаго національнаго богатства и благосостоянія, съ другой, стремленіемъ господствующихъ классовъ къ эксплуатаціи; — цѣлью его труда было построеніе теоріи наилучшаго, абсолютнаго экономическаго порядка, — порядка, долженствующаго еще быть осуществленнымъ. И если теорія Смита, въ скоромъ времени, дѣйствительно въ значительной степени осуществилась, особенно въ Англіи и Франціи, то потому, что она соотвѣтствовала духу времени, интересамъ промышленнаго и тор-

говаго классовъ, получившихъ къ концу XVIII вѣка господствующее вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ.

Первое требованіе естественнаго порядка вещей въ народномъ хозяйствѣ, по ученію Смита, состоитъ въ невмѣшательствѣ государства въ экономическую дѣятельность и въ предоставленіи ея волѣ индивидуумовъ. Съ устраненіемъ вмѣшательства государства, народное хозяйство цѣликомъ переходитъ въ руки частныхъ хозяйствъ, почему теорія Смита занимается исключительно изслѣдованіемъ: — *какую организацію приметъ народное хозяйство, предоставленное свободной дѣятельности частныхъ хозяйствъ*. Очевидно, первый вопросъ въ этомъ изслѣдованіи:—чѣмъ руководится человѣкъ, будучи совершенно свободенъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ? Хозяйственныя дѣйствія человѣка находятся подъ вліяніемъ многихъ мотивовъ. Но Смитъ счелъ возможнымъ выдѣлить изъ нихъ господствующій, именно стремленіе человѣка извлечь изъ своей хозяйственной дѣятельности возможно бѣльшую сумму средствъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Въ мѣновомъ хозяйствѣ,—а современное хозяйство есть почти всецѣло мѣновое,—стремленіе извлечь возможно бѣльшую выгоду проявляется въ томъ, что всѣ желаютъ продать какъ можно дороже и купить какъ можно дешевле. Въ своемъ сочиненіи Смитъ исключительно имѣетъ въ виду это эгоистическое стремленіе человѣческой природы и выводитъ изъ него всѣ хозяйственныя явленія *). Далѣе, господство эгоизма въ частно-

*) Профессоръ Brentano усматриваетъ въ этомъ приѣмѣ изслѣдованія Смитомъ хозяйственныхъ явленій вліяніе на него воззрѣній Гельвеція, высказанныхъ послѣднимъ въ книгѣ «De l'esprit». Известно, говоритъ Brentano, что Ад. Смитъ издалъ въ свѣтъ въ 1759 г. «Теорію нравственныхъ чувствъ», гдѣ, между прочимъ, говорится:—«То объясненіе человѣческой природы, которое выводитъ всѣ чув-

хозяйственной сферѣ Смитъ разсматриваетъ не только какъ фактъ, но и какъ единственную силу, могущую, при условіи полной свободы, осуществить наилучшій экономическій порядокъ. «Всякій человѣкъ, говоритъ онъ, старается всѣми силами сдѣлать самое выгодное употребленіе изъ своего капитала; правда, онъ имѣетъ въ виду свой собственный интересъ, а вовсе не общественную пользу, но забота о личной выгодѣ естественно и необходимо побуждаетъ его избрать именно тотъ путь, который оказывается самымъ выгоднымъ для общества... Преслѣдуя свою собственную выгоду, человѣкъ часто работаетъ на общую пользу болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ если бы задался такою

ства и склонности изъ себялюбія, надѣлавшее столь много шума, и которое, однако, по моему убѣжденію, еще никогда не было обстоятельно изслѣдовано, кажется мнѣ происходящимъ изъ неяснаго пониманія системы симпатіи». — Въ изслѣдованіи же о «Богатствѣ народовъ», Смитъ раздѣляетъ вполне взгляды книги Гельвеція о природѣ человѣка и объ эгоизмѣ, какъ единственной побудительной причинѣ человѣческихъ поступковъ. Слѣдствія, вытекающія изъ этой догмы, проходятъ почти чрезъ всѣ части сочиненія. До такой степени представлялся ему эгоизмъ, какъ единственно возможное побужденіе человѣческихъ поступковъ, что онъ, по поводу извѣстнаго постановленія квакеровъ въ Пенсильваніи, даровавшаго свободу рабамъ и вытекшаго изъ религіозныхъ мотивовъ, пишетъ слѣдующее: — «это постановленіе можетъ насъ убѣдить, что число рабовъ не могло быть очень велико; обрабатывая рабы значительную часть ихъ собственности, подобное рѣшеніе никогда не могло бы быть принято». (Das Arbeitsverhältniss. v. Brentano. 1877).

Приведенный Brentano примѣръ объясненія Смитомъ рѣшенія квакеровъ дѣйствительно разительный; но едва ли ему можно приписать значеніе рѣшающаго доказательства, что Смитъ, подъ вліяніемъ возрѣвшаго Гельвеція, отказался отъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ «Theory of Moral Sentiments». Дѣло въ томъ, что наблюденія дѣйствительности не могли не привести Смита къ выводу, что люди

цѣлью». Такимъ образомъ, значеніе эгоизма возвеличивается Смитомъ до высшаго принципа въ народномъ хозяйствѣ, и частные, индивидуальныя интересы отождествляются съ интересами общества. Сквозь все сочиненіе Смита проходить мысль, что, при свободной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка, руководимой эгоизмомъ и конкуренціей, сами собою разовьются такіе способы веденія предпріятій и частныхъ хозяйствъ, при которыхъ имѣющіяся

въ своихъ частно-хозяйственныхъ дѣлахъ руководятся почти исключительно личнымъ интересомъ; а такъ какъ его теорія ограничивается изслѣдованіемъ системы частныхъ хозяйствъ, то онъ, не дѣлая большой ошибки и въ то же время значительно упрощая изслѣдованіе, могъ принять эгоизмъ за единственный двигатель поступковъ въ частно-хозяйственной сферѣ. Примѣненіе Смитомъ психологической дедукціи къ изслѣдованію частно-хозяйственныхъ явленій было не только вполне возможно, но и плодотворно. Главная масса открытій, которыми онъ обогатилъ науку, составляетъ результатъ примѣненія дедуктивнаго метода. Смитъ уединялъ изслѣдуемое явленіе отъ разныхъ, болѣе чѣмъ второстепенныхъ явленій и разсматривалъ, какъ сложится это явленіе подъ вліяніемъ господствующей причины. Результатъ, полученный такимъ образомъ, будетъ имѣть въ общемъ характеръ большое сходство съ дѣйствительностью. Примѣненная Смитомъ дедукція близко подходитъ къ статистическому методу среднихъ чиселъ. Дедуктивный методъ, не приложимый къ объясненію народнаго хозяйства въ его цѣломъ, — что составляетъ предметъ изслѣдованій новѣйшей школы политической экономіи, — вполне применимъ къ изслѣдованію системы частныхъ хозяйствъ. Намъ кажется, что именно это обстоятельство упускалось и упускается изъ вида экономистами, дѣлающими Ад. Смиту упрекъ за примѣненіе имъ дедуктивнаго метода.

Другое дѣло — оптимистическій взглядъ Смита на характеръ хозяйственныхъ явленій, руководимыхъ эгоизмомъ при системѣ свободной конкуренціи! По недостатку статистическаго матеріала, Смитъ не могъ употребить «обратно—дедуктивнаго метода» и увидѣть ошибочность своего оптимизма.

въ распоряженіи націи силы почвы, труда и капитала достигнуть наибольшей производительности. Въмѣстѣ съ тѣмъ, обмѣнъ продуктовъ человѣческаго труда, при невмѣшательствѣ государства, поведетъ къ нормальному, справедливому распредѣленію богатства; каждый факторъ производства получитъ при распредѣленіи его результатовъ такую долю, которая вполне соотвѣтствуетъ стѣпени его участія въ производствѣ.

Эта вѣра въ благіе результаты эгоизма представляетъ собою частный выводъ изъ присущаго французской литературѣ XVIII вѣка преклоненія передъ человѣческою природою, которая, предполагалось, освобожденная отъ виѣшнихъ преградъ для своего проявленія, ведетъ какъ отдѣльное лицо, такъ и цѣлое общество къ желаемому благосостоянію. Но помимо вліянія на А. Смита воззрѣній Руссо и физиократовъ, существуетъ еще другой, чисто личный, факторъ, который доставилъ пищу абстрактнымъ построеніямъ Смита о благодѣтельномъ, справедливомъ и естественномъ экономическомъ порядкѣ, который долженъ водвориться на землѣ, благодаря свободному дѣйствію индивидуальныхъ интересовъ. Этотъ факторъ заключается въ теологическихъ воззрѣніяхъ Смита. Законы природы, которые управляютъ человѣческимъ общежитіемъ, являются у него выраженіемъ воли Провидѣнія, которое премудро направляетъ людей къ наивозможно большому на землѣ счастью. Эти законы дѣлаются для Смита предметомъ вѣры, и начала человѣческой природы, предоставленныя ихъ естественнымъ влеченіямъ, могутъ привести только къ самому благодѣтельному развитію всѣхъ способностей человѣка. При такой постановкѣ вопроса становится излишней человѣческая забота о наилучшемъ назначеніи матеріальныхъ цѣнностей и ихъ распредѣленіи: человѣческое законодательство бесполезно тамъ, гдѣ прямо про-

является воля Провидѣнія, ведущая людей къ наилучшему обезпеченію ихъ матеріальнаго благосостоянія. Мы видѣли уже образецъ этой стороны воззрѣній А. Смита: — «Человѣкъ, по его словамъ, дѣйствуя исключительно для своего интереса, нисколько не заботясь объ общественномъ благѣ, а только о своей наибольшей выгодѣ, въ дѣйствительности, однако, служить ближайшимъ пользамъ всего общества; въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ ведется *невидимой рукой* къ цѣли, которая вовсе не была въ предѣлахъ его намѣренія». Одинаковая мысль повторяется Смитомъ и въ его «теоріи нравственныхъ чувствъ», которая составляетъ необходимое дополненіе къ «изслѣдованію богатства народовъ». «Продукты почвы, говоритъ онъ здѣсь, во всякое время содержатъ то количество жителей, которое они способны содержать. Богатые выбираютъ только изъ массы продуктовъ то, что есть самага драгоцѣннаго и пріятнаго. Они употребляютъ немного болѣе, нежели бѣдные, не смотря на естественное себялюбіе и жадность; хотя они думаютъ притомъ только о собственныхъ удобствахъ, хотя ихъ единственная цѣль, для которой они пользуются трудами всѣхъ тысячъ людей, употребляемыхъ ими въ работу, чтобы удовлетворять свои тщеславныя и ненасытныя желанія, — не смотря на все это, однимъ словомъ, они раздѣляютъ съ бѣдными продукты всѣхъ своихъ успѣховъ. Они ведутся *невидимой рукой* къ тому, чтобы произвести почти то же распредѣленіе необходимостей жизни, которое могло бы быть сдѣлано, если бы вся земля была раздѣлена на равныя доли между всѣми жителями, и, такимъ образомъ, безъ намѣренія и безъ сознанія, они двигаютъ впередъ интересы общества и доставляютъ средства къ размноженію человечества. Когда Провидѣніе раздѣлило всю землю между немногими владѣльцами, оно не забыло и не покинуло тѣхъ,

которые, повидимому, остались внѣ этого раздѣла». Такимъ путемъ, подъ вліяніемъ естественнаго права и теологическихъ представлений, сложилось у Смита убѣжденіе въ томъ, что, по естественному закону, индивидуальныя интересы гармонируютъ съ общественными.

Вышеизложенное показываетъ, что основныя положенія теоріи Ад. Смита состоятъ: — 1) въ признаніи естественнаго, абсолютнаго экономического порядка, 2) въ устраненіи активной дѣятельности государства, и отсюда — ограниченіе народнаго хозяйства системою частныхъ хозяйствъ, 3) въ возвеличеніи эгоизма до значенія основнаго принципа народнаго хозяйства, и отсюда — отождествленіе индивидуальныхъ интересовъ съ общественными и почти исключительное пользованіе при изслѣдованіи хозяйственныхъ явленій дедуктивнымъ методомъ.

Сочиненіе Ад. Смита, систематизировавшее передовыя экономическія идеи и притомъ изложившее ихъ съ замѣчательной ясностью и убѣдительною аргументаціею, оказало сильное вліяніе на законодательство и, такимъ образомъ, ускорило «либеральный» ходъ развитія экономическихъ фактовъ. Теорія Смита сдѣлалась вскорѣ почти аксіомою для государственныхъ людей, и если не проводилась ими немедленно въ жизнь во всей ея полнотѣ и послѣдовательности, то только потому, что находили нужнымъ считаться съ предразсудками. вмѣстѣ съ тѣмъ, открытія Харгривса, Аркрайта и Уатта, примѣняясь болѣе и болѣе къ дѣлу, ускоряли переворотъ въ промышленности. Эти техническія изобрѣтенія примѣнялись въ городахъ, стоявшихъ внѣ цеховыхъ законовъ, кодифицированныхъ королевою Елизаветою въ 1562 году и носившихъ названіе «Законы объ ученичествѣ». Въ силу юридической интерпретаціи, признававшей подчиненными закону Елизаветы лишь тѣ города и мѣстечки, кото-

рые существовали до изданія закона и пользовались уже тогда корпоративными правами, большое число отраслей промышленности, и притомъ самыхъ важнѣйшихъ, были изъяты отъ дѣйствія этого закона. Благодаря этому обстоятельству, крупная промышленность въ Англіи, къ концу XVIII ст., получила перевѣсъ надъ мелкою. Выгоды, представляемая крупною промышленностью, побуждали хозяевъ различныхъ промышленныхъ отраслей, находящихся въ городахъ подчиненныхъ цеховой организаціи, обращаться въ парламентъ съ петиціями о приостановленіи и отмѣнѣ закона Елизаветы, и парламентъ сначала приостанавливаетъ изъ году въ годъ, а потомъ и совершенно отмѣняетъ этотъ законъ постепенно то для той, то для другой отрасли промышленности. Въ 1814 году, послѣ столѣтней борьбы между крупною и мелкою промышленностями, принципъ экономической свободы одержалъ окончательную побѣду и законъ Елизаветы былъ отмѣненъ всецѣло.

Во Франціи новый порядокъ вещей былъ признанъ юридически въ знаменитую ночь 4-го августа 1789 года. Та же односторонне понятая идея свободы труда, ради которой были отмѣнены цехи, заставила законодательство французской революціи уничтожить корпоративную организацію въ сельской промышленности. Дѣятели революціи не понимали, что коллективная собственность и автономіи общинъ составляютъ единственную прочную основу демократіи. Закономъ 10-го іюня 1793 года, конвентъ опредѣлилъ произвести поголовный раздѣлъ общинныхъ имуществъ между всѣми жителями общинъ.

§ 4. Событія, подготовившія французскую революцію, сочиненія великихъ мыслителей второй половины восемнадцатаго вѣка, отпаденіе сѣверо-американскихъ колоній отъ метрополіи и образованіе изъ нихъ независимыхъ республикъ

на началахъ, выработанныхъ политическою философіею, оказали сильнѣйшее вліяніе на умы и политическія ученія. Основная мысль философско-политическаго движенія заключалась въ признаніи, что главнѣйшею, почти что исключительною причиною человѣческихъ бѣдствій всегда было и есть дурное правительство, поддерживающее выгодные для него и неблагопріятные для народа общественные порядки, и что достаточно однихъ политическихъ и экономическихъ преобразованій для осуществленія благоденствія на землѣ. Одинъ изъ талантливѣйшихъ представителей этихъ воззрѣній въ Англіи, Вильямъ Годвинъ, издалъ въ 1793 году книгу «О политической справедливости», въ которой выводилъ всѣ соціальныя неустройства изъ недостатковъ законодательства и политическихъ учрежденій.

Въ опроверженіе такого взгляда, Мальтусъ обнародовалъ, въ 1798 году, «Опытъ о законѣ народонаселенія», въ которомъ, въ противоположность Годвину, сводилъ соціальныя невзгоды къ чрезмѣрному размноженію людей. Сравнивая бѣды, причиняемыя странѣ дурнымъ правительствомъ, съ бѣдствіями, порождаемыми чрезмѣрнымъ размноженіемъ, онъ находилъ первыя до такой степени ничтожными, что не слѣдуетъ даже принимать ихъ въ расчетъ въ такого рода изслѣдованіяхъ.

Основная мысль Мальтусова ученія извѣстна:—населеніе имѣетъ тенденцію увеличиваться быстрѣе средствъ существованія; неизбѣжнымъ результатомъ этого факта являются пороки, преступленія, болѣзни, эпидиміи, войны, увеличивающія смертность и уменьшающія количество населенія до размѣра средствъ существованія. Для предупрежденія или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія этихъ бѣдствій Мальтусъ требуетъ: а) уничтоженія частной и общественной благотворительности и законодательства о бѣдныхъ, какъ поощряю-

щихъ размноженіе *); б) отъ холостаго человѣка — воздержанія отъ вступленія въ бракъ, пока онъ не приобрѣтетъ средствъ для содержанія семьи; отъ женатаго — воздержанія отъ рожденія такого числа дѣтей, какое онъ не можетъ прокормить. Такого рода благоразуміе и предусмотрительность, спѣшить прибавить Мальтусъ, должны быть, во - первыхъ, свободны и добровольны, во-вторыхъ, они должны быть нравственны.

Но болѣе логическіе или, правильнѣе сказать, болѣе откровенные послѣдователи ученія Мальтуса не могли не признать, что въ расчетахъ на возможность содержанія семьи или лишняго члена ея должны весьма часто случаться ошибки; и далѣе, что еще важнѣе, надежда на воздержаніе массъ отъ физической любви представляетъ собою наивнѣйшую иллюзію; а потому они требовали, чтобы законодательство повліяло на уменьшеніе числа браковъ, оставивъ право вступать въ бракъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ.

*) «Человѣкъ, пришедшій въ занятый уже міръ, говоритъ Мальтусъ, если родители не въ состояніи прокормить его, или *если общество не въ состояніи воспользоваться его трудомъ*, не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать какого-бы то ни было пропитанія, и, въ дѣйствительности, онъ лишній на землѣ. На великомъ жизненномъ пиру нѣтъ для него мѣста. Природа повелѣваетъ ему удалиться, и не замедлитъ сама привести въ исполненіе свой приговоръ».

Эти слова исключены Мальтусомъ во второмъ изданіи книги; но духъ его ученія остался тотъ же. Такъ, на примѣръ, въ послѣдующихъ изданіяхъ читаемъ: «Всѣ, такъ называемыя благотворительныя заведенія и филантропическія мѣры, воспитательные дома, богадѣльни, больницы, рабочіе дома производятъ добро, ничтожное сравнительно съ порождаемымъ ими зломъ»... «Слѣдуетъ издать законъ, по которому въ приходскихъ пособіяхъ будетъ отказано дѣтямъ, которыя рождаются отъ браковъ, заключенныхъ годъ спустя послѣ обнародованія закона, и всѣмъ незаконнорожденнымъ, которыя рождаются черезъ два года послѣ объявленія закона».

И извѣстно, это требованіе сдѣлалось закономъ во многихъ европейскихъ государствахъ. Но запрещеніе вступать въ бракъ, какъ и слѣдовало предвидѣть, не достигало цѣли, а только увеличивало число незаконнорожденныхъ. Вслѣдствіе этого для логическихъ мальтузіанцевъ предстала дилемма: или чрезмѣрное размноженіе населенія и съ нимъ всѣ ужасы, или ослабленіе чистоты нравовъ. Они отдали предпочтеніе послѣднему, и отсюда появленіе скандальныхъ сочиненій, написанныхъ съ самыми лучшими намѣреніями. Поэтому не правы послѣдователи Мальтуса, упрекая Прудона, назвавшаго ученіе Мальтуса «*позоромъ нравственности*», въ оклеветаніи ихъ учителя. Помимо того, что Прудонъ имѣлъ полное основаніе видѣть центръ тяжести ученія не въ иллюзіи о добровольномъ воздержаніи отъ физической любви, а въ логическихъ слѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ ученія, но и у самого Мальтуса есть намеки, что нравственность находится въ меньшей зависимости отъ характера отношеній между полами, чѣмъ это принимается. Правда, мысль эту онъ всегда высказываетъ осторожно, въ неясныхъ выраженіяхъ. Напримѣръ, онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: «Мнѣ было бы крайне прискорбно, еслибы я высказалъ что либо, что могло бы быть перетолковано, прямо или косвенно, въ смыслѣ неблагопріятномъ для добродѣтели. Но я не думаю, чтобы проступки, о которыхъ идетъ рѣчь, могли бы разбираться только въ нравственномъ отношеніи, ни даже, чтобы они были самыми важными проступками. Правда, они постоянно или, по крайней мѣрѣ, въ большемъ числѣ случаевъ, влекутъ за собой несчастія и потому должны строго сдерживаться, но существуютъ пороки, послѣдствія которыхъ еще болѣе пагубны и вызываютъ положенія еще болѣе печальныя. Крайняя бѣдность предрасполагаетъ къ искушеніямъ еще болѣе сильнымъ...»

Ниже мы рассмотрим истинность основнаго положенія Мальтусовой теоріи, а пока замѣтимъ, что экономисты, признающіе законъ Мальтуса и въ то же время предлагающіе различныя мѣры къ устраненію или, по крайней мѣрѣ, ослабленію соціальныхъ бѣдствій, представляютъ тѣмъ самымъ замѣчательный примѣръ или иллюзіи, или непослѣдовательности. Никакая мѣра, по ученію Мальтуса, не можетъ уменьшить человѣческихъ бѣдствій, если рядомъ съ нею не будетъ уменьшаться ростъ народонаселенія чрезъ воздержаніе отъ физической любви. Слѣдовательно, предложеніе мальтузіанцемъ какихъ-либо соціальныхъ мѣръ, съ цѣлью увеличить благосостояніе народа, получаетъ смыслъ лишь при признаніи имъ за массою способности къ воздержанію отъ физической любви; но въ такомъ случаѣ онъ представляетъ примѣръ поразительно наивнаго фантазера *); если же мальтузіанецъ не раздѣляетъ этой иллюзіи, тогда выступаетъ его непослѣдовательность. Логическимъ мальтузіанцамъ слѣдуетъ оставить всякія заботы объ улучшеніи соціальнаго быта и не думать о судьбахъ человѣчества съ ихъ неизбежно-мрачнымъ характеромъ. Милль въ своемъ трактатѣ о политической экономіи говоритъ, что «еслибы эта наука не могла предложить средствъ для устраненія бѣдности, рабскаго состоянія низшихъ классовъ, изнуряющихся съ ранняго утра до поздней ночи работою лишь для одного своего прокормленія, а способна была только опровергнуть всякіе планы къ тому, доказать, что невозможно ничего сдѣлать, тогда она была бы наукою *печальною*, не возбуждающею

*) Если такой замѣчательный мыслитель, какъ Милль, раздѣляетъ эту иллюзію, то это, по нашему мнѣнію, служитъ лучшимъ доказательствомъ присущаго людямъ свойства—легко соглашаться съ тѣмъ, чего они очень желаютъ.

признательности къ себѣ». Благодаря допускаемой имъ иллюзіи объ уменьшеніи роста размноженія людей чрезъ воздержаніе отъ физической любви, онъ не считаетъ ее таковой. Мы же думаемъ:—такъ какъ ученіе Мальтуса до послѣдняго времени имѣло значеніе краеугольнаго камня политической экономіи, то для человѣка логическаго и чуждаго иллюзіи—ожиданія значительныхъ результатовъ отъ воздержанія—политическая экономія, дѣйствительно, должна была представляться *мрачною* наукою. Непризнаніе Мальтусова ученія нѣсколькими учеными (Оуэнъ, Сенъ-Симонъ, Кабе, Фурье, Прудонъ, Леру, Кэри, Марксъ, Дюрингъ) объяснялось экономистами или фантастическими грезами о невозможномъ общественномъ устройствѣ, или непониманіемъ ученія, или чувствомъ нелюбви къ ученію, покоряющимся непріятной истинѣ только по истощеніи всѣхъ уловокъ, посредствомъ которыхъ можно уклоняться отъ признанія истины. И далѣе мы полагаемъ:—такъ какъ ложныя и бѣдственныя для рабочихъ классовъ ученія Смита-Мальтузіанской школы, занимавшія до шестидесятихъ годовъ господствующее значеніе въ политической экономіи и совпадавшія съ интересами буржуазіи, оказали сильнѣйшее вліяніе на законодательства и общественное мнѣніе, то политическая экономія была не только *печальнойю*, но, во многихъ отношеніяхъ, и *вредною* теоріею.

§ 5) Писатель, оказавшій, послѣ Адама Смита и Мальтуса, сильнѣйшее вліяніе на экономическія воззрѣнія, былъ Рикардо. Главное его сочиненіе: «Начала политической экономіи и налоговъ» вышло въ 1817 году. Рикардо, какъ и Смитъ, является защитникомъ неограниченной свободы личнаго интереса. «При системѣ безграничной свободы промышленности, говоритъ онъ, каждая страна даетъ своему капиталу и труду такое назначеніе, какое наиболѣе для нея

выгодно... Увеличивая общую массу произведений, она распространяет всеобщее благосостояние и силу интереса связываетъ въ одно цѣлое народы всего цивилизованнаго міра».

Принявъ исходными точками основные принципы ученій Смита и Мальтуса, Рикардо исправилъ нѣкоторые неточные выводы своихъ предшественниковъ и развилъ ихъ принципы далѣе, черезъ что многіе важныя вопросы получили совсѣмъ иное рѣшеніе. Важнѣйшія изслѣдованія этого писателя относятся къ теоріи распредѣленія народнаго дохода. Подобно Смиту, Рикардо принимаетъ три источника дохода: поземельную ренту, заработную плату и прибыль, соответственно участію въ производствѣ—земли, труда и капитала. Но онъ расходится съ Смитомъ касательно условій, управляющихъ высотой ихъ и ихъ взаимнымъ отношеніемъ.

Въ ученіи Рикардо о поземельной рентѣ заключается одно неоспоримое положеніе, а именно, что доходъ съ земельной собственности обусловливается качествами почвы и другими естественными преимуществами земли. Этотъ фактъ имѣетъ важное соціальное значеніе. Имъ порождается вопросъ о справедливости присвоенія землевладѣльцами земельной ренты; онъ оказываетъ, въ области частной собственности на землю, громадное вліяніе на централизацію богатствъ, проистекающую притомъ не изъ дѣятельности собственниковъ земли, а какъ результатъ естественнаго хода дѣлъ и, главнымъ образомъ, нарастанія населенія *). Вопросъ о справедливости

*) Ланге, въ соч. «Die Arbeiterfrage», выдающемся по глубинѣ мысли и важности затронутыхъ вопросовъ, высказываетъ убѣжденіе, что если не во всѣхъ государствахъ, то по крайней мѣрѣ въ Англіи, не въ далекомъ будущемъ, получить большое практическое значеніе требованіе, чтобы земля была изъята изъ предметовъ частной собственности и признана національною собственностью, отда-

вості присвоєнія земельної ренти лише однимъ класомъ общества не могъ быть затронуть Рикардо по самому духу его ученія, признававшего безграничное право собственности на всѣ матеріальные предметы *естественнымъ закономъ* народнаго хозяйства; вопросъ же о вліяніи земельной ренты на концентрацію богатствъ рассмотрѣнь имъ единственно въ примѣненіи къ сельско-хозяйственной и горной промышленностямъ и выведенъ изъ *недоказаннаго до сихъ поръ* положенія о постоянно возрастающемъ количествѣ труда для добыванія того же количества сельскихъ продуктовъ *). Но концентрація богатствъ въ земельной собственности, какъ результатъ естественнаго хода дѣль, имѣеть мѣсто и безъ уменьшенія производительности сельско-хозяйственнаго труда.

Различіе въ естественныхъ качествахъ земель, плодородіи, мѣстонахожденіи, разстояніи ихъ отъ путей сообщенія и большихъ населенныхъ пунктовъ имѣеть результатомъ, что земли одинаковаго размѣра, при одинаковой затратѣ на нихъ капитала и труда, приносятъ собственникамъ различные доходы. Разность доходовъ землевладѣльцевъ, насколько она проистекаетъ изъ указанныхъ преимуществъ земельныхъ участковъ, а не изъ различія хозяйственныхъ способностей землевладѣльцевъ и неодинаковости затраты труда и капитала, называется рентою. Таковъ именно основной смыслъ правильно понятой теоріи ренты Рикардо **).

ваемою въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ и за извѣстное вознагражденіе. (Dritte Aufl. s. 297).

*) См. замѣчательное обсужденіе Рикардовой теоріи земельной ренты вообще и вопроса объ уменьшающейся производительности добывающей промышленности въ частности въ книгѣ Родбертуса—*Zur Beleuchtung d. Socialen Frage*. 1875.

**) Рикардо называетъ рентою вознагражденіе собственника за

Съ увеличеніемъ плотности населенія возрастаетъ спросъ на землю; худшія земли, находившіяся внѣ обращенія, входятъ въ сферу эксплуатаціи *); вслѣдствіе чего повышаются цѣнность, доходность, наемная плата всѣхъ земель, пользующихся какими-либо преимуществами предъ землями, вновь вошедшими въ обращеніе. Это возрастаніе богатства земельныхъ собственниковъ, безъ всякаго съ ихъ стороны труда, содѣйствія, а только благодаря естественному ходу дѣлъ, проявляясь наиболѣе универсально на земляхъ, вошедшихъ въ сельско-хозяйственную и минеральную промыш-

принадлежація ему «первоначальныя природныя силы земли». Это неудачное выраженіе, не имѣющее связи съ его ученіемъ, дало нѣкоторымъ писателямъ поводъ утверждать, что рента, даваемая землею вслѣдствіе затраченнаго на нее *когда либо* капитала, должна считаться не рентою, а прибылью. Кэри пошелъ еще дальше и утверждалъ, что ренты, въ смыслѣ Рикардо, не существуетъ, ибо всякая рента есть результатъ затраченнаго предшествовавшими поколѣніями капитала. За эту мысль схватились Бастіа и другіе экономисты, усмотрѣвъ въ ней сильнѣйшій аргументъ для защиты частной земельной собственности и земельной ренты. Своими разсужденіями эти экономисты только доказали, что они не поняли ученія Рикардо о земельной рентѣ. Изъ сущности этого ученія неоспоримо слѣдуетъ, что авторъ видѣлъ ренту не *только* тамъ, гдѣ она происходитъ изъ первоначальныхъ природныхъ силъ земли (подобное ограниченіе ренты не имѣетъ смысла уже по одному тому, что излѣдованіе таковой ренты невозможно), но и тамъ, гдѣ она является результатомъ израсходованнаго на улучшеніе почвы капитала. Земли равнаго плодородія даютъ равную ренту, все равно, будетъ ли ихъ плодородіе естественное или прибрѣтенное. Рента отъ земли съ прибрѣтеннымъ плодородіемъ происходитъ по тѣмъ же причинамъ и имѣетъ то же социальное значеніе, какъ если бы съ самаго начала эта земля обладала тою степенью плодородія, какая искусственно придана ей.

*) Возраженія Кэри, основанныя на обратномъ этому ходѣ заселенія Америки, не касаются старыхъ странъ съ густымъ населеніемъ.

ленности, охватываетъ и всѣ прочіе виды земельной собственности: городскія земли, живописныя мѣста, водяныя силы и проч. Далѣе, земли, чрезъ которыя прошла желѣзная дорога, земли, прилегающія къ вновь устроенной гавани, поднимаются въ доходности и цѣнности. Всякое расширение города увеличиваетъ цѣнность земель и домовъ, лежащихъ ближе къ центру. Основаніе въ селѣ свекловичнаго или какаго-либо другаго завода, фабрики подымаетъ доходность и цѣнность окружающихъ земель, могущихъ, по свойствамъ почвы, снабжать новое промышленное заведеніе сырыми матеріалами. Подобныхъ примѣровъ можно привести массу. И достаточно немного всмотрѣться въ дѣйствительность, чтобы убѣдиться, что обстоятельства, порождающія возрастаніе доходности и цѣнности недвижимыхъ имуществъ, безъ всякаго содѣйствія къ тому собственниковъ, обладаютъ характеромъ непрерывности и общности въ такой степени, что, въ мѣстностяхъ съ достаточнымъ населеніемъ и развитыми сношеніями, ни одно недвижимое имущество не остается внѣ постоянного, большаго или меньшаго, ихъ вліянія. Такимъ путемъ постоянно возрастающая концентрація богатствъ въ рукахъ собственниковъ недвижимыхъ имуществъ, не заключающая въ себѣ ни одного атома труда, имѣетъ вполнѣ характеръ подати, которую они взимаютъ съ прочихъ общественныхъ классовъ.

Остающаяся, за вычетомъ ренты, часть ежегоднаго національнаго продукта распределяется *первоначально* между промышленнымъ капиталомъ и трудомъ. Рикардо доказано, что, при этомъ распределеніи, *доля промышленнаго капитала обратно пропорціональна заработной платѣ*. Величина же заработной платы, по ученію Рикардо, обусловливается, въ среднемъ выводѣ, *безусловно необходимыми средствами существованія*, отклоняясь временно то въ ту,

то въ другую сторону. При возвышеніи ея увеличивается число браковъ и рожденій и уменьшается смертность среди рабочихъ классовъ, вслѣдствіе чего возрастаетъ предложеніе труда и понижается плата за него. При паденіи рабочей платы ниже средствъ необходимыхъ для существованія, усиливается смертность, предложеніе труда уменьшается, пока рабочая плата не достигнетъ своего нормального уровня. Мы будемъ имѣть случай говорить ниже объ этомъ установленнымъ Рикардо законъ рабочей платы, названномъ Лассалемъ «железнымъ закономъ».

Ясно, что теорія распределенія Рикардо, констатирующая противоположность интересовъ общественныхъ классовъ — землевладѣльцевъ, промышленниковъ и рабочихъ — стоитъ въ очевидномъ противорѣчій съ его исходнымъ положеніемъ: — *что преслѣдованіе индивидуальной пользы удивительно какъ совпадаетъ съ общимъ благомъ всѣхъ.*

§ 6. Ученія Ад. Смита, Мальтуса и Рикардо породили въ теоріи экономической политики школу «неограниченной свободы конкуренціи», называющуюся также «Манчестерской», вслѣдствіе образованія въ Манчестерѣ лиги для агитаціи къ устраненію изъ законодательства послѣднихъ остатковъ ограниченія свободы промышленности и торговли. Организация народнаго хозяйства, основанная на свободной конкуренціи индивидуальныхъ интересовъ, представляется этой школою *идеаломъ, заключительнымъ моментомъ экономического развитія человечества.* Законъ рабочей платы, установленный Рикардо, не нарушаетъ, по ея мнѣнію, гармоніи интересовъ, такъ какъ благосостояніе рабочихъ находится въ ихъ собственныхъ рукахъ; нужно только послѣднимъ уменьшать свое размноженіе. — Соответствіе теоріи свободной конкуренціи интересамъ имущихъ классовъ, отсутствіе до послѣдняго времени обширныхъ, цѣлесообразно-класси-

фицированных данных по экономической статистикѣ, недостаточное знакомство экономистовъ съ существовавшими статистическими данными были причинами, что эта школа въ теченіе семидесяти лѣтъ сохраняла за собою господство въ экономической наукѣ.

Разумѣется, человѣческая мысль въ XIX столѣтіи не могла застыть на абсолютномъ, метафизическомъ и притомъ анти-соціалномъ ученіи Манчестерской школы. Во Франціи, Англии, Германіи появлялись сочиненія, враждебныя господствовавшей школѣ. Самый ходъ промышленной жизни вызывалъ сомнѣнія въ истинности манчестерскаго ученія. Развитіе машиннаго производства оказывало губительное вліяніе на рабочіе классы; работники не только получали скудные заработки, при увеличивавшемся числѣ рабочихъ часовъ, но часто не могли найти себѣ занятіе и обращались въ нищихъ; пауперизмъ усиливался. Среди англійскихъ работниковъ быстро росли коалиціонное и чартистское движенія. Последнее угрожало революціею. 10 апрѣля 1848 года, герцогъ Веллингтонъ былъ назначенъ главнокомандующимъ военныхъ силъ, собранныхъ въ Лондонѣ, для защиты общественнаго порядка. *Гюльская* революція во Франціи написала на своемъ знамени «droit au travail». Чѣмъ громче заявляли рабочіе классы свое недовольство, тѣмъ болѣе обращалось вниманіе общества на ихъ положеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ росла экономическая и соціальная литература, проникнутая сочувствіемъ къ интересамъ труда, подвергавшая критикѣ господствовавшую экономическую школу и оказывавшая все большее вліяніе на умы. Уже къ концу 40-хъ годовъ критическое направленіе считало своими представителями такихъ замѣчательныхъ писателей, какъ С. Симонъ, Сисмонди, Фурье, Родбертусъ, Прудонъ, Луи-Бланъ, Марло (Винкельблехъ).

Рядомъ съ критикою экономическаго порядка свободной конкуренціи, идутъ попытки изслѣдовать историческій ходъ развитія экономическихъ явленій и указать связь каждой народно-хозяйственной организаціи съ прочими сторонами жизни. Такия попытки были вначалѣ односторонни и неполны. Но, съ умноженіемъ массы разработаннаго матеріала, историческое направленіе высказывалось все яснѣе и полнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣхи «эволюціоннаго» направленія въ естественныхъ наукахъ, паденіе метафизики и возраставшее вліяніе позитивной философіи способствовали торжеству историко-физиологическаго метода. Раскрытіе «закона развитія», составляющее конечную цѣль каждой науки, сдѣлалось главною задачею историческаго направленія политической экономіи.

Критическое и историческое направленіе заняли къ концу 40-хъ годовъ уже видное мѣсто въ экономической литературѣ. Тѣмъ не менѣе, потребовалось еще двадцать лѣтъ, — въ теченіе которыхъ движеніе рабочихъ классовъ изъ мѣстнаго, національнаго сдѣлалось интернаціональнымъ, что и выразилось въ образованіи «международной ассоціаціи рабочихъ»; сознаніе о темныхъ сторонахъ неограниченной свободы конкуренціи распространялось, — чтобы лишить Манчестерскую школу господствующаго значенія, чтобы на университетскія кафедры взошли профессора, не считающія ея ученіе десятью заповѣдями, чтобы явилась пресса, вступившая въ борьбу съ нею, чтобы сомнѣніе въ ея благотворности проникло въ совѣты министровъ и парламенты. Новыя идеи въ соціальной наукѣ, затрагивая интересы людей, пробиваютъ себѣ путь гораздо медленнѣе, чѣмъ новыя изслѣдованія въ физическихъ наукахъ. Кто-то (кажется Гоббесъ) остроумно замѣтилъ, что если бы вопросъ о числѣ, происходящемъ изъ умноженія двухъ на два, затрагивалъ инте-

ресы людей, то онъ и понынѣ не былъ бы рѣшенъ единодушно.

Въ настоящее время историческая школа политической экономіи пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все большее значеніе. Вслѣдствіе борьбы новѣйшихъ представителей этой школы съ догматомъ о благотворныхъ результатахъ безграничной свободы личнаго интереса и требованія ими внесенія въ экономическую дѣятельность правового и нравственнаго элементовъ, ее называютъ также «*этической*». Въ виду значительной солидарности большаго числа представителей этой школы, особенно въ Германіи, съ оцѣнкою нынѣ дѣйствующей системы свободной конкуренціи, сдѣланною соціалистическою критикою, и требованія ими энергическаго государственнаго вмѣшательства для смягченія золь этой системы, они получили отъ манчестерцевъ названіе «*Katheder Socialisten*», такъ какъ большинство ихъ занимаютъ кафедры въ университетахъ. Современные представители этой школы въ Германіи дали ей названіе «*реалистической*» *), желая этимъ отмѣтить, что самая характеристическая научная черта школы заключается въ признаніи ею *относительности* организацій народнаго хозяйства и въ отрицаніи *абсолютныхъ доктринъ, выводимыхъ изъ чистаго разума, изъ положенія о неизмѣнности человѣческой природы и ея отношеній къ вѣншему міру*. Такъ какъ это названіе школы самое распространенное, то мы и удержимъ его въ послѣдующемъ изложеніи.

Достигнувъ уже господствующаго значенія въ университетахъ Германіи, реалистическая школа имѣетъ своими представителями почти всѣхъ молодыхъ экономистовъ Англіи **)

*) См. кн. Brentano, *Abstrakte und realistische Volkswirtschaft*. 1873.

***) Cliffe-Leslie, Ludlow, Beesly, Crompton, Harrison. (О паденіи въ Англіи авторитета «ортодоксальной» школы свободной конкурен-

и Италіи *) и Лавеле въ Бельгіи. Во Франціи, родинѣ главы «позитивной философіи», позитивное направленіе въ наукѣ излагалось въ спеціальному журналѣ «La philosophie positive», въ которомъ были помѣщены замѣчательныя историческія и социологическія работы. Но спеціально-экономическая литература Франціи находится въ застоѣ. За послѣднія двадцать лѣтъ нельзя указать ни одного сочиненія по вопросамъ экономической политики, обратившаго на себя вниманіе. Тщетныя усилія «Journal des Economistes» остановить новое движеніе въ политической экономіи имѣеть результатомъ лишь то, что въ немъ помѣщаются статьи, какъ, напримѣръ, статьи Мориса Блока: «Les deux Écoles économiques. La nouvelle École autoritaire ou les Socialistes

ціи см. статью Cliffe-Leslie въ Jahrbücher f. Nationalökonomie u. Statistik. Erst. u. Zweites Heft. 1879 г.). Особенное вниманіе обратила на себя рѣчь Ингрэма, президента отдѣла политическихъ наукъ Британской Ассоціаціи для соспѣшествованія наукамъ, «о необходимости реформы въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ», произнесенная имъ на годичномъ собраніи Ассоціаціи, въ 1878 г., и изданная потомъ отдѣльной брошюрой. Эта рѣчь есть «объявленіе войны» (по выраженію Клиффъ Лесли) старой школѣ политической экономіи и ея априористическому методу. Профес. Scheel, переведшій брошюру на нѣмецкій языкъ и написавшій къ ней введение, не уступающее по научной цѣнности самой брошюрѣ, говоритъ въ немъ, что еще никогда въ нѣмецкихъ книгахъ и статьяхъ необходимость разработки науки о народномъ хозяйствѣ, только какъ составной части социальной науки, не была такъ ясно, убѣдительно изложена, какъ это сдѣлано Ингрэмомъ, который развилъ и дополнилъ основныя воозрѣнія по этому вопросу своихъ предшественниковъ въ англійской литературѣ, какъ Кэри, Милль, Спенсеръ.

*) Messedaglia, Cossa, Lampertico (профессора политической экономіи въ двухъ лучшихъ итальянскихъ университетахъ: Падуѣ и Павіи), Montanari, Errera, Taniolo, Nazzani, Schiaterella, Miraglia, Luzzati, Vidari, Del Guicce, Padelletti Guelfi (полѣдніе четыре про-

en chair»; *) «L'Harmonie des intérêts, l'égoïsme, le laissez-faire»; **) «La quintessence du socialisme de la chaire»; ***)—которыя могут служить очевиднѣйшимъ доказательствомъ, что школа свободной конкуренціи доживаетъ свои послѣдніе дни.

Главные положенія, добытыя реалистическимъ направлениемъ и которыми оно существенно отличается отъ школы свободной конкуренціи, суть слѣдующія:

Во-первыхъ, отрицаніе абсолютной неизмѣнности хозяйственныхъ организаций. Въ противоположность Смитовской школѣ, считающей свою теорію народнаго хозяйства послѣднимъ словомъ человѣческаго разума по этому предмету, а потому долженствующую обнять весь міръ и остаться навсегда неизмѣнною, реалистическое направленіе указываетъ, что современный западно-европейскій экономическій порядокъ, покоющійся на широкомъ примѣненіи принципа свободной конкуренціи, представляетъ собою такую же переходную ступень въ развитіи человѣчества, какую представляли и все прочія хозяйственныя организации. Для обоснованія этой мысли нѣтъ надобности ссылаться на біологію и антропологию, доказавшихъ постоянную измѣняемость всѣхъ органическихъ формъ, въ томъ числѣ и человѣка, ****)

фессора исторіи права въ римскомъ и павіанскомъ университетахъ).
Періодическія научныя изданія:—l'Archivio giuridico, la Rivista Europea, l'Economista d'Italia. (Объ успѣхахъ реалистическаго направленія политической экономіи въ Италіи см. статью фон-Шеля въ Jahrb. f. Nat-ök. u. St. 1876 г.) Приведенныя нами указанія на представителей реалистической школы въ Италіи заимствованы изъ этой статьи.

*) Августъ 1876 г.

**) Сентябрь 1877 г.

***) Ноябрь 1878 г.

****) Законъ развитія констатируетъ въ высшей степени важный

доводъ могъ бы послужить поводомъ къ мысли, что порядку свободной конкуренціи суждено существовать еще значительное время,—достаточно указать, что этотъ порядокъ, явившійся такъ недавно, не успѣвшій еще вполне реализоваться, вызвалъ уже противъ себя недовольство и борьбу массъ, порицанія въ наувѣ, имѣвшія результатомъ вмѣшательство въ этотъ порядокъ законодательства съ цѣлью ослабить его вредныя дѣйствія (фабричныя и др. законы).

Во-вторыхъ, Смитовская школа, исходя изъ ошибочнаго возрѣнія, что организація хозяйственной жизни общества, основанная на полной свободѣ борьбы личныхъ интересовъ, есть идеальное народнаго хозяйства, естественно должна была требовать полного невмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь и ограничивала поэтому сферу государственной дѣятельности исключительно отрицательную ролью, а именно: охраненіемъ внутренней и внѣшней безопасности и защитой права. Реалистическая школа указываетъ, что ограниченіе государственной дѣятельности исключительно отрицательной ролью имѣло бы смыслъ и возможность осуществленія лишь въ томъ случаѣ, когда бы свободная конкуренція частныхъ интересовъ дѣйствительно могла осуществить матеріальное благосостояніе, культурныя задачи, гармонію интересовъ между общественными классами. Но такъ какъ свободная конкуренція бессильна осуществить такое положеніе дѣлъ, то и *постулатъ* о невмѣшательствѣ государства, имѣвшій лишь временный успѣхъ, неизбежно долженъ былъ потерпѣть пораженіе какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ. Государство никогда не ограничивалось, не ограничивается и, по крайней мѣрѣ, на непредвидимое еще время

фактъ, что во всѣ эпохи органической жизни на землѣ совершалось постоянное измѣненіе ея какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ индивидуумахъ. Häckel, Naturlische Schöpfungsgeschichte.

не можетъ ограничиться исключительно отрицательной сферой дѣятельности *). Государство, его экономическая и политическая организація есть всегда выраженіе силъ дѣйствующихъ въ обществѣ, выраженіе господствующихъ въ данное время въ данномъ народѣ интересовъ и стремленій. Государство—эта сосредоточенная и организованная общественная сила—всегда служить, по выраженію Маркса, повивальной бабкой старому обществу, которое бываетъ беременно новымъ. Сами юридическія, политическія и экономическія теоріи, считавшія себя, съ свойственною дѣтству вавностью, наукою, были до сихъ поръ лишь выраженіемъ господствующихъ въ обществѣ интересовъ. Время, когда писалъ Адамъ Смитъ свои изслѣдованія о богатствѣ народовъ, было временемъ борьбы противъ феодальныхъ привилегій, цеховой регламентаціи, меркантильныхъ запрещеній, задерживавшихъ свободное развитіе національныхъ силъ. Какъ реакція противъ обветшалыхъ стѣсненій государственной опеки, явилось убѣжденіе, что одно освобожденіе отъ узъ, лежавшихъ на производительныхъ силахъ страны, и предоставленіе хода дѣлъ свободной борьбѣ частныхъ интересовъ достаточны, чтобы привести общество къ желанному благоденствію. Это убѣжденіе вѣка и легло краеугольнымъ камнемъ въ теоріи Смита и помѣшало ему замѣтить, что его ученіе, на которое онъ взиралъ, какъ на совершеннѣйшее

*) Даже во время самаго сильнаго вліянія Манчестерской школы на англійское законодательство, отъ 20-хъ до 60-хъ годовъ, парламентъ вынужденъ былъ издать фабричныя законы; далѣе, англійское законодательство не нашло возможнымъ, ни на одинъ моментъ, сложить съ себя заботу о культурныхъ задачахъ, какъ, напр., народное образованіе, ученныя экспедиціи и ми. др., а также не могло отказаться отъ законовъ для призрѣнія неимущихъ работы и немогущихъ работать.

воплощеніе разума, какъ на стоящее внѣ зависимости отъ времени и мѣста, является само не болѣе, какъ знаменіемъ времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ вѣрнымъ слугою интересамъ общественнаго класса, получившаго въ Англии и Франціи, къ концу XVIII вѣка, преобладающее значеніе *). Невмѣшательство государства въ хозяйственныя отношенія общества какъ тогда, такъ и до сихъ поръ, составляетъ интересъ крупной буржуазіи, какъ представительницы капитала, и поэтому оно есть услуга, оказываемая государствомъ капиталу на счетъ труда.

Въ-третьихъ, изъ уясненія роли государства въ народной жизни, само собою вытекаетъ заключеніе о недостаточности сдѣланнаго Смитовскою школою опредѣленія предмета и границъ экономической науки. Политическая экономія, если желаетъ обнять экономическіе факты во всей ихъ цѣлости, не можетъ ограничиться изслѣдованіемъ только системы частныхъ хозяйствъ, а должна разсматривать всю область народнаго хозяйства какъ частнаго, такъ и общественнаго, проявляющагося въ экономической дѣятельности государства и различныхъ автономныхъ общественныхъ учрежденій. Далѣе, каждая сторона народной жизни находится во взаимодействіи со всеми прочими, а потому, съ цѣлью

*) Справедливо замѣчаетъ Маурусъ, что такъ какъ требованіе физиократами и Ад. Смитомъ полной свободы промышленности было вызвано стремленіемъ ихъ устранить всѣ привилегіи и водворить благоденствіе, то живи эти гуманные философы въ наше время, когда стало очевиднымъ состояніе зависимости, въ которой немущій трудъ находится отъ властвующаго и высасывающаго могущества нынѣ не менѣе привилегированныхъ соціальныхъ силъ, они, самымъ послѣдовательнымъ образомъ, требовали бы освобожденія труда отъ гнетущихъ условій, посредствомъ ограниченія свободнаго употребленія, или, лучше сказать, злоупотребленія этими силами. («О свободѣ въ политической экономіи». Ст. 16. 1875 г.).

всесторонняго изслѣдованія области хозяйственныхъ интересовъ общества, наука должна разсматривать ее совмѣстно съ прочими сферами народной жизни:— нравственною, политическою, правовою. Отсюда видно, что предметъ политической экономіи, какъ его понимаетъ реалистическая школа, гораздо шире, сравнительно съ пониманіемъ его Смитовскою школою. Предметъ политической экономіи, по ученію реалистической школы, состоитъ въ изслѣдованіи причинъ, порождающихъ ту или другую организацію народнаго хозяйства, въ изслѣдованіи сущности этихъ организацій и связи ихъ со всеми прочими сторонами народной жизни.

Въ четвертыхъ, при указанномъ только что пониманіи реалистическою школою предмета политической экономіи, эта школа, естественно, должна разойтись съ Смитовскою и по вопросу о методѣ. Смитовская школа, ограничивъ предметъ политической экономіи системою частныхъ хозяйствъ, могла пользоваться почти исключительно методомъ дедукціи, потому что для объясненія явленій частныхъ хозяйствъ возможно было, не расходясь значительно съ дѣйствительностью, допустить одну психологическую посылку, именно личный интересъ, и изъ нея дѣлать выводы для объясненія явленій и построенія теоріи. Замѣтимъ, однако, что и здѣсь Смитовская школа впала въ большую ошибку:—подвергнувъ анализу систему частныхъ хозяйствъ, она, вслѣдствіе ея указанныхъ выше апіористическихъ заблужденій, полагала, что занимается изслѣдованіемъ общественнаго хозяйства во всемъ его цѣломъ. Такимъ образомъ, часть была отождествлена съ цѣлымъ, и результаты анализа одного рода явленій были приложены къ явленіямъ совершенно другаго рода. Реалистическая школа, какъ разсматривающая причины, управляющія дѣятельностью не только отдѣльныхъ

частныхъ хозяйствъ, но и хозяйства общественнаго, явленія котораго всегда вытекаютъ изъ взаимодействія многихъ силъ и физиологія котораго совершенно отлична отъ физиологіи системы частныхъ хозяйствъ, пользуются въ своихъ изслѣдованіяхъ предпочтительно методомъ индукціи. При современномъ состояніи знаній, господство дедуктивнаго метода изслѣдованія можетъ имѣть мѣсто, какъ это прекрасно разъяснено въ «Логикѣ» Милля, лишь въ такихъ наукахъ, которыя располагаютъ для своихъ выводовъ *общими* и очевидными аксіомами. Бóльшая же часть явленій соціальныхъ суть явленія самыя сложныя, результаты многихъ причинъ. На эти явленія, кромѣ причинъ физическихъ, дѣйствуетъ также вся совокупность качествъ природы человѣка, какъ эгоистическихъ, такъ и альтруистическихъ, и ни одно изъ этихъ качествъ не дѣйствуетъ въ такой слабой степени, чтобы его можно было не принимать въ разсмотрѣніе *).

Наконецъ, *въ пятыхъ*, изъ признанія реалистической школою неблагопріятныхъ для общественной жизни результатовъ неограниченной свободной конкуренціи, сама собою вытекаетъ для нея задача указать, *съ точки зрѣнія понятій о правѣ и о культурныхъ задачахъ нашего времени*, общую, ближайшую цѣль развитія народнаго хозяйства и мѣры для осуществленія ея. Цѣль развитія народнаго хозяйства реалистическая школа видитъ *въ согласованіи наибольшаго производства съ возможно справедливымъ распределеніемъ. Справедливость же въ распределеніи, по понятіямъ нашего времени, осуществляется тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе распределеніе покоится на принципѣ труда.* Что же касается мѣръ, ведущихъ къ осуществленію ука-

*) По вопросу о методѣ политической экономіи см. «Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ», проф. В. Левитскаго 1890 г.

занной основной цѣли народнаго хозяйства, реалистическая школа не можетъ, уже по самому ея научному характеру, признать возможность указанія какихъ-либо универсальныхъ, шаблонныхъ мѣръ. Мѣры эти обуславливаются временемъ, мѣстомъ и другими конкретными обстоятельствами. Отсюда, реалистическая школа отвергаетъ, какъ незрѣлую, не имѣющую никакого понятія объ условіяхъ управляющихъ жизнью общества, ту фракцію социализма, которая требуетъ *немедленнаго* измѣненія общественнаго порядка въ смыслѣ установленія *исключительно доходовъ отъ труда*, слѣдовательно, безусловнаго устраненія всѣхъ частныхъ капиталовъ, частной земельной собственности, всѣхъ рентныхъ доходовъ. Реалистическая школа указываетъ, что для осуществленія этихъ требованій не имѣется въ настоящемъ обществѣ требуемыхъ условій; что чувства, нравы, понятія громаднаго большинства современнаго общества дѣлаютъ невозможными общественныя формы, на которыя указываетъ социализмъ. А потому, попытка осуществить эти формы общественной жизни насильственно неминуемо потерпѣла бы неудачу и вмѣсто общаго блага, во имя котораго выступаетъ социализмъ, вызвала бы лишь бѣдственное и напрасное сотрясеніе общественнаго организма.

Указавъ характеристическія черты реалистической школы и отличія ея отъ Смитовской, перейдемъ къ оцѣнкѣ экономическихъ явленій, обуславливаемыхъ свободною конкуренціей.

ГЛАВА II.

Оцѣнка экономическихъ явленій, вытекающихъ изъ системы свободной конкуренціи.—§ 1. Система свободной конкуренціи есть система монополій.—§ 2. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области производства.—§ 3. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области обмѣна.—§ 4. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области распределенія.

§ 1. Основное требованіе школы свободной конкуренціи заключается въ устраненіи всякаго законодательнаго регулированія экономическихъ явленій. Основаніемъ этому требованію служитъ убѣжденіе, что неограниченная свобода борьбы частныхъ интересовъ есть непремѣнное условіе осуществленія наилучшаго экономического порядка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и человѣческой свободы.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ понятія о *свободѣ*. Замѣтимъ только, что свобода, *въ смыслъ независимости проявленія челоукомъ своей воли*, ограничивается внѣшнею природою, природою челоука, юридическими постановленіями и социальными условіями (житейская обстановка). Въ юридическомъ ограниченіи воли—на сколько оно имѣетъ цѣлью и дѣйствительно производить уменьшеніе господства однихъ членовъ общества надъ другими и удѣленіе каждому возможно равной доли свобододѣйствія для достиженія личнаго благосостоянія—обыкновенно видятъ не стѣсненіе свободы, а лишь ограниченіе произвола, ибо нравственно-разумная личность даетъ полную санкцію ограниченію закономъ ея воли ради общаго интереса. Мысль, чувство и воля нравственно-разумной личности находятся здѣсь въ полной гармоніи съ юридическимъ ограниченіемъ дѣйствій. Исходя именно изъ этой мысли, Руссо строилъ свою

теорію «общественнаго договора», а Кантъ и другіе философы—теорію права и обязанности.

Школа свободной конкуренціи отвергаетъ, на основаніи извѣстныхъ намъ уже посылокъ, ограниченіе частнаго хозяйственнаго интереса и полагаетъ, что тѣмъ самымъ она расширяетъ область свободы. На самомъ же дѣлѣ, какъ увидимъ ниже, она приводитъ къ противоположному результату. Мы увидимъ, что высокія мечты гуманнаго умственнаго движенія XVIII вѣка и французской революціи, полагавшихъ, что достаточно уничтожить привилегіи, объявить всѣхъ людей равными передъ закономъ и предоставить народное хозяйство борьбѣ индивидуальныхъ интересовъ,—и благоденствіе разольется на землѣ,—мечты эти оказались несостоятельными. Съ развитіемъ либеральныхъ учреждений, вмѣсто прежнихъ юридическихъ привилегій, явились фактическія привилегіи. Каждый человѣкъ получилъ по закону право прилагать свой трудъ къ дѣлу, къ которому онъ чувствуетъ наибольшую склонность, получилъ право занять любое положеніе въ государствѣ, а, между тѣмъ, цѣлыя массы людей часто не могутъ найти даже простую черную работу, не могутъ продать своей рабочей силы и вынуждены жить милостынею. Въ Англіи, наиболѣе примѣнившей принципа свободной конкуренціи, гдѣ, притомъ, національное богатство громадно, существуетъ постоянный и многочисленный (колеблющійся между 600 т. и 1.000,000 лицъ) классъ здоровыхъ работниковъ, которые, за невозможностью продать на рынкѣ свою рабочую силу, живутъ на счетъ общественной благотворительности. «Либерализмъ» хотѣлъ сдѣлать трудъ свободнымъ, а вмѣсто того подчинилъ его игу капитала. Онъ мечталъ объ общественномъ благосостояніи, а создалъ крайнюю шаткость, необезпеченность общественныхъ отношеній, нищету и крайнюю бѣдность большинства

населенія. Онъ поставилъ себѣ цѣлью уничтоженіе монополій, но устраненныя имъ юридическія монополіи замѣнились гигантскою фактическою монополіей. Онъ хотѣлъ сдѣлать просвѣщеніе общимъ достояніемъ, а сдѣлалъ его привилегією владѣющихъ классовъ. Словомъ, онъ стремился къ возможно широкой свободѣ, а въ результатъ получилъ новые виды закрѣпощенія. Онъ желалъ прямо противоположное тому, къ чему привелъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, оказалось, что «*Либерализмъ*», какъ теорія, есть *утопія* *); и представленіе, которое соединяется съ словами: «*либерализмъ*», «*свободная конкуренція*», не соотвѣтствуетъ ихъ реальному значенію. Эти слова служатъ только источникомъ путаницы въ понятіяхъ, давая поводъ предполагать, что *дѣло идетъ о свободѣ* и что всякое ограниченіе свободы конкуренціи тождественно съ уменьшеніемъ области гражданской свободы **). На самомъ же дѣлѣ, современный либерализмъ отстаиваетъ даже не свободную конкуренцію, въ ея истинномъ смыслѣ, въ какомъ понимали ее фізіократы и Адамъ Смитъ, а монополіи. Этимъ и объясняется крайне интересный, заслуживающій особеннаго вниманія фактъ,

*) Въ практической же жизни либеральная фракція общества, къ которой принадлежатъ почти всѣ крупныя и среднія работодатели, ради защиты своихъ интересовъ, постоянно впадаетъ въ противорѣчія. Она требуетъ свободы только для себя, для капитала, и отрицаетъ свободу для труда, требуя, напримѣръ, отъ правительства запрещенія стачекъ. Она уничтожила въ Западной Европѣ феодальныя политическія привилегіи и установила, посредствомъ имущественнаго ценза, политическія привилегіи для себя.

**) Въ эту ошибку впадаетъ даже одинъ изъ корифеевъ экономической науки и притомъ противникъ Манчестерской школы, а именно Шеффле. Въ борьбѣ «*либерализма*» съ «*соціализмомъ*» онъ видитъ борьбу принциповъ: свободы и равенства. См. его *Kapitalismus u. Socialismus*. 2. Auf.

что въ то время, какъ Манчестерская школа требуетъ, ради осуществленія свободы конкуренціи, не-вмѣшательства государства, Милль, ради того же самаго, требуетъ вмѣшательства государства въ народное хозяйство (см. его Основ. Пол. Эк. т. I, стр. 255 и 256). Законы, по его мнѣнію, должны смягчать неравенства, вытекающія изъ естественнаго дѣйствія принципа собственности, и содѣйствовать тому, чтобы каждый начиналъ карьеру съ надлежащими средствами. Дальнѣйшій разборъ системы свободной конкуренціи выяснитъ намъ, почему она привела въ дѣйствительности прямо къ противоположному тому, о чемъ мечтали ея провозвѣстники.

Экономическая дѣятельность народа распадается на три главнѣйшія функціи: А) производство цѣнностей; В) обмѣнъ; С) распредѣленіе цѣнностей. Разсмотримъ способы выполненія этихъ функцій при свободной конкуренціи.

А. Производство.

§ 2. Правильная организація производства должна удовлетворить слѣдующимъ четыремъ условіямъ: 1) возможно большей производительности труда; 2) соответствію производства съ потребностями; 3) равномерному распредѣленію труда; 4) гигиенической обстановкѣ труда.

1) Благоприятныя слѣдствія свободной конкуренціи находятся единственно въ области перваго условія. Конкуренція побуждаетъ производителя готовить цѣнности возможно лучшими техническими процессами и возможно экономически. Но и здѣсь система свободной конкуренціи представляетъ слѣдующія невыгодныя стороны:

а) Эта система *имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ существованіе наемнаго труда*. Наемный работникъ

не заинтересованъ въ бережномъ обращеніи съ сырымъ матеріаломъ. Хозяинъ предпріятія лично или нанятые имъ надсмотрщики должны наблюдать, чтобы рабочій употреблялъ сырого матеріала не болѣе того, сколько необходимо для производства извѣстнаго предмета. Если этотъ контроль и достигнетъ своей цѣли, все-таки общество теряетъ вслѣдствіе отвлеченія труда отъ производства положительныхъ цѣнностей для надобностей надзора. Далѣе, рабочій, незаинтересованный въ результатѣ труда, нисколько не заботится о томъ, произведетъ ли онъ въ данное время большее или меньшее количество продуктовъ. Онъ проявляетъ напряженность труда лишь настолько, сколько необходимо, чтобы не быть прогнаннымъ изъ мастерской. Хозяинъ предпріятія безсиленъ устранить этотъ неблагоприятный фактъ, онъ не можетъ вызвать у наемнаго работника всю энергію, всю напряженность, съ какою послѣдній можетъ работать. Народное хозяйство много теряетъ вслѣдствіе такихъ условій труда. Поэтому, если еще не пришло время для полного устраненія наемнаго труда, то, во всякомъ случаѣ, задача государства заключается въ возможномъ уменьшеніи объема его приложенія. Это уменьшеніе, какъ увидимъ ниже, вызывается и многими другими, еще болѣе важными соображеніями.

б) Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ свободной конкуренціи является тотъ фактъ, что *матеріалъ и орудія труда (земля и капиталъ) находятся во владѣніи лишь одной и притомъ меньшей части общества.* Непимущему большинству предоставляется поддерживать свое существованіе единственно продажею своей рабочей силы. Но удастся ли работнику продать свой трудъ, системѣ свободной конкуренціи до этого нѣтъ дѣла, хотя результатомъ этой неудачи является или голодная смерть, или нищенство. Такимъ образомъ, *свободная конкуренція отказываетъ человеку въ*

правъ на трудъ и жизнь. Этотъ безчеловѣчный отказъ получаетъ тѣмъ болѣе реальное значеніе, что свободная конкуренція, защищая неограниченное право собственности, предоставляетъ произволу обладателей рабочаго матеріала прилагать или не прилагать къ нему рабочую силу и вообще выбирать любой видъ пользованія имъ, вслѣдствіе чего происходитъ, что, въ то время какъ огромныя пространства земли, годной къ обработкѣ, остаются невоздѣланными, сотни тысячъ здоровыхъ работниковъ не имѣютъ занятій и пробиваются нищенствомъ.

в) *Примѣнимость машинъ при наемномъ трудѣ гораздо тѣснѣе сравнительно съ примѣнимостью ихъ, какъ замѣстительницъ человѣческаго труда вообще.* Машина, какъ замѣстительница человѣческаго труда, имѣетъ приложеніе, когда количество труда, необходимое для постройки и эксплуатаціи ея, при данной интенсивности ея работы и при данномъ ея изнашиваніи, менѣе того количества труда, которое требуется при выполненіи работы исключительно ручнымъ трудомъ. Положимъ, какой-либо продуктъ, при ручномъ трудѣ, является результатомъ 1000 рабочихъ дней (примемъ 300 рабочихъ дней въ году). Изобрѣтается машина, на постройку которой требуется 400 рабочихъ дней; періодъ полнаго изнашиванія ея—годъ; для наблюденія за нею требуется одинъ рабочій; на топливо, масло и другіе вспомогательные предметы идетъ 50 рабочихъ дней; производитъ она въ годъ такое же количество продукта, какое, при ручномъ трудѣ, производилось 1000 рабочими днями. Выгода примѣненія подобной машины очевидна:—сберегается 250 рабочихъ дней. При наемномъ трудѣ граница примѣнимости машинъ суживается. И это потому, что машина здѣсь конкурируетъ не со всѣмъ количествомъ вытѣсняемаго ею труда, какъ это имѣло мѣсто въ приведенномъ

нами примѣръ, а лишь съ оплачиваемымъ трудомъ *). Причина этого факта понятна. Вслѣдствіе раздѣленія труда, машины составляютъ особую отрасль промышленности. Капиталистъ, покупая машину, уплачиваетъ, какъ за необходимый, такъ и за прибавочный трудъ, короче:—за весь трудъ, пошедшій на постройку машины; между тѣмъ, въ своемъ промышленномъ занятіи, онъ оплачиваетъ только стоимость рабочей силы, то-есть необходимый трудъ. Если изъ 10 часоваго рабочаго дня необходимый трудъ составляетъ половину, то, очевидно, для капиталиста нѣтъ никакой выгоды вводить вышеуказанную машину, ибо производство ея, надзоръ за ней и затраты на вспомогательныя вещества составляютъ 750 рабочихъ дней, а примѣненіе ея, — несмотря на выработку ею того же количества продукта, какое при ручномъ трудѣ создается въ 1000 рабочихъ дней, — замѣняетъ для капиталиста только 500 рабочихъ дней. Примѣнивъ машину, при такихъ условіяхъ, капиталистъ потерпѣлъ бы убытокъ, равный стоимости 100 рабочихъ дней **).

*) Работодатель покупаетъ рабочую силу за извѣстную поденную плату. Количество труда, заключающееся въ этой платѣ или, что то же, въ жизненныхъ средствахъ покупаемыхъ рабочимъ за эту денежную плату, всегда меньше количества труда, заключеннаго въ дневномъ продуктѣ рабочей силы; иначе—наемъ работника не имѣлъ бы смысла для работодателя. Такимъ образомъ, рабочий день можетъ быть раздѣленъ на двѣ части. Первая часть представляетъ то количество труда работника, которое равняется труду, заключенному въ денежной поденной платѣ; вторая часть представляетъ трудъ, поступающій въ пользу работодателя. По терминологіи Маркса, первая часть рабочаго дня называется «оплачиваемымъ», а также «необходимымъ» трудомъ, вторая—«прибавочнымъ» трудомъ.

**) Не одинаковостью раздѣленія рабочаго дня на оплачиваемый и прибавочный трудъ въ разныхъ странахъ, въ различное время и

г) *Въ системѣ свободной конкуренціи большое производство побъждаетъ малое.* Это ведетъ за собою большія выгоды для производства (о соціальныхъ послѣдствіяхъ скажемъ ниже), но, въ то же время, имѣетъ тенденцію монополизировать отдѣльныя отрасли промышленности, вслѣдствіе чего исчезаютъ въ такихъ монополизированныхъ отрасляхъ промышленности единственныя выгоды конкуренціи, какъ стимула возможно большаго и дешеваго производства *).

Единственныя средства къ устраненію произтекающихъ для общества потерь отъ монополизации отраслей промышленности заключается или въ передачѣ послѣднихъ въ вѣдѣніе государства, или въ установленіи надъ ними государственнаго контроля. А такъ какъ свободная конкуренція, по присущему ей закону развитія, ведетъ къ постоянному расширенію объема монопольныхъ предпріятій, то, слѣдовательно, уже по одной этой причинѣ, *должна постоянно увеличиваться область государственнаго хозяйства и государственнаго вмѣшательства.*

въ разныхъ производствахъ, обусловливаются границы примѣненія машинъ. Машина, введенная въ одной странѣ, не имѣетъ мѣста въ другой, гдѣ рабочая сила стоитъ дешевле. Такъ въ Англіи изобрѣтаются машины, которыя могутъ быть примѣнены только въ Америкѣ. Равнымъ образомъ, французскія изобрѣтенія XVIII вѣка эксплуатировались только въ Англіи, гдѣ стоимость рабочей силы въ то время была выше. Американцы изобрѣли и употребляютъ машину для разбивки камней, но англичане не примѣняютъ ее, потому что ручной трудъ обходится дешевле.

*) Особенно яркіе примѣры полнаго парализованія конкуренціи путемъ сдѣлокъ между крупными капиталистами и образованія, такимъ образомъ, монополизированныхъ отраслей промышленности представляетъ исторія частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Сѣверной Америкѣ, Великобританіи и Франціи. См. «Eisenbahnreform», Perrot и «Желѣзнодорожное Хозяйство» проф. Чупрова.

Таковы недостатки системы свободной конкуренціи въ томъ отдѣлѣ производства, гдѣ она проявляется еще наиболѣе благопріятно. Теперь рассмотримъ ея проявленія еще въ слѣдующихъ трехъ отдѣлахъ производства.

2) *Правильно организованнымъ производствомъ можетъ быть названо лишь такое, гдѣ распределение труда и капитала по различнымъ производительнымъ занятіямъ определяется потребностями гражданъ.* Въ конкуренціонной системѣ направление производства определяется совершенно другимъ, а именно: наибольшою прибылью отъ промышленнаго предпріятія. Громадное число людей можетъ испытывать недостатокъ въ удовлетвореніи самыхъ необходимыхъ потребностей; но если они не имѣютъ средствъ оплатить созданіе нужныхъ имъ предметовъ, производство направится на выработку предметовъ самой утонченной роскоши, тщеславія, за которыя рынокъ предлагаетъ хорошія цѣны. *Рыночныя цѣны, а не потребности, определяютъ направленіе конкуренціоннаго производства, и темныя стороны такого порядка дългъ тѣмъ значительныѣ, чѣмъ неравномернѣе распределение.*

Но и помимо несоотвѣтствія конкуренціоннаго производства общественнымъ нуждамъ, классифицированнымъ по степени ихъ настоятельности, оно находится въ постоянномъ разладѣ и съ рыночнымъ спросомъ. Управляемое спекулятивными соображеніями о полученіи возможно болѣшей прибыли, оно непрерывно впадаетъ въ ошибки и создаетъ тѣ или другіе предметы, въ количествѣ болѣшемъ противъ существующаго на рынкѣ спроса. Исторія европейской промышленности въ XIX столѣтіи представляетъ постоянную смѣну самыхъ отчаянныхъ спекуляцій, лихорадочнаго напряженія кредита подъ вліяніемъ невѣрныхъ расчетовъ на спросъ, отсюда излишняго производства, приводящаго къ

торговымъ и денежнымъ кризисамъ. Кризисы уменьшаютъ спросъ на трудъ, массы работниковъ лишаются занятій и національное хозяйство много теряетъ вслѣдствіе вынужденной кризисами праздности труда и капитала *).

3) Свободная конкуренція имѣетъ неизбѣжнымъ результатомъ крайне неравномерное распределение труда. Въ то время, какъ рантѣе получаютъ право и возможность вести вполне праздную жизнь, немущіе классы обременены чрез-

*) Данныя изъ исторіи англійской хлопчатобумажной промышленности, помѣщенные въ книгѣ Маркса «Капиталъ», могутъ служить хорошимъ образчикомъ, какъ частоты кризисовъ въ современной европейской промышленности, такъ и вліянія ихъ на судьбу рабочихъ. Съ 1770 по 1815 годъ, англійская хлопчатобумажная промышленность находилась въ застоѣ или въ стѣсненномъ положеніи въ продолженіе 5-ти лѣтъ. Въ теченіе этого 45-ти лѣтняго періода, англійскіе фабриканты пользовались монополіей машинъ и міроваго рынка. Съ 1815 по 1821 г.—застой; 1822 и 1823 гг.—процвѣтаніе; 1824 г.—отмѣна закона объ ассоціаціяхъ, общее громадное развитіе фабрикъ; 1825 г.—кризисъ; 1826 г.—ужасная нищета и волненія между рабочими хлопчатобумажныхъ фабрикъ; 1827 г.—небольшое улучшеніе; 1828 г.—сильное увеличеніе количества паровыхъ ткацкихъ станковъ и вывоза; 1829 г.—вывозъ, по преимуществу въ Индію, превзошелъ вывозъ всѣхъ прежнихъ лѣтъ; 1830 г.—переполненный рынокъ, сильная нужда; 1831 и 1832 гг.—это состояніе продолжается; у Ост-Индской компаніи была отнята монополія торговли съ Китаемъ и Индією; 1834 г.—быстрое возрастаніе фабрикъ и машинъ, недостатокъ въ рабочихъ рукахъ; 1835 г.—высшая степень процвѣтанія, въ то же время вымираніе съ голода хлопчатобумажныхъ ткачей; 1836 г.—высокое процвѣтаніе продолжается; 1837 и 1838 гг.—стѣсненное положеніе и кризисъ; 1839 г.—годъ оживленія; 1840 г.—сильное стѣсненіе, возстанія, вмѣшательство войска; 1841 и 1842 гг.—ужасныя страданія фабричныхъ рабочихъ. Рабочіе, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, стекаются въ Йоркширъ, войско гонитъ ихъ назадъ, вождей ихъ предають суду въ Ланкастерѣ; 1843 г.—сильная нищета; 1844 г.—оживленіе;

мѣрнымъ трудомъ, не только не оставляющимъ имъ досуга для умственнаго развитія, но и дѣйствующимъ вредно на здоровье. Ни въ одну эпоху рабочій день не былъ такъ длинень, какъ въ новѣйшее время, когда свободная конкуренція получила господство. То удлиненіе рабочаго дня, которое, съ половины XV и до конца XVIII столѣтія, капиталъ старался навязать взрослымъ работникамъ, при помощи государственнаго вмѣшательства, совпадаетъ съ тѣми предѣлами рабочаго дня, которые, въ XIX ст., были установлены

1845 г.—полное процвѣтаніе; въ 1846 г.—процвѣтаніе продолжается, потомъ являются симптомы реакціи. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ. Въ 1847 году кризисъ. Общее уменьшеніе заработной платы на 10 и болѣе процентовъ для празднованія «big loaf»; 1848 г.—стѣсненіе продолжается. Манчестеръ находится подъ охраною войска. 1849 г.—оживленіе; 1850 г.—процвѣтаніе. Въ 1851 г.—цѣны на товаръ падаютъ, заработная плата понижается, частыя стачки. Въ 1852 г. начинается улучшеніе, стачки продолжаются, фабриканты угрожаютъ ввозомъ рабочихъ изъ-за границы. Въ 1853 г. вывозъ увеличивается; 8-ми мѣсячная стачка и сильная нищета въ Престонѣ; 1854 г.—процвѣтаніе, переполненіе рынка; 1855 г.—извѣстія о банкротствахъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ и на восточно-азиатскихъ рынкахъ; 1856 г.—сильное процвѣтаніе; 1857 г.—кризисъ 1858 г.—улучшеніе; 1859 г.—сильное процвѣтаніе, увеличеніе числа фабрикъ. Въ 1860 г.—англійская хлопчатобумажная промышленность находится въ зенитѣ. Индійскій, Австралійскій и другіе рынки были въ такой степени переполнены, что даже въ 1863 г. едва поглотили весь запасъ. *Французскій торювый договоръ*. Чрезвычайное увеличеніе числа фабрикъ и машинъ. Въ 1861 г.—процвѣтаніе нѣкоторое время продолжается; реакція, американская гражданская война, недостатокъ хлопка. 1862—1863 г.г.—полное крушеніе. Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ 45 лѣтъ англійской хлопчатобумажной промышленности, съ 1770 по 1815, мы находимъ только 5 лѣтъ застоя и кризиса; но это былъ періодъ ея міровой монополіи. Во второй 48-лѣтній періодъ, съ 1815 по 1863 г., на 20 лѣтъ оживленія и процвѣтанія приходится 28 лѣтъ кризиса и застоя.

первыми фабричными законами Англии для ограниченія безжалостной эксплуатаціи труда дѣтей. И что всего хуже:— свободная конкуренція придаетъ условіямъ производства значеніе внѣшняго принудительнаго закона по отношенію къ каждому отдѣльному капиталисту. Такъ, въ началѣ 1863 г. двадцать шесть фирмъ, владѣющихъ обширными гончарными заводами въ графствѣ Стафордширъ, ходатайствовали передъ парламентомъ объ изданіи закона, ограничивающаго рабочій день дѣтей, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что «конкуренція съ другими заводчиками» дѣлаетъ для нихъ невозможнымъ всякое «добровольное» ограниченіе рабочаго времени дѣтей.... «Поэтому, какъ ни сильно жалѣемъ мы о вышеупомянутомъ злѣ, мы не видимъ никакой возможности прекратить его посредствомъ какого бы то ни было рода соглашенія между самими фабрикантами. На основаніи всѣхъ изложенныхъ нами выше соображеній, мы пришли къ убѣжденію въ необходимости принудительнаго закона». Истощеніе физической силы націи чрезмѣрнымъ фабричнымъ трудомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ частыя эндеміи въ фабричныхъ округахъ, большая смертность фабричнаго населенія, уменьшеніе средняго роста его и годности для военной службы, заставило всѣ западно-европейскія государства вмѣшаться въ борьбу между капиталомъ и трудомъ, и изданіемъ законовъ, устанавливающихъ нормальный рабочій день, нарушить принципъ свободной конкуренціи.

4) Относительно ужасныхъ гигиеническихъ условій, при которыхъ выполняется промышленный трудъ, вѣтъ надобности ссылаться на богатый матеріалъ официальныхъ изслѣдованій. Эти условія хорошо извѣстны каждому изъ личнаго наблюденія. Недостатокъ свѣта, тѣснота помѣщенія, испорченный воздухъ, тѣсная установка машинъ, порождающая ежегодно значительное число убитыхъ, изуродованныхъ и

балѣбъ. — вотъ обыкновенная обстановка промышленнаго труда. Эти условія подрываютъ въ той же степени жизненную силу трудящейся массы, какъ подрываетъ ее и чрезмѣрный трудъ. Но, при этомъ, они такъ наглядны, впечатлѣніе, производимое ими, такъ сильно и непосредственно, софизмы для оправданія ихъ такъ невозможны, что государство не могло долго отклонять требованія къ вмѣшательству въ это дѣло и наложило на хозяевъ фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ извѣстныя обязательства, правда, пока еще очень тощія, недостаточныя.

Не менѣе краснорѣчиво выразились слѣдствія свободной конкуренціи въ условіяхъ женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ. По мѣрѣ распространенія машиннаго производства — многія операціи котораго требуютъ незначительной мускульной силы — увеличивается въдомашній, фабричный трудъ женщинъ и дѣтей, оказывающій самое губительное вліяніе на семейную жизнь и нравственность рабочихъ классовъ. Ужасающія данныя о вліяніи женскаго труда на нравственность фабричныхъ рабочихъ и объ истощеніи чрезмѣрною работою дѣтскаго организма представляютъ англійскія Синія Книги. Фабричный трудъ женщинъ отчуждаетъ мать отъ дѣтей, жену отъ мужа. Совмѣстная ночная работа мужчинъ, женщинъ и дѣтей служитъ сильнѣйшимъ источникомъ порчи нравовъ.

«Глубокое омерзѣніе, говоритъ президентъ медицинскаго Лондонскаго бюро, д-ръ Симонъ, съ которымъ я отношусь къ фабричному труду женщинъ, объясняется знаніемъ мною всего зла, производимаго имъ». Англійскій инспекторъ фабрикъ Беккеръ, въ одномъ изъ своихъ официальныхъ отчетовъ, заявляетъ: — «для мануфактурныхъ округовъ будетъ истиннымъ счастіемъ запрещеніе замужнимъ женщинамъ, имѣющимъ семейства, работать на фабрикахъ». О физиче-

своей слабости фабричныхъ дѣтей свидѣлствуютъ не только фабричные инспекторы, но даже и сами фабриканты. До изданія фабричныхъ законовъ, 8-ми лѣтнія дѣти работали по 14 часовъ въ сутки. Кромѣ физическаго истощенія незрѣлаго дѣскаго организма, фабричный трудъ оказываетъ также губительное вліяніе на умственное и моральное его состояніе. Фабрика убиваетъ въ корнѣ способности дѣтей, дѣлаетъ ихъ тупыми, одичалыми, неспособными къ развитію. Изданіемъ законовъ, ограничивающихъ трудъ дѣтей, государство вмѣшалось какъ въ права свободной конкуренціи, такъ и въ права родительской власти.

В. Обмѣнъ.

§ 3. Въ системѣ свободной конкуренціи мѣновая цѣнность обмѣниваемыхъ продуктовъ и силъ опредѣляется двумя нормами:—или спросомъ и предложеніемъ, или стоимостью производства *плюсъ* средняя прибыль на затраченный въ производство капиталъ *); притомъ, вторая норма имѣетъ

*) По мнѣнію Прудона, высказанному въ его «*Système des contradictions économiques*», для того, чтобы осуществить справедливую хозяйственную организацію, нужно найти общее уравненіе, рѣшающее всѣ экономическія противорѣчія. Какая же должна быть формула этого уравненія? спрашиваетъ Прудонъ — и отвѣчаетъ: «мы можемъ уже отчасти ее опредѣлить; это долженъ быть извѣстный законъ, извѣстная теорія взаимныхъ экономическихъ отношеній между лицами, которыя гарантировали бы каждому вознагражденіе за трудъ, равное продукту или производительности этого труда... Сдѣлайте такъ, чтобы достатокъ каждаго зависѣлъ единственно отъ его труда, чтобы трудъ сталъ мѣрою личнаго достатка».

Извѣстно, что основной принципъ социализма заключается въ приведеніи цѣнности предметовъ къ количеству заключеннаго въ нихъ труда; слѣдовательно, социализмъ и Прудонъ видятъ разрѣшеніе эко-

лишь значеніе центра, къ которому постоянно тяготѣютъ колеблющіяся цѣны товаровъ, и эти колебанія зависятъ отъ спроса и предложенія. Такимъ образомъ, *спросъ и предложеніе* оказываютъ дѣйствіе на цѣны всѣхъ товаровъ, на однѣ—исключительное, на другія — рядомъ съ стоимостью производства плюсъ средняя прибыль на капиталъ. Объемъ спроса не есть величина извѣстная, а потому все современное производство основано на рискѣ, спекуляціи. Произведено предметовъ какого-либо рода больше спроса, цѣны на эти предметы падаютъ, происходятъ банкротства, раззо-

номическихъ противорѣчій и социальныхъ неустройствъ въ одномъ и томъ же. Въ то же время, социализмъ совершенно вѣрно утверждаетъ, что цѣль эта достигнется лишь тогда, когда орудія труда будутъ составлять общественную собственность. Между тѣмъ, какъ извѣстно, Прудонъ боролся съ современнымъ ему социализмомъ. Это кажущееся противорѣчіе Прудона самому себѣ объясняется тѣмъ, что онъ, въ сущности, боролся не противъ упомянутаго утвержденія социализма, а противъ предлагавшихся современнымъ Прудону социализмомъ средствъ къ осуществленію общественной собственности на орудія труда.

Основаніемъ экономическихъ изслѣдованій Маркса, вошедшихъ въ 1-й томъ его соч. «Капиталъ», служитъ *положеніе, что стоимость предметовъ опредѣляется количествомъ заключающагося въ нихъ общественно-необходимаго рабочаго времени, и цѣна есть денежное названіе рабочаго времени, овеществленнаго въ товаръ*. Это есть *нормальная стоимость и нормальная цѣна*. Далѣе Марксъ замѣчаетъ, что форма цѣны не только допускаетъ возможность количественнаго несовпаденія величины стоимости и цѣны — уклоненіе рыночныхъ цѣнъ отъ стоимости производства — но она можетъ представлять даже качественное противорѣчіе, напримѣръ, цѣна земли. Последняя есть цѣна фиктивная, такъ какъ земля, какъ не представляющая собою овеществленія человѣческаго труда, не имѣетъ стоимости. Теперь является вопросъ: — составляетъ-ли „нормальная“ цѣна, по мнѣнію Маркса, норму, обуславливающую современный обмѣнъ или — только отвлеченное понятіе? Яснаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не

ряющія не только производителей этихъ предметовъ, но, вслѣдствіе развитой системы кредита, отражающіяся, какъ круги отъ высокой волны, на массу экономическихъ предприятий и на работниковъ. Шаткость отношеній, необеспеченность судьбы значительнаго числа населенія составляютъ характеристическія черты современнаго экономическаго быта. Мѣткое различіе между юридическою и экономическою областями дѣлаетъ Лассаль, говоря:—въ первой каждый отвѣчаетъ лишь за то, что сдѣлалъ, между тѣмъ какъ во второй, при современной ей организаціи, *каждый отвѣчаетъ*

находимъ у него. Единственные строки, бросающія какъ-будто нѣкоторый свѣтъ на занимающій насъ вопросъ, слѣдующія:—«Величина стоимости товара выражаетъ *необходимое*, присущее процессу его образования, отношеніе къ общественному рабочему времени. Съ превращеніемъ величины стоимости въ цѣну, это необходимое отношеніе является въ видѣ мѣноваго отношенія товара къ другому товару. Но эта форма товара можетъ выражать какъ величину стоимости товара, такъ и случайное отношеніе, въ какомъ онъ отчуждается при данныхъ обстоятельствахъ. *Возможность количественнаго несовпаденія* цѣны съ величиною стоимости, или уклоненіе цѣны отъ величины стоимости, существуетъ въ самой *формѣ цѣны*. Это вовсе не составляетъ недостатка этой формы, но, наоборотъ, дѣлаетъ ее формою вполне соответственной тому способу производства, въ которомъ правило можетъ обнаруживаться только какъ слѣпо дѣйствующій *средній законъ*, при совершенномъ отсутствіи правильности (стр. 49 и 50). Изъ того, что Марксъ въ этихъ строкахъ придаетъ «нормальной цѣнѣ» значеніе средняго закона, можно, повидимому, вывести, что «нормальная цѣна» обуславливаютъ, по его мнѣнію, современный обмѣнъ въ томъ именно объемѣ и смыслѣ, въ какомъ, по мнѣнію экономистовъ, обуславливаетъ его «стоимость производства плюсъ средняя прибыль», т. е. что «нормальная цѣна» предмета есть та величина, около которой колеблется и къ которой постоянно стремится возвратиться рыночная цѣна. Но такой выводъ, во-первыхъ, противорѣчитъ дѣйствительности, ибо, на современномъ рынкѣ, центръ, къ которому

за то, чего не дѣлалъ. Не удался сборъ хлопка въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки, или если подвозъ его прекратился по какой-либо иной причинѣ, то въ Англіи, Франціи, Германіи и т. д. работники хлопчатобумажныхъ фабрикъ цѣлыми массами лишаются работы и хлѣба. Въ Америкѣ случился промышленный кризисъ, вслѣдствіе переполненія рынка иностранными шелковыми товарами и бархатомъ, оттого что многіе фабриканты, ничего другъ о другѣ не зная, выслали въ Америку чрезмѣрное количество своихъ издѣлій; слѣдствіемъ американскаго кризиса является застой на шелковыхъ и бархатныхъ фабрикахъ Европы. Каждое механическое изобрѣтеніе, удешевляющее производство какого-нибудь товара, понижаетъ цѣнность цѣлыхъ массъ за-

тяготѣютъ цѣны товаровъ, производство коихъ ограничено, представляетъ не количество овеществленнаго въ товарѣ труда, а стоимость его производства плюсъ средняя прибыль; во-вторыхъ онъ не вяжется съ изслѣдованіями Маркса объ образованіи стоимости. Въ основѣ этого изслѣдованія лежитъ мысль, что, при производствѣ предметовъ, сырой матеріалъ и орудія труда переносятъ лишь свою стоимость на продуктъ труда, но не прибавляютъ къ нему ни одного атома новой стоимости, между тѣмъ какъ работникъ создаетъ не только эквивалентъ потребленныхъ имъ, во время труда, жизненныхъ средствъ, но создаетъ еще новую (прибавочную) стоимость. При капиталистическомъ способѣ производства, прибавочная стоимость поступаетъ въ собственность хозяина промышленнаго предпріятія. Такимъ образомъ, прибавочная стоимость получается только отъ работника, а не отъ средствъ производства, а потому и величина ея опредѣляется количествомъ работниковъ и степенью ихъ эксплуатаціи.—Отсюда, очевидно, слѣдуетъ, что еслибы товары продавались на рынкѣ по количеству заключеннаго въ нихъ труда, то изъ двухъ отраслей промышленности, ведущихся равными капиталами, та промышленность давала бы большую прибыль, въ которой большая часть капитала идетъ на покупку рабочей силы. А это противорѣчитъ извѣстному факту *стремленія прибыли къ равенству*.

готовленныхъ запасовъ этого товара, подрываетъ множество предпринимателей и рабочихъ. Политическое событіе, даже политическая утка повышаютъ одніѣ и понижаютъ другія бумаги. Постройка каждой новой желѣзной дороги возвышаетъ цѣнность прилегающихъ къ дорогѣ земельныхъ участковъ, домовъ и промышленныхъ заведеній. Такихъ примѣровъ, догадывающихся, что въ экономической области, въ противоположность юридической, каждый отвѣчаетъ за то, чего не дѣлалъ, можно набрать тысячи. Причина этого факта очень проста. Въ юридической сферѣ каждый поступокъ есть продуктъ индивидуальной воли. Экономическая область, напротивъ, есть область такой общественной связи, гдѣ воля, поступки и судьба каждаго находятся въ зависимости отъ дѣйствій другихъ. И если общественныя учрежденія не регулируютъ эту зависимость, то она обнаруживается тогда, какъ грубая, естественная сила, какъ рокъ, играющій мнимою свободою предоставленнаго самому себѣ индивидуума. Соціальныя силы, находясь въ состояніи анархіи, которую либеральные экономисты называютъ «свободною конкуренціею», то возносятъ, по слѣпому случаю, одного на верхъ богатства, то низвергаютъ сотни другихъ въ нищету.

Выше мы указали, что свободная конкуренція даетъ въ результатъ монополію, а слѣдовательно противорѣчитъ своей цѣли. Теперь мы видимъ ея самопротиворѣчіе въ другомъ отношеніи: возставая противъ регулированія соціальныхъ силъ, она предоставляетъ хозяйственную дѣятельность слѣпому случаю. А тамъ, гдѣ владычествуетъ случай, не можетъ быть рѣчи о свободѣ индивидуума, а слѣдовательно — и объ отвѣтственности, о вмѣняемости. И здѣсь мы должны снова повторить, что сказали въ рѣчи о наемномъ трудѣ, — если невозможно еще въ настоящее время совершенно устранить случай изъ экономической области, то слѣдуетъ, чрезъ

регулированіе соціальныхъ силъ (собственности, капитала, труда, производства, конкуренціи, торговли, кредита) возможно ограничивать его, распредѣлять его власть возможно равномерно на всѣхъ и, такимъ образомъ, ослабить разрушительную тяжесть, съ какою онъ обрушивается на людей.

Организація народнаго хозяйства, гдѣ спросъ и предложеніе — это чисто механическое, безпринципное начало — является регуляторомъ цѣнъ на продукты и силы, регуляторомъ распредѣленія, и, слѣдовательно, обусловливаемого распредѣленіемъ соціальнаго положенія людей, свидѣтельствуеъ о крайней незрѣлости соціальнаго быта. И далѣе, эта организація является тѣмъ болѣе несоотвѣтствующею современному понятію о справедливости, что неблагоприятныя стороны спроса и предложенія распредѣляются крайне неравномѣрно между различными общественными классами. Владѣющіе классы и выигрываютъ, и проигрываютъ отъ дѣйствій этого регулятора. Неимущіе же рабочіе классы терпятъ отъ него одинъ лишь гнетъ. Причины этого факта слѣдующія.

Неимущіе классы могутъ приобрѣтать средства существованія единственно продажею своего труда, и свободная конкуренція разсматриваетъ трудъ, какъ товаръ. Не касаясь вопроса о томъ, согласно-ли съ человѣческимъ достоинствомъ приравнивать трудъ къ товару, мы ограничимся констатированіемъ того, весьма важнаго по послѣдствіямъ, факта, что школа свободной конкуренціи упускаетъ изъ виду, что *трудъ есть товаръ особаго рода*, что онъ отличается отъ матеріальныхъ товаровъ такими свойствами, въ виду которыхъ покупку — продажу его никоимъ образомъ нельзя подчинить тѣмъ же условіямъ, какими опредѣляются цѣны вещественныхъ товаровъ.

Трудъ есть проявленіе рабочей силы. Рабочая же сила не можетъ быть отдѣлена отъ человѣка. Слѣдовательно, пользованіе рабочею силою другого есть пользованіе самимъ человѣкомъ. Въ этомъ неразрывномъ соединеніи труда съ личностью заключается существенный признакъ, которымъ трудъ, какъ товаръ, отличается отъ всѣхъ прочихъ товаровъ. Купившій что-либо пріобрѣтаетъ право пользованія и распоряженія купленнымъ, пріобрѣтаетъ господство надъ нимъ; и точно также купившій трудъ пріобрѣтаетъ господство надъ рабочею силою, то есть надъ человѣкомъ, надъ его физическимъ, интеллектуальнымъ, моральнымъ и социальнымъ существованіемъ. Рядомъ съ этимъ, рабочей обыкновенно бѣденъ; онъ не имѣетъ другихъ источниковъ существованія, какъ только продажу своего труда. Продавцы другихъ товаровъ, при неблагоприятныхъ условіяхъ рынка, могутъ воздержаться отъ невыгоднаго для нихъ сбыта; для рабочаго нѣтъ выбора и онъ вынужденъ продавать свой трудъ по всякой цѣнѣ, за всякія условія, отчего господство надъ нимъ покупателя его труда еще болѣе усиливается. Эти два факта: неразрывность рабочей силы съ лицомъ, ее продающимъ, и отсутствіе у рабочихъ классовъ другихъ источниковъ существованія, кромѣ продажи рабочей силы, порождаютъ слѣдующія важныя моральныя и экономическія слѣдствія *)

Продавецъ каждаго вещественнаго товара можетъ продавать его не находясь въ мѣстѣ находенія товара. Не го-

*) Хотя большинство русскаго народа составляютъ мелкіе земельные собственники, но скудость надѣловъ, чрезмѣрная обременительность податей и повинностей ставятъ нашихъ крестьянъ въ такую же безусловную необходимость продавать свой трудъ на всякихъ условіяхъ, въ какую поставлены полные пролетаріи.

вора уже объ оптовыхъ торговцахъ, фабрикантахъ, земельныхъ собственникахъ, даже мелочной торговецъ не вынужденъ находится постоянно при своихъ товарахъ. Какъ эти, такъ и всѣ прочіе общественные классы, за исключеніемъ рабочихъ, пользуются однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ условий существованія, а именно, свободою распоряжаться своимъ временемъ. Высшіе классы работниковъ, какъ, напримеръ, чиновники, техники, инженеры, хотя и обязаны посвящать опредѣленные часы дня занятіямъ, тѣмъ не менѣе ихъ положеніе, въ отношеніи свободы распоряжаться временемъ, существенно разнится отъ положенія низшихъ рабочихъ классовъ, такъ какъ первые пользуются значительнымъ ежедневнымъ досугомъ. Рабочіе классы, вслѣдствіе продолжительности дневного труда, лишены ежедневнаго досуга, имѣющаго значеніе необходимаго условія для умственнаго и нравственнаго развитія, для выполненія соціальныхъ и домашнихъ обязанностей, и вообще, для существованія достойнаго человѣка. До ограниченія законодательствомъ рабочаго дня, работники не имѣли часто даже возможности отдавать сну то количество часовъ, какое требовалось для возстановленія изнуренныхъ работою силъ. Рабочіе классы надѣлены политическими правами; во Франціи и Германіи существуетъ даже *Suffrage universel*, и, въ то же время, они не имѣютъ ежедневнаго досуга, безусловно необходимаго для образованія, интеллектуальнаго развитія и *сознательнаго* пользованія политическими правами. Какое противорѣчіе! Многіе страшатся его, усматриваютъ въ немъ опасность для *непрерывнаго* развитія цивилизаціи, и, однако, нѣтъ другаго выхода изъ этого противорѣчія, какъ только созданіе учреждений и условий для образованія и интеллектуальнаго развитія народа.

Продавецъ матеріальныхъ товаровъ пользуется возмож-

ностью управлять спросомъ и предложениемъ. Если, вслѣдствіе уменьшенія спроса, цѣны на предметы его промысла понизились, онъ воздерживается отъ продажи, уменьшаетъ предложеніе и тѣмъ можетъ возвысить цѣну. Рабочіе же — пока они не соединились въ союзы и не образовали значительныхъ фондовъ, а дѣйствуютъ раздѣльно — не могутъ управлять спросомъ и предложениемъ. Чѣмъ будетъ жить работникъ въ ожиданіи возвышенія цѣны на его трудъ? Ему не остается ничего другого, какъ постоянно подчиняться условіямъ рынка, каковы бы они ни были; а эти условія, какъ мы уже говорили, устанавливаются *почти исключительно* покупателями труда. Покупщики труда опредѣляютъ количество часовъ работы, дневную или ночную работу, мѣсто и обстановку труда и вознагражденіе за него. И вслѣдствіе указанного нами различія въ положеніи покупателей и продавцовъ труда, послѣдніе вынуждены принимать предписанія первыхъ. А слѣдовательно, покупка-продажа рабочей силы, только въ очень ограниченномъ смыслѣ, можетъ быть названа сдѣлкой *свободною, добровольною*.

Вредное вліяніе свободной конкуренціи на судьбу рабочихъ классовъ вызвало коалиціи послѣднихъ, поставившія себѣ цѣлью организованную борьбу съ капиталомъ. Движеніе рабочихъ имѣло слѣдствіемъ законодательныя мѣры, ограничившія рабочій день, запретившія платить работникамъ вмѣсто денегъ товарами, обязавшія хозяевъ обставлять трудъ извѣстными гигиеническими условіями и имѣть школы при фабрикахъ и заводахъ. Разумѣется, современное фабричное законодательство представляетъ только начало того сознательнаго, цѣлесообразнаго регулированія обществомъ социальныхъ силъ, которому, по неизбѣжнымъ законамъ развитія, суждено осуществляться полнѣе и полнѣе, солидарно съ развитіемъ правовыхъ идей. Предстоящія событія

отражаютъ отъ себя къ намъ тѣнь, говоритъ англійская пословица.

С. *Распредѣленіе.*

§ 4. Въ области распредѣленія темныя стороны системы свободной конкуренціи заявляютъ себя особенно ярко. Онѣ есть результатъ, во-первыхъ, дѣйствія спроса и предложенія, какъ регулятора обмѣна, а слѣдовательно и распредѣленія, во-вторыхъ, неограниченнаго права наследованія, вытекающаго изъ идеи *абсолютной, неограниченной* частной собственности, въ-третьихъ, ограниченія дѣятельности государства сферою охраненія безопасности и защиты правъ.

Выше говоря о теоріи ренты Рикардо, мы видѣли, что доходъ землевладѣльца обусловливается не только количествомъ употребляемаго имъ на воздѣлываніе земли основнаго и оборотнаго капитала, не только личными свойствами, но также преимуществами принадлежащаго ему земельного участка предъ другими участками, вошедшими въ культуру, преимуществами, заключающимися въ качествѣ почвы или руды, въ близости участка къ рынку, красотѣ мѣстоположенія и мн. др. Присвоеніе землевладѣльцами этой второй части дохода, называемой *«земельною рентою»*, не переставало, со времени Рикардо, быть предметомъ нападокъ. Основаніемъ этихъ нападокъ служила и до сихъ поръ служить мысль, что только тѣ доходы справедливы, которые добываются трудомъ. Обсужденіе этой мысли будетъ сдѣлано нами ниже, при разсмотрѣніи теорій собственности. Здѣсь же замѣтимъ только, что отрицающіе справедливость присвоенія ренты частными лицами въ силу того, что рента не есть результатъ труда, на томъ же основаніи должны отрицать справедливость *процента на капиталъ*

и значительной доли промышленной прибыли. Различіе, которое дѣлала до послѣдняго времени политическая экономія между рентою, съ одной стороны, процентомъ на капиталъ и предпринимательскою прибылью, съ другой, при обсужденіи вопроса о правѣ присвоенія этихъ доходовъ частными лицами, объясняется недостаточною разработкою вопроса объ образованіи капитала.

Основаніе для оправданія процента на капиталъ экономисты видѣли въ томъ, что капиталъ представляетъ собою «накопленный трудъ». Но, очевидно, для оправданія капиталистической ренты не достаточно сослаться лишь на то, что капиталъ есть накопленный трудъ; необходимо доказать, что онъ созданъ трудомъ именно того, кому онъ принадлежить, или трудомъ наслѣдодателя. Но политическая экономія, до послѣдняго времени, даже не входила въ изслѣдованіе этого важнаго вопроса народнаго хозяйства, хотя основанія для этого рѣшенія были уже даны теоріею цѣнности Рикардо; нужно было только сдѣлать изъ нея логическіе выводы. Какъ поверхностное наблюденіе экономическихъ явленій породило нѣкогда убѣжденіе, что деньги и богатство синонимы — заблужденіе, просуществовавшее въ ка—такъ точно внѣшнія формы современнаго производства и обмѣна располагали думать, что капиталъ есть результатъ труда его владѣльца. Въ какой степени теорія цѣнности Рикардо была мало усвоена экономистами, лучше всего доказывается тѣмъ, что въ науку могла проникнуть нелѣпная выдумка Senior'a, что образованіе и накопленіе капитала обязаны «воздержанію» капиталистовъ отъ потребленія и этимъ думали оправдать промышленную прибыль и процентъ на капиталъ *). Въ настоящее время, благодаря тру-

*) Когда Шульце-Деличъ, получившій отъ буржуазной прессы гром-

дамъ Родбертуса и Маркса, процессъ образованія общественнаго капитала вполне выясненъ.

Капиталъ, какъ чисто экономическая категория, рассматриваемая независимо отъ данныхъ юридическихъ формъ распредѣленія его, есть запасъ такихъ хозяйственныхъ цѣнностей, которыя служатъ, какъ *техническое средство*, для созданія новыхъ цѣнностей; въ этомъ смыслѣ капиталы составляютъ лишь *орудія производства и сырые матеріалы*. Этотъ капиталъ представляетъ столь же необходимый факторъ производства, какъ природа и трудъ. Капиталъ въ *историко-юридическомъ* смыслѣ, въ смыслѣ *капиталовладѣнія*, есть та часть частнаго имущества лица, которая служитъ ему средствомъ пріобрѣтенія дохода въ формѣ земельной ренты, промышленной прибыли, процента. Существованіе этихъ доходовъ и способы ихъ пріобрѣтенія обусловливаются законодательствомъ. Съ развитіемъ культуры юридическія отношенія непрерывно измѣняются; измѣняется

кѣй титулъ «Царя въ соціальной области», повторилъ, въ своемъ «катехизисѣ для рабочихъ», «открытие» Сеньора, Лассаль слѣдующимъ нагляднымъ образомъ разъяснилъ достоинство возрѣній по основному экономическому вопросу «Царя въ соціальной области», взявшаго на себя высокую и трудную задачу поучать народъ: — «Посмотрите вокругъ себя, г. Шульце, какіе продукты могутъ быть потреблены и, стало быть, не могутъ сберегаться?—Хлѣбъ, мясо и т. п. предметы потребленія. И эти предметы не только могутъ потребляться, но и должны въ болѣе или менѣе краткій срокъ потребляться человѣческимъ обществомъ, потому что, болѣею частью, не выдерживаетъ долгаго храненія, то-есть сбереженія. Теперь взгляните на другой родъ продуктовъ, изъ которыхъ состоитъ главный капиталъ современнаго общества, т. е. на паровыя машины, на улучшенія почвы, на постройки, сырые матеріалы всякаго рода добытые трудомъ, каковы: желѣзо въ полосахъ, мѣдь въ слиткахъ, кирпичи, каменные плиты и т. п. Какъ вы думаете, можно «потреблять» и,

и область предметовъ, могущихъ быть объектами частной собственности капитала. И, говоря вообще, мысль Лас-сая, что культурно-историческое развитіе права состоитъ въ постепенно большемъ *ограниченіи объектов* частной собственности, совершенно вѣрна. При рабской организаціи труда, въ число объектовъ частной собственности входилъ и человекъ. Рабство смягчается въ крѣпостничество—право собственности на жизнь человека умалется въ право собственности на его рабочую силу. Крѣпостничество, далѣе, умалется въ ленную зависимость въ разныхъ степеняхъ; здѣсь право собственности на всю рабочую силу другого нисходитъ къ праву ограниченнаго пользованія ею. Въ наше время, личность человека и его рабочая сила признаны свободными, но орудія труда составляютъ объектъ частной собственности. *Въ этомъ и заключается корень всего социальнаго вопроса.* Какъ рабовладѣлецъ и феодалъ накопляли имущество трудомъ своихъ подданныхъ, точно также совре-

стало быть, «не сберегать» всѣ эти продукты, разъ что они произведены? Надѣюсь, вы сообразите, что непотребленіе предписывается, въ этомъ случаѣ, самою сущностью предметовъ. Вы ставите капиталистамъ въ заслугу, что они не съѣли этихъ паровыхъ машинъ, улучшеній почвы, кирпичей, слитковъ мѣди, полосъ желѣза, каменныхъ плитъ; вы прославляете ихъ за это воздержаніе... Вы воображаете, что владѣльцы могли продать всѣ эти вещи и прокутить выручку. Положимъ такъ, г. Шульце, но что изъ этого? какое вліяніе имѣло бы это на общественное образованіе капитала? Эти капиталы, эти паровыя машины и улучшенія почвы, эти кирпичи и слитки мѣди стали бы принадлежать Петру вмѣсто Ивана, что для общества, для націи, для существованія общественнаго капитала было бы рѣшительно все равно. Опять спрашиваю васъ, что вы пишете г. Шульце?:— національно-экономическія лекціи, «курсъ политической экономіи», какъ вы утверждаете, или курсъ частнаго хозяйства, спекуляцію подъ заглавіемъ «Искусство разбогатѣть»? (Capital u. Arbeit 1864, S. 86).

менный капиталистъ накопляетъ капиталъ изъ труда наемныхъ рабочихъ *). Корифей экономической науки, уяснившіе вполне теорію цѣнности Рикардо и не жертвующіе истиною постороннимъ соображеніямъ, давно сдѣлали изъ нея этотъ выводъ *); но за Родбертусомъ и Марксомъ остается заслуга подробнаго изслѣдованія процесса образованія капитала и указанія всѣхъ важныхъ социальныхъ слѣдствій его.

Что, при рабской и крѣпостнической формѣ труда, «накопленный трудъ» поступаетъ въ собственность того, кто

*) Накопленіе частнаго капитала, путемъ собственнаго труда, а не черезъ наемъ рабочихъ, играетъ самую ничтожную роль въ жизни, какъ въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, взглянувъ внимательно на окружающее. Можетъ ли накопить сколько нибудь значительный капиталъ крестьянинъ, обрабатывающій руками своими и своего семейства принадлежащій ему участокъ?—ремесленникъ, который съ развитіемъ мануфактуръ и машиннаго производства не можетъ даже поддерживать самостоятельнымъ трудомъ своего существованія и постепенно исчезаетъ? Даже, если взять наиболѣе хорошо оплачиваемые идеологическіе классы:—высшихъ чиновниковъ, высшее духовенство, адвокатовъ, медиковъ, литераторовъ, артистовъ, то многія ли лица этихъ классовъ могутъ накопить капиталъ изъ получаемаго ими жалованья и гонорара; и если нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе хорошо оплачиваемые, могутъ дѣлать сбереженія, то какую ничтожную долю составляютъ эти сбереженія сравнительно съ капиталомъ, накапливаемымъ промышленнымъ путемъ.

**) Если смотрѣть только на внѣшнюю поверхность экономического механизма общества, говоритъ Милль, можетъ представиться, будто прибыль коммерческаго дѣла зависитъ отъ цѣны. Производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль, повидимому, тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ ему, и можно подумать, будто прибыль—результатъ покупки и продажи... Истинная причина прибыли та, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль потому, что люди могутъ производить пищи больше, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе въ то время, пока растетъ пища и пока они заняты

не работаль, это очевидно для всякаго. При вольнонаемномъ трудѣ этотъ фактъ затемняется внѣшними формами «свободнаго договора» между представителемъ рабочей силы и представителемъ орудій труда. Но для раскрытія его существованія нѣтъ даже надобности входить въ подробный анализъ производства; достаточно указать на то, что еслибы предприниматели уплачивали рабочимъ за все количество исполненнаго послѣдними труда, то они не получили бы никакой прибыли на капиталъ, и, слѣдовательно, покупка

устройствомъ орудій и исполненіемъ всѣхъ другихъ нужныхъ приготовленій. Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возьмется кормить работниковъ на условіи получить продуктъ, то, кромѣ возвращенія своей затраты, онъ получитъ еще нѣсколько лишняго. Иными словами теорема эта выразится такъ: капиталъ даетъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія существуютъ больше времени, нежели какое нужно было для производства ихъ, такъ что если капиталистъ снабжаетъ партію работниковъ этими вещами съ условіемъ получить все, что они производятъ, то они, за воспроизведеніемъ потребленныхъ ими предметовъ необходимости и орудій, будутъ имѣть въ остаткѣ часть своего времени для работы въ выгоду капиталиста. Прибыль возникаетъ, какъ мы видѣли, не отъ посторонняго обстоятельства, не отъ обмѣна, а отъ производительной силы труда и общая прибыль страны всегда бываетъ соразмѣрна производительной силѣ труда, все равно хотя бы и не происходило никакого обмѣна... Еслибы не было раздѣленія занятій, то не было бы ни покупки, ни продажи, но прибыль всетаки была бы. Если работники страны всѣ вмѣстѣ производятъ на 20% больше своей рабочей платы, то прибыль будетъ 20%, каковы бы ни были цѣны. Случайная величина цѣны можетъ на время давать одному разряду производителей больше 20% выгоды, а другому меньше, когда одинъ товаръ ставится выше своей натуральной цѣнности относительно другихъ товаровъ, а другой ниже, и это будетъ продолжаться, пока цѣны снова уравниваются; но, въ общей сложности, производители будутъ непремѣнно получать по 20% (Основ. Пол. Эк., т. 1, гл. XV).

рабочей силы не имѣла бы для капиталистовъ никакого смысла. Покупка рабочей силы получаетъ смыслъ потому, что хозяева промышленныхъ предпріятій уплачиваютъ работникамъ лишь часть труда, остальная же часть поступаетъ въ ихъ пользу.

Были попытки оправдать присвоеніе предпринимателями неоплачиваемаго труда тѣмъ, что доходъ предпринимателей есть вознагражденіе за трудъ веденія ими дѣла. Но, извѣстно, что вознагражденіе за веденіе дѣла составляетъ лишь часть предпринимательскаго дохода. Многія землевладѣльцы, фабриканты, купцы поручаютъ веденіе своихъ дѣлъ управляющимъ, директорамъ, прикащикамъ, и какою часто ничтожную долю составляетъ уплачиваемое ими вознагражденіе за веденіе дѣла сравнительно съ получаемыми ими барышами. Отдѣленіе веденія дѣла отъ предпринимателя иногда оказывается даже необходимымъ, а именно, во всѣхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ нашего времени, желѣзныхъ дорогахъ, банкахъ и т. д. Здѣсь капиталистъ или предприниматель лицо коллективное, состоящее изъ множества физическихъ лицъ, которыя не могутъ сами вести дѣло, а потому оно поручается директору на жалованьи. И въ то же время, за вычетомъ этого жалованья, какой значительный дивидендъ остается акціонерамъ, не принимающимъ никакого участія въ веденіи дѣла!

Профессоръ А. Вагнеръ видитъ оправданіе прибыли и процента въ хозяйственной полезности частнаго капитала. «Если можно доказать, говоритъ онъ, что капиталъ можетъ быть правильно образуемъ и употребляемъ *только* въ формѣ частнаго капитала или даже, что такая форма его образованія и употребленія есть *наилучшая*, тогда отдача части національнаго дохода, въ формѣ прибыли, частнымъ капиталистамъ не представляетъ, даже съ точки зрѣнія интере-

совъ рабочихъ, *никакого вреда* и вполне оправдывается съ народно-хозяйственной точки зрѣнія» *). Это *исключительно утилитарное* оправданіе прибыли напомнило намъ примѣръ, приведенный Прудономъ въ спорѣ съ Бастіа: — «Капиталистъ падаетъ въ рѣку, мимо идетъ работникъ».

Капиталистъ. Спаси меня, или я погибну.

Работникъ. Изволь, только я требую за это милліонъ.

Капиталистъ. Милліонъ за то, чтобы протянуть руку погибающему брату! Что тебѣ стоитъ часъ времени, я тебѣ заплачу за него.

Работникъ. Отвѣчай мнѣ: окажу я тебѣ услугу или нѣтъ, если вытащу тебя? Ну, а всякая услуга развѣ не должна быть вознаграждена? развѣ я не свободенъ оказать и не оказать тебѣ ее?

Капиталистъ. Да.

Работникъ. Тогда я требую милліонъ, это моя послѣдняя цѣна. Я никого не принуждаю.

Капиталистъ. Но ты злоупотребляешь моимъ положеніемъ: я взываю къ религін, нравственности, человѣчности...

Работникъ. Кончимъ на этомъ—мнѣ нѣкогда. Выбери одно изъ двухъ:—жить пролетаріемъ или умереть капиталистомъ.

Полезность, въ данное время, въ данной отрасли промышленности, частной формы капитала и *справедливость* прибыли, когда размѣръ ея устанавливается единственно свободною конкуренціею, представляютъ два совершенно различные вопроса. Если, при извѣстныхъ условіяхъ, веденіе

*) Lehrb. d. polit. Oecon. Erst. B. 1876 s. 515.—Считаемъ нужнымъ замѣтить, что приведенное нами мнѣніе почтеннаго профессора стоитъ въ противорѣчій съ направленіемъ его ученыхъ работъ въ цѣломъ, стремящихся положить этическія основанія распредѣленію имущества и доходовъ.

предпріятій частными капиталами выгоднѣе, собственники этихъ капиталовъ могутъ разсматриваться какъ исполнители части народно-хозяйственной организаціи, какъ общественные агенты, и только; вознагражденіе же ихъ за эту дѣятельность, чтобы получить *этическій* характеръ, должно быть обосновано на принципѣ *труда, заслуги*, а не опредѣляться единственно утилитарными соображеніями или механическимъ закономъ конкуренціи. Все болѣе распространяется сознаніе, что *справедливымъ* распределеніемъ продуктовъ можетъ считаться лишь такое, которое поконится на трудѣ; и стремленіе къ этому идеалу справедливаго распределенія не успокоится до тѣхъ поръ, пока онъ не осуществится во всей своей полнотѣ.

Система свободной конкуренціи не только чужда обоснованію распределенія на трудѣ, но и препятствуетъ даже приближенію къ этому идеалу. Какъ бы ни были громадны рентные доходы, получаемые не отъ труда, а лишь въ силу факта владѣнія землею и капиталомъ, какъ бы ни была скудна доля труда въ распределеніи, опредѣляемая quasi «свободнымъ договоромъ» между капиталомъ и трудомъ, система свободной конкуренціи не допускаетъ ни малѣйшаго ихъ регулированія. Результатомъ господства этой системы и является тотъ фактъ, что на распределеніи лежитъ до сихъ поръ печать рабства. Общимъ правиломъ можно принять, что распределеніе между общественными классами обратно пропорціонально количеству, тяжести и непріятности труда. Классъ общества, исполняющій физическій трудъ, который, вслѣдствіе его чрезмѣрности, дурной обстановки, представляется самымъ тяжелымъ и непріятнымъ, этотъ классъ и вознаграждается всего скуднѣе. А каковъ абсолютный средній размѣръ вознагражденія рабочаго, это мы сейчасъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

По учению Рикардо, въ системѣ свободной конкуренціи средній размѣръ рабочей платы опредѣляется стоимостью производства труда. Подъ стоимостью производства труда онъ понимаетъ минимумъ средствъ, требуемыхъ привычками народа для поддержанія жизни и размноженія. Рабочая плата, говоритъ Рикардо, не можетъ на долго подняться выше этого средняго уровня, ибо улучшившееся положеніе рабочихъ увеличиваетъ число браковъ между ними и тѣмъ усиливаетъ размноженіе, а слѣдовательно и предложеніе труда, отчего рабочая плата низводится къ прежнему уровню. Она не можетъ также надолго упасть ниже средняго размѣра, ибо тогда, вслѣдствіе увеличенія болѣзней и смертности среди рабочихъ классовъ, уменьшится предложеніе труда и рабочая плата подыметъ до уровня средствъ, необходимыхъ для существованія. Этотъ законъ рабочей платы былъ признанъ почти всѣми экономистами, и потому Лассаль, въ своей полемикѣ съ Максъ-Виртомъ, на возраженіе послѣдняго, «что этотъ законъ есть гнилая выдумка Рикардо», имѣлъ полное право сказать, что можетъ привести за него столько авторитетовъ, сколько есть въ національно-экономической наукѣ великихъ и знаменитыхъ именъ, притомъ изъ либеральной же школы.

Въ этой теоріи рабочей платы заключаются два положенія: первое говоритъ о средней нормѣ рабочей платы, второе—о причинахъ, создающихъ эту среднюю норму. Первое положеніе есть логическій результатъ второго; поэтому спрашивается:—доказано ли второе положеніе?

Теорія заработной платы Рикардо служитъ лучшимъ образчикомъ недостаточнаго пользованія экономистами данными опыта. Убѣжденные въ непреложности Мальтусова закона о народонаселеніи, экономисты считали лишнимъ провѣрить наблюденіями положеніе Рикардо, будто съ увеличеніемъ

рабочей платы населеніе будетъ возрастать до тѣхъ поръ, пока умножившееся предложеніе труда не низведетъ рабочую плату къ минимуму средствъ существованія. Правда, нѣкоторые экономисты ссылаются на отдѣльные факты, когда за періодами дешевизны пищи и живого запроса на трудъ слѣдовало увеличеніе количества браковъ и рожденій. Но эти ссылки, во-первыхъ, еще не указываютъ, что размноженіе населенія продолжается до тѣхъ поръ, пока рабочая плата не понизится до минимума средствъ существованія; во-вторыхъ, имѣются крупныя примѣры постоянного возвышенія рабочей платы, не только не вызывавшаго увеличеніе процента рожденій, но, напротивъ, соединеннаго съ уменьшеніемъ его. Благосостояніе французскаго народа въ девятнадцатомъ столѣтіи, благодаря аграрнымъ мѣрамъ первой революціи, значительно выше, нежели оно было въ XVIII ст., между тѣмъ процентъ рожденій во Франціи, въ теченіе всего XIX ст., понижается съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Въ Англіи, за послѣднія тридцать лѣтъ, рождаемость возрасла съ 3,26‰ на 3,54‰, и, несмотря на то, рабочая плата въ отрасляхъ промышленности, обнятыхъ рабочими союзами, постоянно возрастала и превышаетъ въ настоящее время на 20‰ размѣръ рабочей платы сороковыхъ годовъ. Рабочіе союзы, парализуя многія невыгодныя условія продажи рабочей силы неорганизованными работниками, заставили покупателейъ платить за нее дороже.

Теорія Рикардо о заработной платѣ есть логическій выводъ изъ ученія Мальтуса. А такъ какъ послѣднее ученіе получило въ политической экономіи значеніе краеугольнаго камня, то понятно, что и теорія Рикардо, безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, была признана большинствомъ экономистовъ.

Другое дѣло—признаніе ея Лассалемъ. Удивительно, какъ

могъ Лассаль, признавая эту теорію, надѣяться, въ то же время, улучшить судьбу рабочихъ классовъ путемъ устройства въ обширныхъ размѣрахъ ассоціацій. Удивительно, какъ не замѣтилъ онъ, что признаніе ея въ корнѣ подрываетъ его реформаторскіе планы.* Если размноженіе рабочихъ задерживается лишь недостаткомъ средствъ существованія, если съ возвышеніемъ рабочей платы неминуемо сопряжено увеличеніе числа браковъ, рожденій, населенія, оставивающагося въ своемъ прогрессивномъ движеніи лишь низведеніемъ рабочей платы къ минимуму средствъ существованія, то какія же надежды могъ возлагать Лассаль на ассоціаціи? Увеличившіеся чрезъ ассоціаціи доходы работниковъ были бы въ скоромъ времени, вслѣдствіе размноженія, снова приведены къ минимуму средствъ существованія; а потому Лассаль, предлагая учрежденіе ассоціацій, какъ средство къ поднятію благосостоянія работниковъ, долженъ былъ бы, какъ это дѣлаетъ всякій послѣдовательный мальтузіанецъ, оговорить, что средство это окажется дѣйствительнымъ лишь въ томъ случаѣ, если измѣнятся привычки работниковъ относительно размноженія. Между тѣмъ, онъ обошелъ молчаніемъ этотъ вопросъ, составляющій ахиллесову пяту его экономическихъ воззрѣній.

«Желѣзный» законъ рабочей платы въ томъ смыслѣ, что средній размѣръ ея, при свободной конкуренціи и разединенности работниковъ, всегда стоитъ *близко* къ минимуму средствъ жизни, дѣйствительно существуетъ *); но

*) Подъ минимумомъ средствъ существованія разумѣютъ такой размѣръ средствъ, при которомъ насущныя потребности питанія, жилища, одежды, отопленія удовлетворяются столь скуднымъ образомъ, что малѣйшее пониженіе размѣра средствъ ведетъ за собою болѣзни и смертность отъ голода. Вслѣдствіе историческихъ и климатическихъ причинъ, приспособленность организма разныхъ народовъ къ услови-

условія, порождающія его, не тѣ, какія указаны Рикардо. Причины, устанавливающія этотъ законъ, коренятся въ указанныхъ нами выше особенныхъ свойствахъ труда, какъ товара. Эти особенныя свойства не есть неизбѣжная принадлежность организаціи хозяйства, покоящейся на наемномъ трудѣ. Онѣ выступаютъ лишь при свободной конкуренціи, при конкуренціи рабочихъ между собою, и исчезаютъ или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабляются съ соединеніемъ работниковъ въ союзы, съ организаціею рабочаго класса. Англійскіе trade-unions показали, что работники могутъ регулировать условія продажи рабочей силы и тѣмъ устранить невыгодное свойство труда, какъ товара: — продаваться на всякихъ условіяхъ. Но пока работники разединены, пока каждый дѣйствуетъ самъ за себя и конкурируетъ съ своими братьями, до тѣхъ поръ борьба съ капиталомъ, самостоятельное значеніе труда при заключеніи договоровъ невозможны и желѣзный законъ рабочей платы находитъ свое полное примѣненіе.

Статистическія изслѣдованія показываютъ, что средній размѣръ жизненныхъ средствъ рабочихъ классовъ таковъ, что смертность этихъ классовъ значительно превышаетъ смертность зажиточныхъ, а медицинскія изслѣдованія свидѣтельствуютъ, что главнѣйшею причиною тифозныхъ болѣзней въ рабочемъ классѣ является недостатокъ питанія.

Въ «Сравнительной статистикѣ» профессора Янсона собраны спеціальныя изслѣдованія, которыя, въ послѣднее время, были предприняты въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ

ямъ питанія, жилища и прочей житейской обстановкѣ не одинакова. Средній русскій работникъ не вынесетъ условій жизни самоѣда; средній англійскій работникъ заболѣетъ отъ пищи русскаго крестьянина. Поэтому размѣръ минимума средствъ существованія иной въ Россіи, чѣмъ въ Германіи, въ Германіи иной, чѣмъ въ Англии и Франціи.

городахъ для опредѣленія смертности въ разныхъ слояхъ населенія, взятыхъ по отношенію къ ихъ матеріальной обезпеченности. Такъ, на примѣръ, изслѣдованія директора пенскаго статистическаго бюро, принявшаго за признакъ матеріальной обезпеченности скученность населенія, выраженную отношеніемъ числа жителей къ числу комнатъ, дали слѣдующіе результаты:

	Средній возрастъ умершихъ, считая дѣтей до 5 лѣтъ.	не считая дѣтей до 5 лѣтъ.
1-й классъ, богатое населеніе . . .	38,81	50,86
2-й » среднее состояніе . . .	23,50	44,66
3-й » бѣдное населеніе . . .	14,41	41,31
4-й » нуждающееся нас. . .	10,12	40,22

Подобные же результаты въ иной формѣ даетъ статистика нѣкоторыхъ городовъ Германіи. На примѣръ, лейпцигское городское статистическое бюро опредѣлило общую смертность по улицамъ, въ которыхъ приходится: 1) не болѣе двухъ человѣкъ на одну отапливаемую комнату, 2) отъ двухъ до трехъ и 3) болѣе трехъ человѣкъ:

У м е р л о .	На 1,000 жив. всѣхъ возрастовъ.		На 1,000 дѣтей 0—1 года.	
	1871	1872	1871	1872
Въ улицахъ 1-й группы . . .	23	18	362	268
» » 2-й » . . .	33	22	435	333
» » 3-й » . . .	49	30	691	500

Слѣдовательно, смертность бѣднѣйшаго населенія была въ 1871 году (оспенная эпидемія) болѣе, чѣмъ вдвое сильнѣе смертности богатаго; въ 1872—на 66%; а смертность дѣтей была между бѣдными сильнѣе, чѣмъ между богатыми въ 1871 году на 91%, въ 1872 г. на 90%.

Въ статистикѣ Брауншвейга улицы сгруппированы по среднему доходу на одного жителя, при чемъ цифра доходовъ взята изъ податныхъ списковъ, и смертность вычислена по улицамъ. Данныя обнимаютъ время съ 1864 по 1873 годъ. На основаніи ихъ—умирало на 100 живущихъ:

Улицы съ среднимъ доходомъ болѣе 250 тал.	—15,2 ч.	=100
» » » » 200—250 »	—19,1 »	=130
» » » » 150—200 »	—19,1 »	=130
» » » » 100—150 »	—22,5 »	=150
» » » » 75—100 »	—26,8 »	=179
» » » » менѣе 75 »	—34,7 »	=237

Смертность Вѣны по частямъ города:

	На 1,000 живущихъ.	
	1874 г.	1875 г.
I кл.	13,8 чел.	14,3 чел.
II »	25,5 »	33,2 »
III »	24,8 »	26,3 »
IV »	22,9 »	21,4 »
V »	26,8 »	30,4 »
VI »	20,8 »	22,4 »
VII »	19,7 »	21,8 »
VIII »	20,6 »	22,5 »
IX »	29,3 »	30,1 »
X »	61,2 »	43,0 »

Самая слабая смертность въ I округѣ, населенномъ зажиточными классами; округи II, III, IV и VIII населены людьми средняго состоянія; въ VI и VII помѣщаются фабрики и заводы, рабочіе на которыхъ не живутъ однако въ этихъ округахъ; V и IX населены, по преимуществу, ре-

месленниками, наконецъ X округъ, вновь присоединенный къ городу, весь наполненъ рабочимъ населеніемъ; въ немъ смертность въ благопріятный годъ въ три раза, а въ неблагопріятный — въ пять разъ сильнѣе, чѣмъ въ богатомъ первомъ округѣ.

Но еще болѣе поразительно различіе смертности между богатымъ и бѣднымъ населеніемъ, происходящее отъ заразныхъ болѣзней.

Въ Брауншвейгѣ умирало сравнительно съ богатымъ населеніемъ:

Улицы съ среднимъ доходомъ на 1-го жителя.

	болѣе 250 т.	200—250	150—200	100—150	75—100	менѣе 75 т.
Отъ оспы. . .	100	166	400	766	933	1,700
» чохотки	100	146	157	200	226	226
» холеры.	100	100	466	466	1,000	1,766

Въ книгѣ Маркса «Капиталъ» собранъ богатый матеріалъ о питаніи и жилищахъ англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ и рабочихъ промышленныхъ отраслей, неохваченныхъ еще рабочими союзами. Приведемъ нѣсколько данныхъ изъ этого матеріала. Въ 1863 г., Dr. Smith, по порученію Privy Council, сдѣлалъ изслѣдованіе матеріальнаго положенія земледѣльческихъ работниковъ и нѣкоторыхъ категорій городскихъ рабочихъ, а именно: ткачей шелковыхъ издѣлій, швей, перчаточниковъ, сапожниковъ. При изслѣдованіи было принято за правило выбирать изъ каждой категоріи самыя здоровыя и относительно лучше обставленныя семейства. Общій результатъ былъ тотъ, что «только въ *одномъ* изъ изслѣдованныхъ классовъ городскихъ работниковъ количество принимаемаго организмомъ азота немного превышало тотъ

minimum, ниже котораго являются болѣзни отъ голода; что въ *двухъ* классахъ былъ недостатокъ, и въ одномъ даже *громидный* недостатокъ пищи, какъ азотистой, такъ и углеродистой; что изъ изслѣдованныхъ земледѣльческихъ семействъ болѣе одной пятой получаютъ менѣе углеродистой пищи, чѣмъ необходимо, и болѣе одной трети семействъ получаютъ менѣе азотистой пищи, чѣмъ необходимо. Между сельскими рабочими недостаточное питаніе приходится, большею частью, на долю женщинъ и дѣтей, потому что мужчины должны ѣсть, чтобы работать». Между другими категоріями городскихъ работниковъ свирѣпствовала еще большая нужда. «Они питаются такъ плохо, что, во многихъ случаяхъ, должны происходить жестокия и вредныя для здоровья лишенія». Президентъ Лондонскаго медицинскаго бюро, Dr. Simon, въ своемъ общемъ санитарномъ отчетѣ, относительно этихъ условій питанія, говоритъ слѣдующее: «Каждый, знакомый съ медицинской практикой среди бѣдныхъ, подтвердитъ, что случаи, гдѣ недостатокъ питанія производитъ болѣзнь или отягчаетъ ее, безчисленны. Но съ санитарной точки зрѣнія сюда присоединяются еще и другія важныя условія.... Надо припомнить, что лишеніе питательныхъ средствъ крайне трудно выносятся, и что, обыкновенно, скудость діеты слѣдуетъ только за другими лишеніями. Задолго до того, когда недостатокъ пищи, съ гигиенической точки зрѣнія, оказывается ощутительнымъ, задолго до того, когда фізіологъ начинаетъ считать грани углерода и азота, которые рѣшаютъ вопросъ о жизни и голодной смерти, домашнее хозяйство лишается всѣхъ матеріальныхъ удобствъ. Отопленіе и одѣяніе, въ такихъ случаяхъ, еще болѣе скудны, чѣмъ пища. Нѣтъ достаточной защиты отъ суровости погоды; жилое пространство урѣзывается до той степени, что зарождаются и усиливаются болѣзни; отъ домашней утвари или

мебели остаются только жалкіе слѣды; сама опрятность и чистота сдѣлались дорогими или трудно достигаемыми. Если изъ чувства самоуваженія и дѣлаются еще попытки поддержать все это, то каждая подобная попытка усиливаетъ только страданія отъ голода. Квартира панимается только тамъ, гдѣ всего дешевле можно пріобрѣсти кровь; въ такихъ кварталахъ санитарная полиція бесполезна; тамъ скопляется большая часть общественныхъ нечистотъ, водоснабженіе плохое или ничтожное, а въ городахъ, сверхъ того, сильный недостатокъ свѣта и воздуха. Вотъ опасности для здоровья, которымъ неизбѣжно подвергается бѣдность, если эта бѣдность дошла уже до недостатка въ пищѣ. Если сумма всехъ этихъ золъ имѣетъ большую опасность для жизни, то и простой недостатокъ пищи самъ по себѣ ужасенъ. Таковы печальныя мысли, внушаемая бѣдностью, особенно если прибавить къ этому, что бѣдность, о которой идетъ здѣсь рѣчь, происходитъ не отъ праздности. Это—бѣдность работниковъ. Да, что касается до городскихъ работниковъ, то трудъ, которымъ покупается ихъ скудная пища, большею частью удлиненъ выше всякой мѣры. И тѣмъ не менѣе, можно только въ очень ограниченномъ смыслѣ сказать, что этотъ трудъ поддерживаетъ рабочаго... По большей части эта номинальная поддержка можетъ только служить болѣе или менѣе длиннымъ путемъ къ пауперизму».

Въ 1863 году было предпринято официальное изслѣдованіе о состояніи продовольствія преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ или къ каторжной работѣ. Результаты этихъ изслѣдованій помѣщены въ Синихъ книгахъ; «тщательныя сличенія», говорится тамъ, между прочимъ, «пищи преступниковъ въ англійскихъ тюрьмахъ съ пищею бѣдныхъ въ рабочихъ домахъ и пищею свободныхъ сельскихъ

работниковъ, неоспоримо доказываютъ, что первые питаются несравненно лучше двухъ остальныхъ классовъ», между тѣмъ какъ «количество труда, требуемое отъ каторжнаго, составляетъ приблизительно половину того, что совершаетъ обыкновенный сельскій рабочій».

Внутреннюю связь между дурнымъ питаніемъ работниковъ и капиталистическимъ накопленіемъ, говоритъ Марксъ, видитъ только тотъ, кому извѣстны экономическіе законы. Другое дѣло относительно *положенія жилищъ*. Всякій безпристрастный наблюдатель видитъ, что чѣмъ больше сосредоточиваются средства производства, тѣмъ сильнѣе скучиваются рабочіе на *маломъ пространствѣ*, и что поэтому, чѣмъ быстрѣе капиталистическое накопленіе (при свободной конкуренціи, замѣтимъ мы съ своей стороны), тѣмъ хуже ихъ жильѣ. Всякій видитъ, что происходящее вмѣстѣ съ возрастаніемъ богатствъ улучшеніе городовъ, посредствомъ ломки плохо построенныхъ частей города, сооруженія дворцовъ для банковъ, торговыхъ домовъ и т. п., расширенія улицъ для дѣловой ѣзды и роскошныхъ экипажей, введенія городскихъ желѣзныхъ дорогъ и т. д., что все это соединено съ вытѣсненіемъ бѣдныхъ въ болѣе скверныя и тѣснѣ населенныя убѣжища... Антагонистическій характеръ капиталистическаго накопленія, а слѣдовательно и капиталистическихъ условій собственности вообще, здѣсь до такой степени осязателенъ, что даже англійскіе официальные отчеты объ этомъ предметѣ полны еретическихъ нападокъ на «собственность и ея права». Зло дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи съ развитіемъ промышленности, накопленіемъ капитала, возростаніемъ и «украшеніемъ» городовъ, что простая боязнь заразительныхъ болѣзней, не щадящихъ и зажиточные классы, заставила издать, съ 1847 по 1864 г., не менѣе 10-ти санитарно-полицейскихъ парламентскихъ ак-

товъ; и буржуазія, изъ чувства самосохраненія, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, какъ въ Ливерпулѣ, Глазго и др., рѣшилась даже сама вмѣшаться въ это дѣло посредствомъ своихъ муниципалитетовъ. И несмотря на то, Dr. Simon въ своемъ отчетѣ за 1865 г. восклицаетъ: «Говоря вообще, въ Англии это зло безконтрольно». По приказанію Privy Council, въ 1865 году было произведено Dr. Hunter'омъ изслѣдованіе жилищъ бѣднѣйшихъ классовъ въ городахъ, результаты котораго помѣщены въ седьмомъ и восьмомъ отчетахъ о «Public Health». Dr. Simon предпосылаетъ этому изслѣдованію слѣдующія общія замѣчанія: «Хотя моя официальная задача состоитъ исключительно въ разсмотрѣніи этого зла съ физической точки зрѣнія, но простая гуманность не позволяетъ игнорировать мнѣ и другія стороны его. Дойдя до высокой степени, оно влечетъ за собою почти неизбежно такое отрицаніе всякихъ приличій, такую нечистоплотность и такой безпорядокъ тѣлесныхъ отправленій, такую половую наготу, какія можно признать скорѣе за скотскія, чѣмъ за человѣческія. Подвергаться этимъ вліяніямъ равносильно униженію, притомъ тѣмъ большому, чѣмъ дальше оно продолжается. Для дѣтей, родившихся подъ этимъ *проклятіемъ*, это — «крещеніе въ безчестіе» (*baptism in to infamy*). И совершенно безнадежно желаніе, чтобы личность, поставленная въ такія условія, стремилась въ другихъ отношеніяхъ въ ту атмосферу цивилизаціи, сущность которой состоитъ въ физической и моральной чистотѣ» *).

* Таковы жилищныя условія англійскихъ городскихъ рабочихъ. Между тѣмъ гигиеническія условія городовъ Великобританіи считаются лучшими сравнительно съ городами континентальныхъ государствъ. Въ то же время, число городовъ и населеніе въ нихъ повсюду возрастаетъ непрерывно. Насколько съ введеніемъ парового двигателя и постояннымъ ростомъ концентраціи производства измѣ-

Ducretiaux, бывший генеральный инспекторъ бельгійскихъ тюремъ, говоритъ въ своемъ «Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique»: — «каждое рабочее семейство, среднимъ числомъ, имѣетъ четверыхъ дѣтей, слѣдовательно, съ отцомъ и матерью оно состоитъ изъ 6-ти лицъ. Изъ этихъ 6-ти лицъ работать могутъ четверо, если только не случится болѣзнь и т. п. При этихъ условіяхъ maximum дохода семейства составитъ 1068 франковъ. Еслибы рабочей получалъ пищу:

— Матросовъ, то годовыя издержки семьи увеличились бы до 1828 фр., что составило бы 760 фр. дефицита.

— Солдатъ, то годовыя издержки семьи увеличились бы до 1473 фр., что составило бы 405 фр. дефицита.

— Заключенныхъ, то годовыя издержки семьи увеличились бы до 1112 фр., что составило бы 44 фр. дефицита.

«Въ приведенномъ образцовомъ семействѣ мы соединили всевозможные источники дохода. Но, давая рабочую плату матери семейства, мы этимъ самымъ лишаемъ домъ хозяйки. Кто будетъ смотрѣть за порядкомъ дома, готовить пищу, чинить бѣлье и платье, стирать и т. п.? Какъ же поступаетъ большинство работниковъ, которые покупаютъ товаръ не оптомъ, какъ въ тюрьмахъ, а по мелочи, какъ они устраиваютъ свою жизнь? Этому они достигаютъ тѣмъ, что прибѣгаютъ къ средствамъ, составляющимъ тайну од-

нились жилищныя отношенія въ Англій видно изъ того, что, въ началѣ XIX ст., въ этой странѣ не было ни одного города, кромѣ Лондона, въ которомъ числилось бы болѣе 100,000 жителей и только 5 городовъ насчитывали болѣе 50,000 жит. Теперь одинъ Лондонъ съ промышленными пригородами имѣетъ около 5,000,000 жит. и болѣе 28 городовъ имѣютъ болѣе 50,000 жит.—Въ третьей четверти прошлаго столѣтія сельское населеніе Англій составляло 76%, а теперь—13%.

нихъ рабочихъ: тѣмъ, что урѣзываютъ свою ежедневную порцію, мало и вовсе не употребляютъ мяса, такъ же какъ масла и зелени; тѣмъ, что помѣщаютъ все семейство въ одной или двухъ комнатахъ, гдѣ дѣвушки и молодые люди спятъ вмѣстѣ, часто на одномъ и томъ же мѣшигѣ соломы; тѣмъ, что экономятъ на платьѣ, на бѣльѣ, отказываютъ себѣ въ опрятности, въ воскресныхъ удовольствіяхъ и т. п. Когда они дошли до этихъ предѣловъ, то достаточно малѣйшаго повышенія жизненныхъ средствъ и т. п., чтобы сразу бросить ихъ въ ряды нищихъ!.... «Во всей Бельгій считалось 930.000 семействъ, изъ нихъ, по официальной статистикѣ, 90.000 богатыхъ (избирателей) состоитъ изъ 450.000 лицъ; 190.000 семействъ мелкаго средняго класса, въ городахъ и деревняхъ, значительная часть которыхъ постоянно переходитъ въ пролетаріевъ, всего 1.950.000 лицъ. Наконецъ, 450.000 рабочихъ семействъ, всего 2.500.000 лицъ, изъ которыхъ *образцовыя семейства* вкушаютъ вышеописанное довольство. Изъ 450.000 рабочихъ семействъ *больше 200.000 находятся въ спискѣ бѣдныхъ.*

Масса накопленныхъ, въ настоящее время, статистическихъ изслѣдованій раскрыли обществу бѣдственные условія жизни рабочихъ классовъ. И что особенно обращаетъ на себя вниманіе въ этихъ изслѣдованіяхъ, это, — что *безпри-
мѣрное въ исторіи возрастаніе въ XIX столѣтіи на-
ціональнаго богатства идетъ всецѣло въ пользу имущихъ
классовъ и не оказываетъ никакого или самое ничтожное
вліяніе на улучшение судьбы рабочихъ классовъ.*

Безпристрастные и понимающіе экономическіе законы ученые достаточно разъяснили, что неблагоприятные результаты распредѣленія есть неизбѣжное слѣдствіе экономическаго порядка, основаннаго на свободной конкуренціи. Но ман-

честерская школа остается слѣпа къ новымъ научнымъ изслѣдованіямъ въ экономической области и не перестаетъ повторять зады о благодѣтельности принципа свободной конкуренціи. Не имѣя же возможности, въ виду официальныхъ статистическихъ данныхъ, отвергать жалкое матеріальное положеніе рабочихъ классовъ, она причиною его выставляетъ Мальтусовъ законъ народонаселенія.

Законъ о размноженіи человѣческаго рода есть дѣйствительно альфа и омега социальнаго вопроса. Только съ открытіемъ этого закона человѣчество пріобрѣтетъ возможность управлять такимъ важнымъ элементомъ социальной жизни, какъ количество народонаселенія. Для открытія же этого закона необходимо узнать физиологическія причины, обуславливающія зачатія. Пока эти причины не будутъ извѣстны, о законѣ народонаселенія можно говорить лишь въ смыслѣ эмпирическаго статистическаго факта, указывающаго средній приростъ населенія въ данное время, въ данной странѣ. И потому, нѣтъ болѣе поразительнаго заблужденія въ политической экономіи, какъ господствующая въ ней мысль, что наукѣ извѣстенъ законъ размноженія человѣческаго рода. Это заблужденіе коренится въ апіористической посылкѣ, которую мы выскажемъ словами одного изъ первоклассныхъ экономистовъ — мальтузіанцевъ: «Врожденная сила размноженія, говоритъ Милль, можетъ считаться безконечною въ каждомъ родѣ органическихъ существъ. Нѣтъ ни одной породы растений или животныхъ, которая, въ теченіе немногихъ лѣтъ, не покрыла бы всѣ страны земного шара, имѣющія климатъ совмѣстный съ ея существованіемъ, если бы земля была исключительно предоставлена ей и предметамъ, которыми она питается. Степень возможной быстроты размноженія у различныхъ классовъ существъ различна; но во всѣхъ она достаточна для того, чтобы очень быстро

наполнить землю. Есть въ растительномъ царствѣ много такихъ породъ, въ которыхъ одно растеніе въ годъ производитъ сѣмена тысячи растеній; если только два изъ нихъ достигнуть зрѣлости, то въ 14 лѣтъ онѣ, по этой пропорціи, размножатся слишкомъ до 16.000. Между животными очень обыкновенная такая степень плодородія, что число существъ извѣстной породы можетъ учетверяться съ каждымъ годомъ; если число только учетверяется въ теченіе полустолѣтія, то въ два столѣтія 10.000 размножатся до двухъ милліоновъ пятисотъ тысячъ слишкомъ. Способность размноженія необходимо всегда дѣйствуетъ по геометрической прогрессіи, различна бываетъ только цифра знаменателя этой прогрессіи».

«Человѣческій родъ не составляетъ исключенія относительно этого свойства органическихъ существъ. Сила его размноженія безпредѣльна, и дѣйствительно размноженіе его было бы чрезвычайно быстро, если бы эта сила дѣйствовала съ полнымъ могуществомъ. Съ полнымъ могуществомъ она не дѣйствовала никогда, но все-таки, при наиболѣе благоприятныхъ изъ извѣстныхъ намъ обстоятельствъ (эти обстоятельства—плодородная страна, колонизируемая изъ промышленнаго и цивилизованнаго общества), населеніе, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, независимо отъ прилива новыхъ переселенцевъ, продолжало удваиваться въ періоды, имѣющіе немногимъ болѣе какъ по двадцати лѣтъ *). Но способность размноженія въ человѣческомъ родѣ превосходитъ даже и эту величину; мы ясно увидимъ это, вспомнивъ, какъ велико бываетъ обыкновенное число дѣтей въ семьѣ, при хорошемъ климатѣ и обычаѣ рано вступать въ

*) Милль повторяетъ здѣсь ошибку Мальтуса. Такого періода удвоенія населенія никогда и нигдѣ не существовало.

бракъ, и какъ мала пропорція дѣтей, умирающихъ до достиженія зрѣлости, при нынѣшнемъ состояніи гигиеническихъ знаній, если климатъ здоровъ, а семья достаточно снабжена средствами жизни. Мы очень низко оцѣнимъ способность размноженія, если примемъ, что, при хорошемъ гигиеническомъ положеніи народа, каждое поколѣніе можетъ быть вдвое многочисленнѣе предшествующаго поколѣнія... Что же мѣшаетъ племени зайцевъ или кроликовъ переполнить собою землю? Не недостатокъ плодородія, а причины совершенно иного рода: множество враговъ и недостатокъ продовольствія. У нихъ мало ѣды, и сами они становятся ѣдою для другихъ. Люди вообще не подвержены второму бѣдствію, но замѣною его служатъ болѣзни и война. Если бы размноженіе людей, подобно размноженію другихъ животныхъ, производилось лишь слѣпымъ инстинктомъ, границы ему полагались бы точно того же рода, какъ у животныхъ: количество рождающихся имѣло бы всю многочисленность, допускаемую жизненнымъ устройствомъ породы, и населеніе сдерживалось бы въ границахъ смертью. Но поступки людей болѣе или менѣе подчиняются вліянію соображеній о послѣдствіяхъ и регулируются побужденіями, высшими чисто животныхъ инстинктовъ. Потому люди не плодятся, какъ свиньи, нѣтъ, — они способны болѣе или менѣе удерживаться благоразуміемъ или общественными привязанностями отъ того, чтобы давать жизнь существамъ, рождающимся лишь на нужду и преждевременную смерть. Соразмѣрно тому, какъ люди возвышаются надъ скотскимъ состояніемъ, возрастаніе населенія сдерживается больше боязнью недостатка, чѣмъ фактическимъ недостаткомъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ опасности голода, многіе точно также удерживаются опасеніями потери того, что считается условіями приличнаго ихъ общественному положенію образа

жизни. До сихъ поръ ни то, ни другое изъ этихъ побуждений не оказывались имѣющимъ надъ большинствомъ людей столько силы, чтобы уравнивать стремленіе къ размноженію».

Приведенное нами мѣсто (изъ X гл. «Основ. Политич. Эк.», въ которой защищается Мальтусова теорія) показываетъ, что Милль рассуждаетъ о размноженіи человѣческаго рода такъ, какъ будто онъ признаетъ производительную способность женщинъ за нѣчто *опредѣленное, абсолютное*; какъ будто эта способность во всѣ времена и у всѣхъ народовъ остается неизмѣнною, и если, какъ показываетъ статистика, процентъ рожденій у различныхъ народовъ и у того же народа въ различные періоды времени не одинаковъ, то это, по его мнѣнію, есть лишь результатъ предусмотрительности,—воздержанія отъ физической любви *).

Вліяніе предусмотрительности на размноженіе населенія не принадлежитъ къ числу явленій, которыя могутъ быть

*) Мы вполне согласны съ переводчикомъ «Основ. Пол. Эк.» Милля, что возраженія его на теорію Дубльде,—заключающуюся въ томъ, что плодородіе человѣка и всѣхъ другихъ живыхъ существъ обратно пропорціонально количеству пищи,—ни мало не подрываютъ этой теоріи (См. Т. I., стр. 200 и д.).

По вопросу объ измѣняемости плодотворящей воспримчивости женскаго организма заслуживаетъ вниманія XXXVIII гл. книги Кэри—«Соціальная наука», гдѣ приводятся указанія на общій антогонизмъ между нервной и воспроизводительной функціями. «Куда бы мы ни обратили нашъ взоръ, говоритъ въ заключеніе авторъ, мы всюду находимъ, что воспроизводительная сила въ человѣкѣ на столько же непостоянная величина, какъ и всякая другая его сила... Она уменьшается по мѣрѣ того, какъ его различныя способности вызываются къ дѣятельности, вслѣдствіе возникновенія разнообразія занятій, появленія быстроты въ общественномъ движеніи и благопріятныхъ условій для его свободы».

изслѣдованы, почему, при обсужденіи этого вліянія, открывается большой просторъ субъективнымъ воззрѣніямъ. Но хотя вліяніе предусмотрительности на размноженіе населенія не можетъ быть съ точностью изслѣдовано, тѣмъ не менѣе едва-ли кто, всматривавшійся внимательно и безъ предвзятости идеи въ явленія обыденной жизни, не признаетъ, что количество этого вліянія ничтожно. Дѣло идетъ не о воздержности отъ вреднаго здоровью излишества, такая воздержность не уменьшаетъ количества рожденій, — а объ отказѣ организму въ одной изъ природныхъ его функций. Спрашивается: много ли людей подвергаютъ себя подобному лишенію? Не наивно ли ожидать сколько-нибудь значительныхъ результатовъ въ дѣлѣ уменьшенія размноженія населенія отъ добровольнаго воздержанія? Мальтусъ и его послѣдователи, очевидно, сами возлагаютъ малую надежду на проповѣдь о добровольномъ воздержаніи и требуютъ законодательнаго ограниченія браковъ. Но статистика показала, что въ странахъ, гдѣ вступленіе въ бракъ затрудняется закономъ или обычаемъ, брачныя отношенія замѣняются внѣбрачными, дающими такое же число рожденій, какъ и первыя. Въ Баваріи до 1868 г. цифра незаконныхъ рожденій, среднимъ числомъ, простиралась ежегодно до 22%. Когда, въ 1868 г., были уничтожены опредѣленные закономъ условія имущественнаго ценза для вступленія въ бракъ, цифра эта стала быстро понижаться, дойдя въ 1875 г. до 12%. Интересно, что въ то же время общая рождаемость въ Баваріи была: отъ 1861—70 г. — 4,06%; отъ 1871—74 г. 4,01%. Въ доказательство своей мысли о возможности значительнаго вліянія предусмотрительности на размноженіе, Милль ссылается на меньшее количество рожденій въ средѣ поселянско-собственниковъ, сравнительно съ промышленнымъ населеніемъ, вытекающее, по его мнѣнію, изъ того, что каждый

поселяннвъ въ состояніи видѣть изъ очевидныхъ, вполне понятныхъ ему фактовъ, можетъ ли его участокъ содержать нѣсколько семей въ такомъ довольствѣ, въ какомъ содержится одно. Что объясненіе факта меньшей рождаемости сдѣлано здѣсь Миллемъ *a priori*,—это очевидно, но кромѣ того, самому факту придано болѣе общее значеніе, нежели онъ имѣеть въ дѣйствительности.... Помимо русскихъ данныхъ, по которымъ наибольшая рождаемость приходится на черноземныя, непромысловыя губерніи, западная Европа представляетъ намъ много фактовъ, обратныхъ предположенію Милля. Достаточно указать, на примѣръ, на промышленную Богемію, гдѣ процентъ рожденій 3,8% и земледѣльческую Галицію, съ рождаемостью въ 4,7%, Рейнскую провинцію и Померанію, Вестфалію и Познань, Фландрію и Бретань.

Статистика показываетъ, что процентъ рожденій въ разныхъ странахъ и въ разное время весьма различенъ. Такъ, на примѣръ, въ Саксоніи, за послѣдніе періоды, процентъ рожденій составляетъ 4,28, Пруссіи 4,03, Австріи 3,86, Италіи 3,76, Испаніи 3,60, Англии 3,54, Франціи 2,58. Во Франціи рождаемость наименьшая изъ всѣхъ европейскихъ государствъ. При томъ замѣчательно, что рождаемость въ этой странѣ уменьшается съ поразительнымъ постоянствомъ *). Еще рельефнѣе выступаетъ на видъ различіе плодovitости женщинъ въ разныхъ странахъ, если выдѣлить женщинъ, могущихъ давать рожденія. Сравнивая въ этомъ отношеніи Баварію и Францію, занимающія въ таблицѣ рож-

*) Отъ 1770—85 года % рожденій во Франціи былъ	3,80
1801—10	3,30
1811—20	3,17
1821—30	3,06
1831—40	2,87
1841—50	2,73

даемости западной Европы верхнюю и нижнюю оконечности, оказывается, что въ Баваріи *меньшая часть* женщинъ въ возрастъ отъ 15—50 лѣтъ состоитъ въ замужествѣ, чѣмъ во Франціи: 45% въ Баваріи и 54% во Франціи; но за то каждыя 100 баварскихъ замужнихъ женщинъ рождаютъ около 31 ребенка, между тѣмъ какъ во Франціи только 17, и, далѣе, каждая сотня женщинъ, не состоящихъ въ замужествѣ, даетъ въ Баваріи 4 незаконныхъ дѣтей, во Франціи менѣе двухъ *). И если на вопросъ о причинахъ такого поражающаго различія въ плодовитости французскихъ женщинъ, сравнительно съ женщинами другихъ странъ, мальтузианецъ отвѣчаетъ, что причина этого факта заключается въ воздержаніи французовъ отъ физической любви, то не представляетъ ли подобное рѣшеніе вопроса наивность, рѣдко встрѣчаемую въ наукѣ. Всѣ попытки статистиковъ объяснить различія въ плодовитости женщинъ: развращеніемъ нравовъ, климатомъ, степенью цивилизаціи и т. д. имѣютъ до сихъ поръ значеніе только предположеній. Да и едва ли статистическій методъ въ состояніи разрѣшить этотъ вопросъ. Разрѣшить его можетъ только физиологія.

Такимъ образомъ, законъ размноженія человѣческаго рода представляетъ до сихъ поръ *искомое*, а потому обоснованіе мальтузианцами своего исходнаго положенія: — «населеніе

1851—60	2,61
1861—70	2,60
1871—73	2,51
1875—г.	2,60

(Сравни. Статист. проф. Янсона. 1878 г.).

*) Въ Пруссіи плодовитость замужнихъ женщинъ—27,5%
 Англій — 24,18
 Италій — 24,4
 (ibid).

имѣть тенденцію возрастать быстрее средствъ существованія», — ссылкою на абсолютный законъ плодородія чело-вѣческаго организма само собою падаетъ, и исходное положе- ние мальтузіанизма должно быть доказываемо и провѣ- ряемо какимъ либо инымъ образомъ. Очевидно, единственный способъ для изслѣдованія истинности этого положенія есть статистическій. Необходимо разсмотрѣть для каждой страны отдѣльно ростъ населенія въ связи съ умноженіемъ средствъ существованія. Разумѣется, такое изслѣдованіе не ведетъ къ установленію абсолютнаго закона; результаты его не даютъ намъ права заключать о будущемъ; но оно имѣетъ важное значеніе для объясненія соціальныхъ явленій въ на- стоящемъ. Какія же статистическія данныя послужили осно- вателю мальтузіанскаго ученія для подтвержденія его исход- наго положенія? На основаніи данныхъ объ увеличеніи на- селенія въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, Мальтусъ пришелъ къ заключенію, «что если размноженіе населенія не встрѣчаетъ никакого препятствія, то оно удваивается каждыя двадцать пять лѣтъ и возрастаетъ въ геомет- рической прогрессіи» *). Это препятствіе, продолжаетъ Маль- тусъ, заключается въ недостатокѣ средствъ существованія. И если въ Европѣ, Китаѣ, Японіи и т. д. населеніе воз- растаетъ медленнѣе, то причины этого заключаются частью въ предусмотрительности, а главнымъ образомъ, въ прежде- временной смерти отъ недостатка пищи **).

Будь эти положенія Мальтуса вѣрны, тогда изъ нихъ ло- гически слѣдовало бы, что періоды удвоенія населенія могутъ

*) Извѣстна ошибка, сдѣланная Мальтусомъ въ вычисленіи періода удвоенія населенія въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ:—онъ не принялъ во вниманіе вліянія числа переселенцевъ на возрастаніе населенія.

***) Опытъ о законѣ народонаселенія т. I, кн. I, гл. I.

служить мѣриломъ возрастанія національнаго богатства, то есть, что страны съ бѣльшимъ періодомъ удвоенія должны представлять меньшее возрастаніе богатства и обратно. Такимъ образомъ, мы получили бы, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ возрастаніе богатства всего медленнѣе во Франціи и притомъ процентъ этого возрастанія постоянно уменьшается (отъ 1800—60 г. приростъ населенія былъ 0,48%; отъ 1860—75 г. — 0,01%);—что въ Россіи богатство возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ въ Великобританіи (въ первой средній приростъ населенія за послѣднія 15 лѣтъ = 1,42^{*}); во второй — 0,90)—и другія столь же несоотвѣтствующіе дѣйствительности выводы. По вычисленіямъ статистика Фарра, смертность 17 чел. на 1,000 можетъ считаться результатомъ органическаго устройства человѣка. Такого благоприятнаго положенія, по отношенію къ смертности, достигла пока одна Норвегія. Слѣдовательно, въ отношеніи этой страны мультузианцы не могутъ уже утверждать, что размноженіе населенія въ ней задерживается смертностью отъ недостатка пищи и 75-ти лѣтній періодъ удвоенія населенія въ Норвегіи остается имъ объяснять единственно «воздержаніемъ» Норвежцевъ. Исходя изъ коэффициента прироста населенія во Франціи за послѣднее время, періодъ удвоенія населенія въ ней равенъ 236 годамъ. Еслибы смертность во Франціи была такая же, какъ въ Норвегіи, то и тогда, вслѣдствіе меньшаго, сравнительно съ норвежскимъ, процента рождаемости, періодъ удвоенія населенія въ ней оказывается значительно длиннѣе норвежскаго.

Для уясненія втораго фактора своего основнаго положенія, а именно для установленія коэффициента возрастанія средствъ существованія, Мальтусъ не сдѣлалъ никакихъ статистиче-

^{*}) Военно-статистическій сборникъ.

сихъ изслѣдованій. Заявивъ, что размѣръ возрастанія произведеній земли опредѣлить гораздо труднѣе, чѣмъ возрастаніе населенія, онъ продолжаетъ: «тѣмъ не менѣе, мы можемъ быть увѣрены, что размѣръ этотъ вовсе не походитъ на размѣръ возрастанія населенія...., населеніе возрастаетъ гораздо быстрѣе средствъ существованія».

Статистическія данныя Англіи, Франціи и Германіи, показывающія, что въ XIX столѣтіи (для котораго только и имѣются данныя) возрастаніе продуктовъ земледѣлія и промышленности обгоняетъ ростъ населенія*), не заставили мальтузианцевъ усомниться въ истинности ихъ ученія; они объяснили этотъ фактъ самымъ простѣйшимъ образомъ: — *развишеюся въ населеніи «предусмотрительностью».*

На такихъ-то хрупкихъ основаніяхъ построены пресловутый законъ Мальтуса. И если это бездоказательное ученіе, не представляющее даже гипотезы, а скорѣе пустое, ни на чемъ не основанное предположеніе, удерживаетъ до сихъ поръ въ политической экономіи значеніе краеугольнаго камня, то *главнѣйшая* причина этому заключается *въ существованіи*

*) Согласно вычисленіямъ Неймана-Спалларта, общее производство девяти особенно выдающихся въ промышленномъ отношеніи странъ (Великобританія, Сѣверная Америка, Германія, Бельгія, Россія, Австрія, Голландія, Италія, Остъ-Индія) въ теченіе только трехъ лѣтъ — съ 1870 по 1873 годъ — почти удвоилось сравнительно съ прежнимъ, а общій оборотъ ихъ международной торговли возросъ отъ 23 до 45 милліардовъ марокъ. Съ 1860 по 1865 годъ возрастаніе производства было среднимъ числомъ 941 милліонъ марокъ, съ 1865 по 1870 — 959, а съ 1870 по 1873 — никогда прежде неслыханное — 2772 милліона марокъ въ годъ. Одна только Германія увеличила свое производство съ 1865 по 1873 годъ съ 2212 до 6058 милліоновъ марокъ, а въ увеличеніи производства угля и желѣза превзошла почти всѣ прочія страны. Если обратить вниманіе на то, что въ промежутокъ времени съ 1870 по 1873 годъ общее народонасе-

предположенія a priori объ одинаковости для всѣхъ расъ и народовъ и о неизмѣнности производительной способности чловѣческаго организма и вытекающемъ отсюда объясненіи уменьшенія^о/о рождаемости и болѣе прогрессивнаго возрастанія, сравнительно съ населеніемъ, средствъ существованія «предусмотрительностью».

Мальтусъ полагалъ, что «соціальныя учрежденія суть пустыя и поверхностныя причины несчастій общества, *не болѣе, какъ перья, плавающія на поверхности*, въ сравненіи съ болѣе глубокимъ источникомъ бѣдствій, вытекающимъ изъ законовъ самой природы и *страсти одного пола къ другому*. Поэтому въ бѣдствіяхъ, испытываемыхъ чловѣчествомъ, слѣдуетъ обвинять не неспособность правительствъ и отвращеніе ихъ къ реформамъ, но ихъ слѣдуетъ приписать скорѣе избыточному народонаселенію». Болѣе глубокое уясненіе экономическихъ законовъ и статистическія изслѣдованія заставили и тѣхъ экономистовъ, которые согласны съ исходными положеніями Мальтуса, признать тѣс-

леніе всѣхъ названныхъ странъ не могло возрасти болѣе какъ на 3—4^о/о, то спрашивается, кто именно явился потребителемъ всего этого громаднаго богатства? Рѣшеніе этого вопроса тѣмъ болѣе затруднительно, что ни расширеніе рынковъ, ни увеличеніе заработной платы въ этотъ промежутокъ времени не могли идти и, дѣйствительно, не шли въ самую отдаленную параллель съ указанными безпримѣрными въ исторіи размѣрами накопленія и производства. А такъ какъ нынѣшнее богатство безъ сбыта «мертво есть», то отвѣтъ найдется только въ кризисѣ, разразившемся въ 1873 году, послѣдствія котораго продолжаютъ до сихъ поръ тяготѣть надъ промышленностью большей части цивилизованныхъ странъ и, насколько можно о томъ судить по недавнимъ новымъ «крахамъ» въ Шотландіи, въ Англіи и отчасти въ Германіи, будутъ устранены еще не очень скоро (Цит. изъ статьи г. Зибера:—«Мысли объ отношеніи между общественною экономіею и правомъ». «Слово», февр. 1879 г.).

вѣйшую связь между экономическимъ порядкомъ, основаннымъ на свободной конкуренціи, и общественными бѣдствіями, каковы:—*избыточное населеніе* *), нищета, скудное вознагражденіе, чрезмѣрность и дурная обстановка труда, порождающія огромный процентъ болѣзней и смертности отъ истощенія организма, преступленія, медленное распространеніе образованія въ народѣ, присвоеніе успѣховъ культуры почти исключительно незначительною по числу частью общества и мн. др. Упомянутое признаніе, не раздѣляемое лишь только «последними могиканами» школы свободной конкуренціи, имѣетъ большую цѣну. Оно парализуетъ вредное вліяніе Мальтусова ученія, пытавшагося снять съ общественныхъ учреждений отвѣтственность за человѣческія бѣдствія и указывавшаго на законы природы, какъ на единственнаго виновника ихъ. Только со времени этого признанія, для политической экономіи открылась широкая и благотворная задача установленія основныхъ руководящихъ принциповъ народно-хозяйственной политики, долженствующихъ освѣщать путь, какъ общественной, такъ и государственной дѣятельности.

Говоря о заработной платѣ, мы показали, что, при свободной конкуренціи, плата за физическій трудъ остается на уровнѣ минимума необходимыхъ средствъ существованія, несмотря на то, что національное богатство возрастаетъ бы-

*) О порожденіи *избыточнаго населенія*, какъ необходимаго продукта накопленія или развитія національнаго богатства на почвѣ свободной конкуренціи, см. замѣчательное изслѣдованіе Маркса, находящееся въ его сочиненіи—«Капиталъ», т. I, стр. 489—555. Изъ этого изслѣдованія логически вытекаетъ, что *еслибы возрастаніе населенія остановилось, то и тогда, неограниченныя закономъ или правами, капиталистическія отношенія продолжали бы порождать избыточное населеніе.*

стрѣ населенія. Въ то же время, число лицъ, живущихъ продажею рабочей силы и выручающихъ изъ этой торговли минимумъ средствъ существованія, постоянно возрастаетъ не только *абсолютно*, вслѣдствіе умноженія населенія, но и *относительно*, какъ неизбѣжный результатъ конкуренціи, при которой крупное производство побиваетъ мелкое. По мѣрѣ захвата отраслей промышленности мануфактурою и машиннымъ производствомъ исчезаетъ ремесленное производство, и лица, занимавшіяся имъ, переходятъ въ классъ наемныхъ рабочихъ. Далѣе идетъ борьба между капиталистами. Крупные капиталы побиваютъ мелкіе. Происходитъ концентрація производства и капиталовъ *). Число лицъ экономически и соціально самостоятельныхъ постоянно уменьшается. Нація все болѣе раздѣляется на два промышленные класса, связанные между собою лишь покупкою—продажею рабочей силы. Переходъ изъ класса работниковъ въ классъ хозяевъ хотя юридически не воспрещается, но фактически, вслѣдствіе экономическихъ отношеній, является дѣломъ исключительно счастливой случайности. Распределение дохода

*) Быстрота, съ какою совершается, въ настоящее время, концентрація капитала, служить самымъ крупнымъ указателемъ недалговѣчности соціального строя, основаннаго на свободной конкуренціи. Въ цитированной нами уже разъ статьѣ г. Зибера читатель найдетъ грандіозныя данныя о томъ «въ какой гигантской степени капиталъ сосредоточивается въ немногихъ рукахъ, какія побѣдоносныя сраженія выигрываетъ крупный капиталъ у мелкаго и насколько всему этому содѣйствуетъ быстрое передвиженіе и сосредоточеніе людей». Въ ряду фактовъ этой категоріи г. Зиберъ останавливается на данныхъ, относящихся: 1) къ возрастанію доходовъ, облагаемыхъ подоходнымъ налогомъ, 2) къ движенію важнѣйшихъ фабрикъ, 3) къ измѣненіямъ въ области земледѣльческой промышленности, 4) къ развитію путей сообщенія, и въ 5) къ увеличенію городского населенія.

и имущество народнаго хозяйства становится все болѣе неравномѣрнымъ; возрастаютъ крайности богатства, съ одной стороны, нищета и бѣдность, съ другой; неблагоприятное направленіе производства усиливается, ибо оно все болѣе работаетъ въ громадныхъ размѣрахъ лишь только для роскоши богатыхъ. При такомъ состояніи народнаго хозяйства, являются вредныя соціальныя отношенія господства и зависимости и *соціальная пропасть между общественными классами возрастаетъ*. Вуѣсть съ этимъ возрастаетъ въ массахъ чувство несправедливой обдѣленности. Это чувство, въ наше время, особенно въ рабочихъ классахъ западной Европы, вельдствие многихъ причинъ далеко острѣе, нежели оно было въ прежнее время съ болѣе патріархальными правами. Важнѣйшія изъ этихъ причинъ: 1) яркое противорѣчіе дѣйствительности съ идеями вѣка о равенствѣ правъ людей, 2) постоянно увеличивающееся объединеніе рабочихъ въ городахъ и на фабрикахъ и 3) непрерывно усиливающееся значеніе народной прессы. Поднявшись на высшую ступень потребностей, мысли и нравовъ, массы яснѣе сознаютъ несправедливости въ общественномъ устройствѣ, въ распредѣленіи налоговъ, политическихъ правъ, имущества, труда, образованія *).

*) Въ послѣднія столѣтія, говоритъ Ал. Ланге, впервые стали постепенно осуществляться основные принципы гуманности, которые устранили прежнія жестокости, и борьба за существованіе между людьми приняла другія болѣе мягкія формы. Какимъ же образомъ случилось однако, что нищета бѣдствующаго человѣчества никогда не чувствовалась такъ глубоко, какъ именно въ настоящее время? Какъ случилось, что прежде, большею частью, только идеалисты-мечтатели и поэты-философы размышляли о средствахъ къ осуществленію совершеннаго состоянія человѣческаго общества, между тѣмъ, теперь, самыя массы прониклись сознаніемъ, что ихъ положеніе должно быть

Противорѣчіе между жизненными результатами современнаго экономическаго быта и социальными идеями вѣка — противорѣчіе, коренящееся въ господствѣ капитала надъ трудомъ — породило въ области экономической политики двѣ школы. Одна изъ нихъ, называемая революціонно-соціалистическою, полагаетъ возможнымъ немедленное устраненіе имущественныхъ привилегій и обоснованіе доходовъ на трудѣ. Вторая, — реалистическая школа, признавая отсутствіе, въ настоящее время, необходимыхъ для этого условій, стремится установить организацію общественнаго хозяйства, которая, соотвѣтствуя современнымъ условіямъ жизни, и, по возможности, не умаляя *производительности* народнаго хозяйства, распредѣляла бы благо культуры между всѣми классами населенія и приближалась къ обоснованію распредѣленія на трудѣ и заслугѣ.

измѣнено посредствомъ совершенно новыхъ, грандіозныхъ социальныхъ учреждений? Почему прежде даже крайняя нищета разсматривалась, какъ неизбѣжная судьба, что однако, какъ показываетъ опытъ, не было явленіемъ, неотвратимымъ никоимъ образомъ; между тѣмъ, теперь, стремятся съузить границы естественнаго закона борьбы и требуютъ лучшаго социальнаго порядка, объ осуществленіи котораго существуетъ пока еще весьма неопредѣленное представленіе?

Отвѣтъ на эти вопросы заключается въ томъ, что отвычка отъ жестокостей, большее спокойствіе и большее образованіе должны сами по себѣ вести къ тому, чтобы увеличить притязанія отъ жизни. Человѣкъ сознаетъ свое высшее назначеніе; онъ видитъ въ привилегированныхъ индивидуумахъ, чѣмъ могъ бы быть онъ самъ, еслибы обстоятельства ему благопріятствовали. Онъ разсматриваетъ отношенія критическимъ взглядомъ; онъ обсуждаетъ и онъ находитъ, что многое могло бы быть иначе. Къ сожалѣнію, это есть страшная истина, что тираны правы, съ своей точки зрѣнія, когда утверждаютъ, что для того, чтобы народъ не достигъ самосознанія его слѣдуетъ держать подъ гнетомъ. (Die Arbeiterfrage, s. 7).

Содержаніе слѣдующихъ двухъ главъ представляетъ разсмотрѣніе историческаго значенія этихъ двухъ школъ и ихъ сущности.

ГЛАВА III.

§ 1. Противорѣчіе между правовыми понятіями нашего времени и экономической организаціей.—§ 2. Отношеніе реалистической школы къ социалистическому направленію.—§ 3. Главныя черты социалистической организаціи народнаго хозяйства.

§ 1. Въ основаніе устройства современнаго культурнаго государства положены принципы: равенства передъ закономъ и свободы личности. Очевидно, равенство передъ закономъ представляетъ лицемѣрную фразу, если рядомъ съ признаніемъ за всѣми гражданами права пользоваться благами культуры, достигать благосостоянія, образованія, любого социальнаго положенія, организація общественнаго порядка такова, что воспользоваться этимъ правомъ могутъ лишь нѣкоторые классы общества. Новѣйшія государства признали принципъ равенства передъ закономъ не для того, чтобы замѣнить прежнія юридическія привилегіи фактическими, *а чтобы устранить вліяніе соціальныхъ условій на образованіе неравенства между людьми.* Смыслъ этого принципа: — низвести неравенство между людьми лишь на различія ихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ и сдѣлать каждаго отвѣтственнымъ за свою судьбу. Въ политической области примѣненіе принциповъ свободы и равенства передъ закономъ выразилось: — въ признаніи свободы мысли, слова и собраній, въ признаніи за всѣми гражданами права участія въ законодательствѣ, судѣ, администраціи, въ признаніи равенства

податной и воинской повинностей. Примѣненіе указанныхъ принциповъ къ хозяйственной области повело за собою уничтоженіе оставшихся отъ феодальной эпохи привилегій, ограниченіе вмѣшательства государства въ экономическія отношенія и предоставленіе ихъ дѣйствию свободной конкуренціи. Политическій и экономическій переворотъ, предпринятый съ одной и той же цѣлью—осуществленія принциповъ свободы и равенства—далъ совершенно различные результаты въ этихъ двухъ сторонахъ народной жизни. Въ первой—цѣль достигается болѣе и болѣе; во второй—прогрессивно возрастаетъ неравенство, какъ результатъ фактическихъ имущественныхъ монополій. И причина этого понятна. Въ политической области съ уничтоженіемъ привилегій и равномернымъ распредѣленіемъ правъ и обязанностей на всѣхъ гражданъ тѣмъ самымъ была создана уже и возможность воспользоваться этими правами. Въ экономической же области, и послѣ устраненія юридическихъ привилегій, остались исторически созданныя неравенства владѣнія; и далѣе, что особенно важно, неравенства владѣнія, по присущимъ системѣ свободной конкуренціи свойствамъ, продолжали усиливаться, *соціальные различія* въ шансахъ соревнованія продолжали возрастать; и, такимъ образомъ, рядомъ съ идеею вѣка о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, политически полноправные граждане распались почти на касты, причемъ каста обдѣленныхъ постоянно возрастаетъ не только абсолютно, но и относительно. Процентъ неимущаго класса постоянно увеличивается въ отношеніи къ имущему, среднія состоянія исчезаютъ и соціальное неравенство, зависимость труда отъ капитала проявляются все болѣе въ крупныхъ размѣрахъ и яркихъ формахъ. Такимъ образомъ, современное общество заключаетъ въ самомъ себѣ противорѣчіе, выступающее съ каждымъ днемъ рѣзче. Соціальная организація,

путемъ которой думали осуществить свободу и правовыя идеи эпохи, приводитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ—зрѣлище, впервые представляемое исторіею человѣчества. Расчлененіе общества на привилегированные и подчиненные классы въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка вполнѣ гармонировало съ правовыми воззрѣніями того времени, съ идеею о неравенствѣ правъ людей. Точка отправления и цѣль развитія новѣйшаго общества—свобода и равенство правъ людей; и въ то время, какъ эти принципы все болѣе осуществляются въ политической области, экономическая организація прогрессивно порождаетъ неравенство и несвободу. Въ рабской организаціи древняго міра владѣніе было все, трудъ ничто. Гражданское общество составляли только владѣющіе классы, рабочіе классы стояли внѣ его. Съ владѣніемъ были соединены всѣ права, какъ политическія, такъ и гражданскія; трудъ былъ безправенъ. Рабочіе индивидуумы, рабы, въ правовомъ отношеніи были вещи, они приравнивались къ рабочему скоту; не только рабочая сила, но и самая личность раба были предметомъ собственности. Но такое положеніе труда вполнѣ гармонировало съ правовыми воззрѣніями античной цивилизаціи. Рабство признавалось необходимою, вытекающею изъ законовъ природы. Единственно достойными свободнаго гражданина занятіями считались: политика, наука, искусство и война. Въ средніе вѣка рабское состояніе труда постепенно замѣняется болѣе мягкими и разнообразными формами крѣпостничества, но расчлененіе общества на привилегированные и подчиненные классы находится въ такомъ же полномъ соотвѣтствіи съ правовыми идеями эпохи, какъ это имѣло мѣсто въ древнемъ мірѣ. Крѣпостные пользуются нѣкоторыми гражданскими правами, но политическія права находятся исключительно въ рукахъ класса поземельныхъ

собственниковъ и, въ этомъ отношеніи, послѣдніе имѣютъ большое сходство съ свободными гражданами древности. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ античной цивилизаціи, такъ и въ средніе вѣка, физическій трудъ, промышленныя занятія считаются дѣломъ унижительнымъ, долею низшихъ классовъ. Новое время провозгласило, что трудъ есть обязанность и высшая задача человѣка; политическая экономія доказала, что онъ есть важнѣйшій факторъ въ созданіи цѣнностей, — творецъ національнаго богатства. Такимъ образомъ, новое время, въ идеѣ, воздастъ труду почетъ, возводитъ его на пьедесталъ; въ дѣйствительности же классы общества, исполняющіе самое большее количество труда, и притомъ самаго тяжелаго, занимаютъ низшую ступень въ общественной лѣстницѣ и едва добываютъ себѣ необходимыя средства существованія, — противорѣчіе между социальными идеалами и практикою, указанное еще Сень-Симономъ въ его извѣстной «*Porabole politique*».

Это противорѣчіе хозяйственнаго развитія съ общимъ принципомъ культурнаго развитія, составляющее характеристическую черту современнаго социальнаго строя, есть причина многихъ важныхъ явленій общественной жизни *). Прежде всего въ немъ заключается корень такъ называемаго «*социальнаго вопроса*». Оно есть причина, почему ни одна эпоха не можетъ сравниться съ нашей по господству *мечты* и *фразы*. У всѣхъ на языкѣ свобода и равенство правъ, и какъ часто подъ прикрытіемъ этихъ громкихъ словъ защищаются и проводятся порядки и мѣры, противныя смыслу этихъ словъ. Имъ обуславливаются *социальная*

*) О коллизіи между принципами, положенными въ законъ 19-го февраля 1861 г., имѣющій значеніе исходнаго пункта новѣйшей исторіи Россіи, и формами русской общественной жизни см. статью покойнаго проф. Градовскаго. (Русск. Рѣчь. Мартъ. 1879 г.).

рознь и постоянное брожение въ обществѣ. Оно объясняетъ намъ, почему экономическій порядокъ новѣйшаго либеральнаго государства, основанный на свободной конкуренціи, не просуществовавъ столѣтія, *потерялъ уже свой кредитъ въ наукѣ и начинаетъ терять его въ практикѣ.* Третье сословіе исполнило важную роль въ исторіи развитія чело-вѣчества. Въ борьбѣ за улучшение своего соціального положенія, ему пришлось выставить противъ привилегированныхъ классовъ идею свободы и равенства правъ людей. Но общественные порядки, посредствомъ которыхъ думали осуществить эту идею, оказались недостигающими цѣли. Свобода конкуренціи оказалась лишь свободой для сильныхъ; вмѣсто осуществленія равенства правъ, она стала сильнѣйшимъ источникомъ фактическихъ привилегій. Между тѣмъ идеи свободы и равенства крѣпко засѣли въ сознаніи современнаго общества; изъ нихъ исходитъ устройство новѣйшаго либеральнаго государства; проведеніе ихъ въ жизнь составляетъ существенный интересъ четвертаго сословія, политическая сила котораго быстро возрастаетъ. *Такимъ образомъ, продолженіе дѣла, начатаго, но неоконченнаго, третьимъ сословіемъ, является историческою миссіею четвертаго сословія.*

§ 2. Подробное изслѣдованіе причинъ указаннаго нами противорѣчія въ соціальномъ строѣ, изслѣдованіе путей для устраненія или смягченія его составляютъ одну изъ главныхъ темъ современной экономической литературы. Тему эту разработываютъ какъ экономисты реалистической школы, такъ и соціалистическая литература. Прежде чѣмъ идти дальше, умѣстно теперь же выяснитъ: въ чемъ заключается различіе между реалистическою школою и соціалистическимъ направ-леніемъ, или, иначе говоря, каково отношеніе реалистической школы къ соціалистической литературѣ.

Что касается возрѣній на условія, порадившія «либеральный» экономическій порядокъ, на сущность его, на причины заключающихся въ немъ противорѣчій, реалистическая школа и социалистическое направленіе въ главныхъ основаніяхъ согласны. Это суть тѣ условія и причины, которыя изложены нами выше. По вопросу же о способахъ разрѣшенія противорѣчій современнаго общественнаго порядка, большинство представителей реалистической школы противопоставляетъ себя рѣзко лишь революціонному социалистическому направленію, а не научному социализму. Чтобы уразумѣть съ точностью это претивопоставленіе надо сдѣлать нѣкоторыя поясненія. *Слѣдуетъ строго различать взглядъ на основныя черты социалистической организаціи, какъ на общественный порядокъ, къ которому идетъ человечество, но для осуществленія котораго въ настоящее время еще нѣтъ въ наличности требуемыхъ условій отъ взгляда на нее, какъ на общественный порядокъ, примѣненіе котораго, уже при современныхъ интеллектуальныхъ, моральныхъ и социальныхъ условіяхъ, было бы возможно и благотворно.* Всѣ представители реалистическаго направленія единодушно отвергаютъ второй взглядъ; въ отношеніи же перваго—мнѣнія ихъ разнообразны. Тѣмъ не менѣе, все разнообразіе мнѣній экономистовъ реалистической школы на счетъ социализма, какъ будущей организаціи народнаго хозяйства, можетъ быть сведено къ слѣдующимъ возрѣніямъ трехъ видныхъ представителей школы: Шмоллера, Альберта Ланге и Адольфа Вагнера.

«Въ чемъ должна заключаться социальная реформа? спрашиваетъ Шмоллеръ. Что должна она осуществить! Она состоитъ въ восстановленіи дружественныхъ отношеній между общественными классами, въ устраненіи или смягченіи несправды, въ бдльшемъ приближеніи къ принципу равноправія

и справедливости, въ установленіи соціального законодательства, двигающаго прогрессъ и обезпечивающаго нравственное и матеріальное возвышеніе низшихъ и среднихъ классовъ».

«Какъ осуществится эта цѣль во всѣхъ ея подробностяхъ — врядь-ли можно предсказать съ полною достовѣрностью. Въ томъ-то и заключается безуміе соціалистовъ, что они воображаютъ, будто могутъ уже въ настоящее время предъявлять готовые планы будущаго, что они требуютъ работы по этимъ планамъ; между тѣмъ, какъ исторія учитъ насъ, что всѣ глубокіе перемѣны въ хозяйственномъ и соціальномъ расчлененіи общества произошли посредствомъ огромнаго числа самихъ по себѣ незначительныхъ перемѣнъ въ обычаяхъ и правовой жизни народовъ... такъ что на измѣненія, какихъ требуетъ самый умѣренный соціализмъ, пойдутъ не десятки, а сотни лѣтъ, Въ каждомъ сужденіи объ общественныхъ формахъ организаціи будущаго, заключается и сужденіе о будущности техники, а также и сужденіе о психологически-нравственной жизни будущихъ поколѣній. А умозаключеніе объ этихъ двухъ факторахъ во всѣхъ смыслахъ не можетъ претендовать на точность» *).

Великій соціальный переворотъ, предвидимый Марксомъ, — говорить Ланге, — разсматриваемый ближе, могъ бы вполне благотворно осуществиться лишь какъ слѣдствіе очень многихъ маленькихъ шаговъ впередъ и какъ результатъ борьбы въ теченіе длиннаго періода времени, борьбы въ формахъ то мирныхъ, то бурныхъ. Многія мѣры для разрѣшенія рабочаго вопроса, которыя порождаетъ эта борьба, разсматриваемыя порознь, далеко не достаточны для достиженія ве-

*) См. Jahrbuch. f. Nation. Oec. u. Statist. 1874 г. Ueber einige Grundfragen d. Rechts u. Volkswirt, S. 313.

ликой цѣли, но, взятыя въ совокупности, играютъ очень существенную роль» *).

«Наше время, говоритъ Вагнеръ, безъ сомнѣнія, приближается къ социалистической цѣли. Переходъ каждой новой отрасли производства и хозяйства въ руки государства — какъ, на примѣръ, средствъ сообщенія — есть этапъ на пути къ этой цѣли. Только вслѣдствіе непониманія дѣла противники социализма могутъ отрицать это. Заблужденіе же социалистовъ заключается въ томъ, что они желаютъ произвести вмѣсто постепеннаго историческаго развитія внезапный переворотъ путемъ государственнаго и правоваго привужденія, и, вмѣсто сѣуженія системы частнаго капитала, полное устраненіе обоихъ черезъ установленіе общественнаго хозяйства и общественнаго капитала. А мы видѣли выше, что это является и недостижимымъ и нежелательнымъ на неизмѣримое время впередъ» **).

Приблизительно такія же возрѣнія высказаны въ сочиненіяхъ Scheel'я ***) и Schäffle ****).

Изъ предшествующаго изложенія очевидно слѣдуетъ, что реалистическая школа расходится, *въ цѣломъ и рѣзко*, лишь съ тѣмъ социалистическимъ направленіемъ, которое полагаетъ возможнымъ немедленное или, по крайней мѣрѣ, не въ далекомъ будущемъ осуществленіе социалистической организаціи. Но такая незрѣлая мысль совершенно чужда самымъ авторитетнымъ социалистическимъ писателямъ, каковы: Родбертусъ, Марксъ, Лассаль, Дюрингъ, и потому

*) Die Arbeiterfrage, S. 349.

***) Lehrb. d. Polit. Oecon. 1876. 1-ter Th., S. 555.

****) Die Theorie d. Socialen Frage. 871.

*****) Die Quintessenz d. Socialismus. 1878.

нельзя провести принципиального различія между *научнымъ* социализмомъ и реалистическою школою *).

Самый могучій авторитетъ научнаго социализма, Карлъ Марксъ, полагаетъ возможнымъ осуществленіе главныхъ основаній социализма *лишь тогда*, когда капиталистическія отношенія такъ глубоко расчленили общество на два класса: — на значительный, сравнительно съ населеніемъ, классъ капиталистовъ и объединенный, организованный самимъ механизмомъ капиталистическаго производства, неимущій рабочій классъ, — что трудъ откажется выносить далѣе свою капиталистическую оболочку и она разрывается **). На той же страницѣ, въ примѣчаніи, говорится: — «Прогрессъ промышленности, невольнымъ орудіемъ котораго служитъ буржуазія, ставитъ на мѣсто изолированія работниковъ конкуренціей — ихъ революціонное объединеніе ассоціаціей. Слѣдовательно, съ развитіемъ крупной промышленности, буржуазія теряетъ подъ ногами почву, на которой она производитъ и присваиваетъ себѣ продуктъ. Поэтому, прежде всего, она роетъ свою собственную могилу. Паденіе ея и побѣда пролетаріата равно неизбѣжны... Изъ всѣхъ классовъ, которые въ настоящую минуту противопоставляются буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ собою дѣйствительно революціонный классъ. Прочіе классы погибаютъ

*) Научнымъ социализмомъ мы называемъ тотъ, который выводитъ и обосновываетъ социалистическую организацію народнаго хозяйства изъ «условія развитія человѣчества». Въ этомъ именно заключается отличіе его отъ *идеалистическаго* социализма и коммунизма Сень-Симона, Оуена, Фурье и *насилъственнаго* социализма, полагающаго возможнымъ осуществленіе социалистической организаціи *въ любое время, при всякихъ условіяхъ*, лишь бы власть досталась въ руки социалистовъ-революціонеровъ.

**) Капиталь, стр. 650.

вмѣстѣ съ крупной промышленностью, пролетаріатъ же есть ея собственный продуктъ... Среднее сословіе, мелкіе промышленники, мелкіе торговцы, ремесленники, крестьяне, — всѣ они борются съ буржуазіей, чтобы сохранить свое существованіе, какъ средняго сословія... всѣ они реакціонны, такъ какъ стараются повернуть назадъ колесо исторіи».

Несомнѣнно, что прогрессъ техники ведетъ къ непрерывному расширенію крупнаго производства и тѣмъ самымъ къ исчезновенію мелкой промышленности. Но какова будетъ дальнѣшая форма развитія крупной промышленности—представитъ ли она, какъ въ настоящее время, постоянно возрастающую концентрацію средствъ производства въ рукахъ капиталистовъ, или станетъ на ассоціаціонный путь—рѣшеніе этого вопроса невозможно. Приведенное воззрѣніе Маркса представляетъ не болѣе какъ логическій выводъ изъ фактовъ современнаго развитія капиталистической организаціи, покоящейся на свободной конкуренціи. Но измѣните законы въ смыслѣ противодѣйствія концентрации средствъ производства въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и содѣйствія развитію ассоціаціонныхъ формъ, и ходъ народнаго хозяйства, расчлененіе общественныхъ классовъ приметъ не то направленіе, какое указываетъ Марксъ. Множество явленій современной дѣйствительности, каковы, на примѣръ:—возрастающее въ западной Европѣ объединеніе, самосознаніе и политическое значеніе рабочихъ классовъ, далѣе распрстраняющееся уясненіе природы свободной конкуренціи, усиливающееся сознаніе противорѣчія между современною экономическою организаціею и признанными правами человѣка, даютъ основаніе надѣяться на близкую реформу въ смыслѣ расширенія сферы государственнаго хозяйства, содѣйствія образованію и развитію ассоціаціонныхъ формъ производства и осуществленія болѣе равномернаго распредѣленія благъ культуры.

Но какой бы путь ни приняло народное хозяйство въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, очевидно, что, и съ точки зрѣнія Маркса, образованіе условій, необходимыхъ для осуществленія основныхъ принциповъ социалистическаго порядка, требуетъ значительнаго времени. Сколь значительное время потребуется для перехода «реакціонныхъ» мелкихъ промышленниковъ, ремесленниковъ, крестьянъ въ пролетаріевъ, можно судить по даннымъ о распредѣленіи населенія въ хозяйственномъ отношеніи. Первое, что важно знать, это распредѣленіе населенія на дающихъ работу и берущихъ работу. Точныя данныя по этому вопросу представляютъ цензы французскій и прусскій. Во Франціи хозяевъ 44,6%, получающихъ работу 55,4% всего населенія. Въ Пруссіи первыхъ 36,8, вторыхъ 63,2. Далѣе, во Франціи 51,2% принадлежитъ къ населенію, занимающемуся сельскимъ хозяйствомъ, и изъ этого числа 53% суть хозяева и 47% работниковъ. Правда, изъ 10 милліоновъ французскихъ поземельныхъ собственниковъ, 5 милліоновъ владѣютъ столь небольшими участками (*parcelles*), что, вмѣстѣ съ воздѣлываніемъ собственной земли, прибѣгають также къ обработкѣ чужой, въ качествѣ фермеровъ, половниковъ или же поденщиковъ (последнихъ до одного милліона). Но, за исключеніемъ и этихъ миниатюрныхъ поземельныхъ собственниковъ, остается еще весьма внушительная цифра вполне самостоятельныхъ собственниковъ, изъ коихъ, притомъ, крупныхъ собственниковъ (съ поземельною собственностью свыше 50 гектаровъ) считается всего около 25 тысячъ человекъ. Въ Пруссіи, какъ мы видѣли, хозяева составляютъ 36,8%, работники и прислуга 63,2% всего населенія. Почти такое же отношеніе существуетъ здѣсь между хозяевами и работниками въ сельско-хозяйственной промышленности. Въ остальныхъ континентальныхъ европей-

пейскихъ государствахъ крупная промышленность достигла пока еще меньшаго развитія, не говоря уже о Россіи, государствѣ по преимуществу крестьянскомъ, и гдѣ на 100 милліоновъ населенія приходится только *одинъ* милліонъ фабричныхъ и заводскихъ работниковъ. Одна Великобританія представляетъ собою такое государство, гдѣ нѣтъ крестьянскаго класса и мелкія формы хозяйства ничтожны сравнительно съ крупною промышленностью.

Другой замѣчательный ученый и агитаторъ рабочаго движенія, Лассаль, котораго историко-юридическія изслѣдованія и факты современной дѣйствительности привели къ убѣжденію, что европейскій міръ стоитъ теперь предъ рѣшеніемъ вопроса объ устраненіи частной собственности на рабочую силу человѣка, что, по его мнѣнію, можетъ быть достигнуто лишь организаціею экономическаго порядка на базисѣ «общественнаго капитала и распредѣленія продуктовъ въ размѣрѣ участія каждаго въ производствѣ», полагаетъ, однако, что на осуществленіе этой цѣли потребуется работа нѣсколькихъ поколѣвій. Съ цѣлью содѣйствія рѣшенію въ этомъ смыслѣ «соціального вопроса», имъ были предложены производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ, которыя, по его мысли, «имѣютъ значеніе *переходной мѣры*, органическаго зерна, неудержимо стремящагося къ дальнѣйшему развитію и долженствующаго выработать изъ себя это рѣшеніе» *).

*) Capital und Arbeit. S. 211.

Примѣчаніе. Важно замѣтить, что организація производительныхъ ассоціацій пользуется въ настоящее время одобреніемъ даже со стороны манчестерцевъ. Но исходя изъ принципа невмѣшательства государства, они представляютъ образованіе и развитіе ассоціацій исключительно собственнымъ силамъ рабочихъ, что, при современномъ скудномъ заработкѣ и, главное, при настоящемъ развитіи крупнаго про-

Разсуждая безпристрастно, говоритъ Дюрингъ, тому, кто жилъ въ обществѣ, основанномъ преимущественно на рабствѣ, наемный трудъ долженъ былъ казаться самой опасной на практикѣ системой. Она дѣлаетъ человѣка отвѣственнымъ за самого себя, но вмѣсто того, чтобы надѣлать его средствами для самостоятельнаго попеченія о себѣ, ставить его въ зависимость отъ не имъ созданной случайности заработка. Впослѣдствіи привычка къ этому состоянію притупила способность замѣчать его противорѣчія. Но еслибы вопросъ о введеніи наемнаго труда былъ поднятъ только теперь, то нашлось бы много людей, которые взялись бы доказать, къ выгодѣ чистаго рабства, что положеніе наемнаго рабочаго, которому нельзя гарантировать даже примѣненія его труда, заключаетъ въ себѣ опасность для общества, и что вся наемная система представляетъ утопію, которая неустойчива даже теоретически, а тѣмъ болѣе въ грубыхъ столкновеніяхъ житейской практики. Въ извѣстномъ смыслѣ на сторонѣ такихъ людей была бы правда, потому что, въ самомъ дѣлѣ, система наемнаго труда неустойчива. Вслѣдствіе неустойчивости системы наемнаго труда, господство ея, въ сравненіи съ долгой эпохой рабства и крѣпостной зависимости, представится сравнительно краткой переходной фазой. Въ одномъ случаѣ дѣло шло о рядѣ тысячелѣтій, въ другомъ о нѣсколькихъ столѣтіяхъ. Исторія поучаетъ насъ, что и формы угнетенія, осуществляемые ею, могутъ быть устойчивыми только

изводства, очевидно обращается въ химеру; а потому сочувствіе манчестерцевъ принципу ассоціаціи невольно вызываетъ мысль или о непониманіи экономическихъ явленій или о лицемеріи съ ихъ стороны. Образованіе производительныхъ ассоціацій съ помощью государства логически вытекаетъ изъ принциповъ экономической политики реалистической школы. Вопросъ сводится лишь къ конкретнымъ формамъ примѣненія этой важной мѣры.

тогда, когда имѣютъ за себя, по крайней мѣрѣ, относительную логичность. Но всемірно-историческіе повороты отъ одной устойчивой системы къ другой (въ данномъ случаѣ къ *соціалистической* или, какъ называетъ ее Дюрингъ, *соціалитарной*) всегда совершаются при посредствѣ *промежуточныхъ образованій, представляющихъ собою смѣшеніе различныхъ принциповъ* *).

Приведенныя мѣста изъ сочиненій Маркса, Лассаля и Дюринга убѣдительно подтверждаютъ высказанное нами положеніе, что между реалистическою школою и научнымъ соціализмомъ нельзя провести рѣзкую границу. Какъ реалистическое, такъ и научно-соціалистическое направленія не признаютъ *абсолютности* какого-бы то ни было общественнаго порядка. Оба одинаково смотрятъ на причины, породившія существующій въ западной Европѣ экономической и политической строй, — на сущность его и на характеръ принциповъ, къ осуществленію которыхъ идетъ европейское общество. Въ частности, оба направленія признаютъ формы пріобрѣтенія собственности и формы владѣнія капиталомъ *историческими*, а не *логическими* категоріями, а слѣдовательно, постоянно измѣняющимися съ измѣненіемъ условий ихъ вызвавшихъ. Оба направленія одинаково признаютъ, что отдѣленіе собственности отъ труда, вытекающее изъ современной капиталистической организаціи, составляетъ самую глубокую причину соціального неурейства и противорѣчій между правовыми понятіями и дѣйствительностью, что оно есть центральный пунктъ «соціального вопроса» и, въ то же время, оба направленія солидарны въ томъ, что приведеніе собственности въ возможно полное соотвѣтствіе

*) Cursus d. National-und Socialökonomie Fünfter Ab., drittes Capit., § 11. 1873 г.

съ трудомъ не можетъ быть сдѣлано разомъ, а что эта великая и трудная задача можетъ быть рѣшена только трудомъ многихъ поколѣній и цѣлымъ рядомъ одна другую дополняющихъ реформъ *). Вопросъ о томъ, какія реформы

*) Воззрѣнія Маркса на ближайшій ходъ развитія народнаго хозяйства вовсе не такъ мрачны, какъ онѣ могутъ представиться изъ рисуемой имъ картины постоянного возрастанія пролетаріата. Достаточно указать на предвидимыя имъ свѣтлыя стороны поступательнаго развитія фабричнаго законодательства, долженствующаго оказать рабочимъ классамъ, въ «переходную» эпоху, громадныя услуги въ дѣлѣ возвышенія ихъ матеріальнаго благосостоянія и умственнаго развитія (см. Капиталь, т. 1, стр. 423—442).

Въ апрѣльской книжкѣ Вѣстника Европы, за 1880 годъ, г. Анненковъ рассказываетъ разговоръ Маркса съ коммунистомъ Вейтлингомъ, только-что прибывшимъ въ Парижъ изъ Германіи въ качествѣ эмигранта. Изъ этого разговора видно, съ какою ненавистью относился всегда Марксъ къ безплодной агитаціи, не имѣющей за себя твердой опоры въ условіяхъ дѣйствительности, агитаціи для осуществленія цѣлей которой еще не назрѣли необходимые соціальныя элементы. Рассказъ г. Анненкова такъ характеристиченъ, что мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ него небольшое извлеченіе.

Въ 1846 году г. Анненковъ посѣтилъ въ Парижѣ Маркса и получилъ отъ него приглашеніе на совѣщаніе, которое должно было состояться на другой день вечеромъ съ Вейтлингомъ, оставившимъ за собой въ Германіи довольно большую партію работниковъ. Совѣщаніе назначалось для того, чтобы опредѣлить, по возможности, общій образъ дѣйствій между руководителями рабочаго движенія. «Собравшись и отрекомендовавшись другъ другу, мы сѣли за небольшой зеленой столикъ, на одномъ узкомъ концѣ котораго помѣстился Марксъ, взявъ карандашъ въ руки и склонивъ свою львиную голову на листъ бумаги, между тѣмъ какъ неразлучный его спутникъ и сотоварищъ по пропагандѣ, высокій, прямой, по-англійски важный и серьезный, Энгельсъ открывалъ засѣданіе рѣчью. Онъ говорилъ въ ней о необходимости между людьми, посвятившими себя дѣлу преобразования труда, объяснить взаимныя свои воззрѣнія и установить одну общую

ведутъ къ цѣли и своевременны, выходить изъ предѣловъ теоретической науки, а относится къ области приложенія научныхъ началъ къ пространственнымъ и временнымъ условіямъ жизни. Въ этой сферѣ профессоръ Вагнеръ можетъ

доктрину, которая могла бы служить знаменемъ для всѣхъ послѣдователей, не имѣющихъ времени или возможности заниматься теоретическими вопросами. Энгельсъ еще не кончилъ рѣчи, когда Марксъ, поднявъ голову, обратился прямо къ Вейтлингу съ вопросомъ: «Скажите же намъ, Вейтлингъ, вы, которые такъ много надѣлали шума въ Германіи своими коммунистическими проповѣдями и привлекли къ себѣ столько работниковъ, лишивъ ихъ мѣсть и куска хлѣба, какими основаніями оправдываете вы свою революціонную и социальную дѣятельность и на чемъ думаете утвердить ее въ будущемъ?» Вейтлингъ, видимо, хотѣлъ удержать совѣщаніе на общихъ мѣстахъ либеральнаго разглагольствованія. Онъ сталъ объяснять, что цѣлью его было не созидать новыя экономическія теоріи, а принять тѣ, которыя всего способнѣе, какъ показала опытъ во Франціи, открыть рабочимъ глаза на ужасъ ихъ положенія, на всѣ несправедливости, которыя по отношенію къ нимъ сдѣлались лозунгомъ правителей и обществъ, научить ихъ не вѣрить уже никакимъ обѣщаніямъ со стороны послѣднихъ и надѣяться только на себя, устраиваясь въ демократическія и коммунистическія общины... Вейтлингъ говорилъ много, часто не ясно и, вѣроятно, говорилъ бы и еще далѣе, еслибы Марксъ, съ гнѣвно-стиснутыми бровями, не прервалъ его и не началъ своего возраженія. Сущность саркастической его рѣчи заключалась въ томъ, что возбуждать населеніе, не давая ему никакихъ твердыхъ, продуманныхъ основаній для дѣятельности, значило просто обманывать его. Возбужденіе фантастическихъ надеждъ ведетъ только къ гибели, а не къ спасенію страдающихъ. Особенно въ Германіи обращаться къ работнику безъ строго-научной идеи и положительнаго ученія равносильно съ пустой и безчестной игрой въ проповѣдники, при которой, съ одной стороны, полагается вдохновенный пророкъ, а съ другой—допускаются только ослы, слушающіе его, разинувъ ротъ... Въ цивилизованной землѣ, какъ Германія, люди безъ положительной доктрины ничего не могутъ сдѣлать, да и ничего не сдѣлали до сихъ поръ,

быть солидаренъ съ Лассалемъ и расходиться съ профессоромъ Brentano *). Лишь по одному вопросу, и притомъ не имѣющему для настоящаго времени практическаго значенія и для рѣшенія котораго нѣтъ достаточныхъ данныхъ, существуетъ нѣкоторое различіе между воззрѣніями большинства представителей реалистической школы и научнымъ социализмомъ. Послѣдній полагаетъ, что социальный міръ идетъ въ организаціи народнаго хозяйства, которая совершенно вытѣснитъ форму частнаго капитала,—мысль, въ которой большинство представителей реалистической школы видитъ

кромѣ шума, вредныхъ вспышекъ и гибели самаго дѣла, за которое принялись. Краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Вейтлинга. Дрожавшимъ отъ волненія голосомъ сталъ онъ доказывать, что человѣкъ, собравшій сотни людей во имя идеи справедливости, солидарности и братской другъ другу помощи подъ одно знамя, не можетъ назваться совсѣмъ пустымъ и празднымъ человѣкомъ, что онъ, Вейтлингъ, утѣшается отъ сегодняшнихъ нападковъ воспоминаніемъ о тѣхъ сотняхъ писемъ и заявленій благодарности, которыя получилъ со всѣхъ сторонъ своего отечества, и что, можетъ быть, скромная подготовительная его работа важнѣе для общаго дѣла, чѣмъ критика и кабинетные анализы доктринъ, вдали отъ страдающаго свѣта и бѣдствій народа. При послѣднихъ словахъ, взбѣшенный окончательно Марксъ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что зазвенѣла и зашаталась лампа на столѣ, и вскочилъ съ мѣста, проговоривъ:—«Никогда еще невѣжество никому не помогло!» Мы послѣдовали его примѣру и тоже вышли изъ-за стола. Засѣданіе кончилось, и покуда Марксъ ходилъ взадъ и впередъ въ необыкновенномъ гнѣвномъ раздраженіи по комнатѣ, я на-скоро распрощался съ нимъ и съ его собесѣдниками и ушелъ домой, пораженный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ.

*) Вагнеръ настаиваетъ *особенно* на широкомъ вмѣшателствѣ государства въ народное хозяйство (см. его Lehrbuch d. Politischen Oeconomie. 1876).

Бrentano ожидаетъ благихъ послѣдствій *по преимуществу* отъ организаціи рабочихъ союзовъ (см. Das Arbeitsverhältniss. 1877 г.).

быть солидаренъ съ Лассалемъ и расходиться съ профессоромъ Brentano *). Лишь по одному вопросу, и притомъ не имѣющему для настоящаго времени практическаго значенія и для рѣшенія котораго нѣтъ достаточныхъ данныхъ, существуетъ нѣкоторое различіе между воззрѣніями большинства представителей реалистической школы и научнымъ социализмомъ. Послѣдній полагаетъ, что социальный міръ идетъ въ организациі народнаго хозяйства, которая совершенно вытѣснитъ форму частнаго капитала,—мысль, въ которой большинство представителей реалистической школы видитъ

кромѣ шума, вредныхъ вспышекъ и гибели самаго дѣла, за которое принялись. Краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Вейтлинга. Дрожавшимъ отъ волненія голосомъ сталъ онъ доказывать, что человѣкъ, собравшій сотни людей во имя идеи справедливости, солидарности и братской другъ другу помощи подъ одно знамя, не можетъ назваться совсѣмъ пустымъ и празднымъ человѣкомъ, что онъ, Вейтлингъ, утѣшается отъ сегодняшнихъ нападковъ воспоминаніемъ о тѣхъ сотняхъ писемъ и заявленій благодарности, которыя получилъ со всѣхъ сторонъ своего отечества, и что, можетъ быть, скромная подготовительная его работа важнѣе для общаго дѣла, чѣмъ критика и кабинетные анализы доктринъ, вдали отъ страдающаго свѣта и бѣдствій народа. При послѣднихъ словахъ, взбѣшенный окончательно Марксъ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что зазвенѣла и зашаталась лампа на столѣ, и вскочилъ съ мѣста, проговоривъ:—«Никогда еще невѣжество никому не помогло!» Мы послѣдовали его примѣру и тоже вышли изъ-за стола. Засѣданіе кончилось, и покуда Марксъ ходилъ взадъ и впередъ въ необыкновенномъ гнѣвномъ раздраженіи по комнатѣ, я на-скоро распрощался съ нимъ и съ его собесѣдниками и ушелъ домой, пораженный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ».

*) Вагнеръ настаиваетъ *особенно* на широкомъ вмѣшателствѣ государства въ народное хозяйство (см. его Lehrbuch d. Politischen Oeconomie. 1876).

Бrentano ожидаетъ благихъ послѣдствій *по преимуществу* отъ организациі рабочихъ союзовъ (см. Das Arbeitsverhältniss. 1877 г.).

претензію опредѣлять слишкомъ подробно формы будущаго общественнаго порядка. Реалистическая школа стоитъ уже теперь за расширеніе размѣровъ государственнаго и ассоціаціоннаго хозяйствъ, выводитъ изъ дѣйствій силъ конкуренціи, что эти двѣ формы хозяйствъ неизбежно будутъ расширяться; но представится ли цѣлесообразнымъ совершенное вытѣсненіе формъ частнаго хозяйства, — рѣшеніе этого вопроса, по ея мнѣнію, возможно было бы лишь тогда, еслибы мы могли знать орудія производства и психически-нравственную жизнь удаленныхъ отъ насъ на значительное время будущихъ поколѣній.

Въ виду тождества научнаго фундамента реалистической школы и научнаго социализма, единства взгляда на смыслъ реформъ, вызываемыхъ современными социальными противорѣчіями, Манчестерцы имѣли полное основаніе назвать представителей реалистической школы «Katheder socialisten».

Выяснивъ отношеніе реалистической школы къ научному социализму, намъ остается, для полноты обрисовки послѣдняго, указать:—какую организацію въ главныхъ чертахъ приняло бы народное хозяйство съ осуществленіемъ основнаго принципа социализма, заключающагося въ замѣнѣ экономическаго порядка, основаннаго на частномъ капиталѣ и конкуренціи, экономическимъ порядкомъ съ коллективной организаціей труда и распределеніемъ продуктовъ по количеству труда каждаго производителя. Только ознакомившись съ этою организаціею, можно ясно понять: *безъ наличности какихъ социальныхъ условий осуществленіе социализма дѣлается или невозможнымъ, или противорѣчающимъ развитію культуры, а также — какое значительное время потребуется для образованія этихъ условий.* Только профаны въ социологіи и мало знакомые съ дѣйствительною жизнію фантазеры могутъ считать возможнымъ осуществле-

ніе въ любое время соціалистическихъ идеаловъ. Къ сожа-
лѣнію, такой взглядъ на соціализмъ,—какъ на систему,
выполненіе которой зависитъ только отъ воли правящихъ
классовъ,—весьма распространенъ въ западно-европейскихъ
рабочихъ классахъ и между полуобразованными агитато-
рами *). Лучшимъ средствомъ борьбы съ этимъ заблужде-
ніемъ, говоритъ Шеффле, есть распространеніе идей науч-
наго соціализма. Распространеніе этихъ идей онъ считаетъ
важнѣйшимъ дѣломъ людей науки. Этимъ только путемъ, а
не глумленіемъ надъ соціализмомъ, умысленнымъ искаже-
ніемъ его, толкованіемъ его вкривъ и вкось вслѣдствіе не-

*) Едва ли нужно упоминать о томъ, что соціаль-демократическое
движеніе и движеніе революціонно-соціалистическое различаются между
собой весьма существенными чертами. Первое движеніе гораздо шире
второго. Оно включаетъ въ себя всѣхъ стремящихся къ доставленію
рабочему классу политическаго преобладанія съ цѣлью провести въ
жизнь широкія демократическо-соціальныя реформы. Въ средѣ соціаль-
демократической партіи есть многолюдная и въ послѣднее время, по мѣрѣ
распространенія идей Маркса среди рабочихъ классовъ, все болѣе и бо-
лѣ расширяющаяся фракція, которая смотритъ на соціалистическую
схему лишь какъ на болѣе или менѣе отдаленный идеалъ, осуществле-
ніе котораго можетъ быть достигнуто только путемъ цѣлой серіи пе-
реходныхъ мѣръ. Но такъ какъ проведеніе этихъ переходныхъ мѣръ
требуетъ содѣйствія государства, изданія новыхъ законовъ, и въ
то же время существенно нарушаетъ интересы класса работодателей,
въ рукахъ котораго находится политическая власть,—то, въ виду
этого, соціаль-демократическое движеніе поставило своей ближай-
шей задачей пріобрѣтеніе рабочимъ классомъ политическаго господ-
ства. Соціаль-демократическое движеніе становится тѣмъ болѣе зрѣ-
лымъ, опирающимся на твердую почву явленій современной дѣйстви-
тельности, чѣмъ болѣе умалется фракція сторонниковъ немедленнаго
и полнаго устраненія системы частно-промышленныхъ хозяйствъ и
наемнаго труда.

законства съ нимъ, могутъ быть подавлены различныя невѣжественныя и опасныя пристройки къ нему *).

§ 3. Основной экономической принципъ современнаго социализма заключается въ организаціи общественнаго производства на базисѣ коллективнаго капитала и въ распредѣленіи продуктовъ по количеству труда каждаго производителя.

Въ настоящее время каждый владѣющій капиталомъ даетъ ему то или другое производительное назначеніе *по своему усмотрѣнію*, мотивированному исключительно желаніемъ получить наибольшую прибыль отъ предиріятія. По социалистической схемѣ, средства производства (капиталъ) составляютъ общественную собственность и устанавливается общественная организація труда, выполняемая въ планомѣрной и солидарной дѣятельности громаднаго числа небольшихъ хозяйственныхъ общинъ. Принципомъ такого общественнаго порядка является уже не частный интересъ лица, ассоціаціи или общины, а сознаніе взаимности интересовъ и взаимной помощи какъ частей цѣлому, такъ и цѣлаго частямъ. Собраніе данныхъ о количествѣ потребностей на каждый родъ предметовъ и приведеніе удовлетворенія потребностей въ соотвѣт-

*) Мы убѣждаемся ежедневно, говоритъ Шеффле, какое безчисленное количество ложныхъ представленій о социализмѣ существуетъ въ средѣ имущихъ и образованныхъ классовъ и въ прессѣ. Весьма часто приходится слышать и читать, что «социалистическая система отрицаетъ собственность», или что она имѣетъ цѣлью «періодическое раздѣленіе имуществъ», или что она «уничтожаетъ капиталъ» и тому подобный вздоръ; и социалистическая пресса съ полнымъ правомъ бичуетъ эти ложныя представленія, какъ «плоское невѣжество или умышленное искаженіе». Публицисты часто съ благороднымъ негодованіемъ доказываютъ «безуміе» социализма, какъ стремящагося къ уничтоженію капитала, не понимая, что, въ этомъ случаѣ, они борются не съ социализмомъ, а съ вѣтреными мельницами. «Die Quintessenz d. Socialismus». S. I. 18. 20. 56.

ствіе съ наличными рабочими силами возлагается на общины и официальные статистическія учрежденія. Общины свидѣтельствуютъ количество труда, исполненнаго каждымъ изъ членовъ, чѣмъ и опредѣляется сумма продуктовъ, причитающаяся лицу. Вознагражденіе нематеріальнаго труда (судей, общественныхъ агентовъ, учителей, ученыхъ, художниковъ и пр.) опредѣляется обществомъ по принципамъ заслуги и пользы. Возможные, особенно въ земледѣльческой промышленности, недостатокъ или излишекъ дѣйствительнаго дохода сравнительно съ нуждами каждаго періода, опредѣляющими планъ производства, уравниваются посредствомъ общественныхъ запасовъ. Съ установленіемъ *коллективнаго владѣнія капиталомъ и общественной организаціи труда* сами собою исчезаютъ: частныя промышленныя предпріятія, классы капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ, и всевозможныя ренты. Изъ національнаго продукта одна часть назначается для удовлетворенія государственныхъ нуждъ и вознагражденія общественныхъ агентовъ, другая — для содержанія разныхъ полезныхъ общественныхъ учрежденій и, наконецъ, остающаяся часть распредѣляется между гражданами, по количеству исполненнаго каждымъ изъ нихъ труда.

Очевидно, вся программа социализма совершенно противорѣчить весьма распространенному мнѣнію о немъ, какъ о періодическомъ раздѣлѣ частныхъ имуществъ.

Изложенное представляетъ фундаментъ социализма. Теперь перейдемъ къ рассмотрѣнію примѣненій *основнаго принципа* къ отдѣльнымъ главнымъ категоріямъ народнаго хозяйства: къ потребностямъ, производству, обмѣну, кредиту, доходу, потребленію и образованію частнаго имущества.

Первый вопросъ каждой экономической организаціи заключается въ исчисленіи количества и рода потребностей общества. Въ современной частно-хозяйственной системѣ раз-

мѣръ требованій, могущихъ быть предъявленными каждымъ отдѣльнымъ лицомъ на продукты общественнаго труда, обусловливается находящейся въ его распоряженіи покупательною силою, распредѣленіе которой опредѣляется различными условіями и совершенно чуждо классификаціи потребностей общества по степени большей или меньшей ихъ настоятельности. Далѣе, производство ведется не на основаніи точнаго знанія спроса на предметы, а въ значительной степени на удачу, что и порождаетъ частыя банкротства. Но, рядомъ съ этими недостатками частно-хозяйственной системы, послѣдняя заключаетъ въ себѣ ту хорошую сторону, что представляетъ полную свободу въ выборѣ предметовъ для удовлетворенія потребностей, разъ только имѣются у лица средства для покупки желаемыхъ имъ предметовъ. Какія бы великія блага ни сулилъ социализмъ, но если онъ не имѣетъ въ виду или не въ состояніи примѣнить на практикѣ свободное заявленіе и удовлетвореніе потребностей, онъ долженъ отказаться отъ надежды видѣть себя когда-либо осуществленнымъ. Свобода опредѣленія и удовлетворенія своихъ потребностей есть безспорно важнѣйшая сторона свободы вообще. При опредѣленіи потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія *извнѣ*, у каждаго будетъ отнята возможность жить и развиваться сообразно своей индивидуальности. Поэтому, одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, съ которымъ мы обращаемся къ социалистической схемѣ, есть вопросъ о томъ: допускаетъ ли она индивидуальную свободу опредѣленія потребностей?

Уничтоженіе частныхъ промышленныхъ предпріятій и спекулятивной торговли ничуть не имѣетъ своимъ слѣдствіемъ устраненіе свободы опредѣленія потребностей. Общественно-организованное производство можетъ столь же полно осуществить свободу удовлетворенія потребностей, путемъ еже-

дневнаго, еженедѣльнаго, мѣсячнаго, годоваго и вообще періодическаго собранія статистическихъ свѣдѣній, какъ это осуществляется въ частно-хозяйственной системѣ посредствомъ заявленія каждымъ спроса на рынкѣ. Но здѣсь представляется новый вопросъ:—чѣмъ будетъ ограничено заявляемое лицомъ требованіе на различные продукты? Изъ изложеннаго мы знаемъ, что въ социалистической системѣ распределеніе продуктовъ національнаго труда между гражданами обусловливается количествомъ исполненнаго каждымъ изъ нихъ рабочаго времени. Но, очевидно, одного этого элемента недостаточно для опредѣленія количества предметовъ, причитающагося на долю каждаго отдѣльнаго лица; необходимо знать еще количество труда, заключающееся въ предметахъ, на которые лицомъ заявлено требованіе. Только при наличности этихъ двухъ данныхъ можно установить равновѣсіе между заявленными требованіями и удовлетвореніемъ ихъ. Слѣдовательно: *первое техническое требованіе для возможности осуществленія социалистическаго народнаго хозяйства заключается въ опредѣленіи количества труда, заключеннаго въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ, производимомъ національнымъ трудомъ.*

Переходя отъ вопроса объ опредѣленіи потребностей къ организациі національнаго производства, замѣтимъ, что измѣненіе формъ производства составляетъ центральный пунктъ, опредѣляющій собою всѣ прочія стороны социалистическаго порядка. Въмѣсто самоопредѣляющагося, въ настоящее время, частнаго капитала выступаетъ общественно-организованное производство, оперирующее коллективнымъ капиталомъ.

Въ современномъ хозяйствѣ организаторомъ производства являются хозяева промышленныхъ предпріятій. Руководясь желаніемъ наибольшей прибыли, они опредѣляютъ количество и родъ предметовъ, долженствующихъ быть произведенными

трудомъ народа, устанавливають порядокъ и время работъ на фермѣ, внутри мастерской, фабрики, завода, опредѣляютъ техническіе способы производства предметовъ, слѣдятъ за надлежащимъ выполненіемъ работъ и поставляютъ произведенные предметы на рынки. Съ замѣною частнаго капитала коллективнымъ, организація производства становится дѣломъ цѣлой націи, какъ единственнаго собственника капитала. Естественно, возникаетъ вопросъ:—какую программу практическихъ мѣръ проектируетъ современный социализмъ для организаціи общественнаго производства?

Такой программы мы не находимъ у социализма. Социалистическіе писатели ограничиваются пока критикою существующаго порядка и установленіемъ краеугольныхъ камней новаго социальнаго строя. И причина, заставляющая ихъ воздержаться отъ разработки положительной программы, весьма понятна. Они сознаютъ, что осуществленіе социалистическаго строя, во всемъ его объемѣ, возможно еще очень не скоро. Должны произойти еще большія измѣненія въ экономической и политической сферахъ, техникѣ, состояніи образованія, понятіяхъ, нравахъ, которыя, по ихъ мнѣнію, подготовятъ почву социализму. Обсужденіе упомянутой программы можетъ быть основано лишь на тѣхъ жизненныхъ условіяхъ, которыя будутъ на лицо ко времени перехода къ социалистическому порядку; опредѣлить же, въ настоящее время, въ требуемыхъ деталяхъ, каковы будутъ эти условія—невозможно, почему и самое обсужденіе программы преждевременно. Социализмъ находится въ настоящее время еще въ первой стадіи своего практическаго развитія. Послѣдователи его, главнымъ образомъ,—городскіе рабочіе, и пройдетъ значительное время, пока онъ распространится среди сельскихъ работниковъ.

Наиболѣе глубокой изъ социалистическихъ писателей,

Марксъ, ограничивается лишь указаніемъ на общій ходъ развитія европейскаго общества, идущій, по его мнѣнію, неизбѣжно къ осуществленію соціалистическаго порядка и на основные принципы этого порядка. Мы уже имѣли случай коснуться воззрѣній Маркса по этому предмету. Здѣсь же будетъ уместно привести эти его воззрѣнія болѣе подробно.

Современный крупный капиталъ, говоритъ Марксъ, произошелъ и продолжаетъ увеличиваться черезъ уничтоженіе мелкой ремесленной промышленности и крестьянскаго хозяйства. Эти патриархальныя хозяйственныя формы, исключая сосредоточеніе въ большихъ массахъ орудій производства въ рукахъ отдѣльнаго лица, исключаютъ въ то же время и кооперацію, значительное раздѣленіе труда въ данномъ процессѣ производства, господство надъ природою, словомъ, исключаютъ развитіе общественной производительной силы. Въ этомъ недостатокѣ производительности мелкой промышленности заключается причина, почему на извѣстной ступени общественнаго развитія, она начинаетъ исчезать, уступая свое мѣсто крупному производству. Уничтоженіе мелкой промышленности, обращеніе индивидуальных и разрозненныхъ средствъ производства въ крупныя, общественно сосредоточенныя, — эта фактическая, законами конкуренціи порожаемая экспропріація земли и орудій труда у народа образуетъ первоначальную исторію современнаго крупнаго капитала. Коль скоро этотъ процессъ превращенія и въ глубину и въ ширину достаточно разложилъ старое общество, коль скоро прежніе самостоятельные ремесленники и крестьяне превращены въ пролетаріевъ, а ихъ орудія производства въ новѣйшій крупный капиталъ, наступаетъ борьба капиталовъ между собою; крупные капиталы побиваютъ — во второй ступени развитія — мелкіе капиталы. Рука объ руку съ этимъ сосредоточеніемъ капиталовъ развивается *все въ боль-*

шихъ и большихъ размѣрахъ внутри частнаго капитала *кооперативная (общественная)* форма труда, сознательное технологическое приложеніе науки, усовершенствованная эксплуатация земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ прилагаться только сообща и вслѣдствіе всего этого высшее экономизированіе труда. вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся *относительнымъ* числомъ магнатовъ капитала, которые монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, увеличивается социальная пропасть между имущими и неимущими классами, усиливаются ощущенія бѣдности, эксплуатации, униженія и, какъ слѣдствіе, растутъ ропотъ и протесты рабочаго класса, который постоянно увеличивается и постоянно обучается, *объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства*. Антагонизмъ общественныхъ отношеній, развившихся на капиталистической почвѣ, достигаетъ крайняго напряженія. Сосредоточеніе средствъ производства и *кооперативная* организациа труда достигаютъ такихъ крупныхъ размѣровъ, что они не могутъ далѣе выносить свою капиталистическую оболочку. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Реализуются новыя основанія социальнаго строя. Капиталистическій процессъ производства и присвоенія есть отрицаніе частной собственности, основанной на трудѣ. Отрицаніе капиталистическаго производства производится имъ же самимъ съ неизбѣжностью естественнаго процесса. Снова возстанавливается собственность на *принципъ труда*, но уже на основаніи *пріобретеній капиталистической эры*, именно на основаніи *кооперациі свободныхъ работниковъ и ихъ общиннаго владенія землею и средствами производства*, произведенными самими работниками *).

*) Капиталь, стр. 648—650.

Предсказать въ настоящее время, говоритъ Дюрингъ, всю обстановку и обстоятельства, при какихъ совершится преобразование хозяйственныхъ формъ, социальная наука не можетъ по самой природѣ изслѣдуемыхъ ею фактовъ. Истиннымъ остается только то основное положеніе, что подобное состояніе дѣлъ можетъ наступить не ранѣе того времени, когда вмѣсто современнаго господства капитала надъ трудомъ, послѣдній поставитъ капиталъ подъ свое распоряженіе и декретируетъ условія перехода къ новымъ хозяйственнымъ формамъ. Въ какое положеніе будетъ поставленъ въ переходное время прежній классъ капиталистовъ, въ настоящее время усмотрѣть невозможно; но очевидно, это будетъ зависѣть отъ характера борьбы, предшествующей переходному времени. Юго-американскіе рабовладѣльцы не получили никакого вознагражденія при уничтоженіи ихъ права собственности на людей. Побѣдившій коллективизмъ, уже по природѣ совершаемаго имъ дѣла, долженъ поступить иначе, нежели американскій союзъ, ибо основной принципъ, который онъ несетъ съ собою, состоитъ въ обеспеченіи всесторонняго существованія каждаго члена общества; а потому, въ переходное время, онъ долженъ будетъ привнать во вниманіе многія традиціонныя особенности класса землевладѣльцевъ и капиталистовъ и ради гуманности сдѣлать для нихъ временныя уступки *).

Вопросъ о *правѣ* перехода къ новому порядку вещей не представляетъ для социалистическихъ писателей ни малѣйшаго сомнѣнія. Они говорятъ:— буржуа *имѣетъ право на то, что онъ приобрѣлъ при существующемъ капиталистическомъ промышленномъ строѣ, и приобретенное будетъ въ той или другой формѣ цѣнности сохранено за нимъ,*

*) Cursus d. National-und Socioeconomie. s. 381. 1873.

как фондъ для потребленія; но странно было бы съ его стороны предъявлять притязаніе на сохраненіе на вѣчныя времена выгодныхъ для него и убыточныхъ для народа промышленныхъ формъ. Реализація новаго соціального строя совершится въ силу исторической необходимости и съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ буржуазія уничтожила феодальный строй и провозгласила новыя права личности и народа.

Вернемся къ вопросу о важнѣйшихъ чертахъ социалистическаго идеала народнаго хозяйства, вытекающихъ, какъ логическіе результаты, изъ принципа коллективнаго капитала и распределенія продуктовъ по количеству труда *).

Социалистическое государство должно представить собою федерацію общинъ различныхъ размѣровъ, автономныя права коихъ должны быть сгармонированы съ общими интересами государственной жизни. Каждая община владѣетъ самостоятельно, въ размѣрѣ ея автономныхъ правъ, частью національнаго капитала и удовлетворяетъ *непосредственно большую часть своихъ потребностей*.

Переходъ изъ одной общины въ другую въ принципѣ объявляется свободнымъ и ограниченія этого перехода, если таковыя окажутся нужными, опредѣляются общими законами государства.

Такое представленіе социализмомъ строя будущаго государства находится въ самой тѣснѣйшей, даже болѣе, въ безусловно-необходимой связи съ его экономической схемой. Только при широкой политической и экономической автономіи общинъ возможно осуществленіе основнаго социалистическаго принципа. Никакой центральный органъ не въ со-

*) О примѣненіи основныхъ принциповъ социализма къ различнымъ хозяйственнымъ категориямъ см. кн. Шеффле—Die Quintessenz d. Socialismus. 1878.

стояніи выполнить громадную задачу управленія національнымъ хозяйствомъ, не говоря уже о томъ, что, при управленіи національнымъ хозяйствомъ *изъ центра*, общественная жизнь приняла бы казарменный характеръ въ полномъ значеніи этого слова. На сколько, при такомъ руководствѣ, нарушена была бы личная свобода, видно уже изъ одного того, что правительству пришлось бы опредѣлять для каждаго мѣсто жительства, родъ труда, переходы съ одного мѣста въ другое, перемѣны въ промышленныхъ занятіяхъ и т. п. И потому, если социализмъ въ полномъ объемѣ можетъ когда либо осуществиться, то лишь только при широкомъ проведеніи въ жизнь федеративнаго начала. Отсюда само собою слѣдуетъ, что, *прежде реализаціи въ сколько-нибудь значительномъ объемѣ социалистической схемы, необходимо организовать автономныя хозяйственныя общины, которыя непосредственнымъ трудомъ удовлетворяли бы значительнѣйшую часть своихъ потребностей*. Въ такой организаціи необходимо соединить въ общинѣ земледѣліе съ промышленностью обрабатывающею, которыя производили бы бѣльшую часть нужныхъ для членовъ общины предметовъ. Отсюда видно, *какое продолжительное время потребуется для выполненія подготовительныхъ мѣръ, въ направленіи децентрализаціи народнаго хозяйства, къ осуществленію социалистической схемы*. Въ виду этого сами социалистическіе писатели, какъ мы уже говорили, признаютъ необходимость переходнаго времени, въ теченіе котораго принципы коллективизма, осуществляясь постепенно, дѣйствовали бы рядомъ съ системою конкурренціонныхъ, индивидуальныхъ хозяйствъ.

Нельзя не согласиться, что устроенныя вышеуказаннымъ образомъ общины были бы въ состояніи, безъ затрудненій, исчислить роды и количества предметовъ, требуемыхъ инди-

видуальными потребностями членовъ, опредѣлить количество рабочей силы, нужной для производства различныхъ продуктовъ и установить равновѣсіе между этими двумя *факторами*. Самая организація труда, будучи свободнымъ рѣшеніемъ воли общины, не представила бы такихъ затрудненій, которыя нельзя было бы преодолѣть иначе, какъ нарушивъ индивидуальность и чувство справедливости членовъ *). Истину говоритъ Милль, что социализмъ, какъ общественная система, существуетъ пока только въ идеѣ, что для насъ теперь гораздо виднѣе его затрудненія, чѣмъ его средства къ ихъ устраненію, и что человѣческой умъ только начинаетъ придумывать способы организовать его въ подробностяхъ такъ, чтобы побѣдить затрудненія и извлечь наибольшую выгоду изъ представляемыхъ имъ средствъ **). Далѣе, весьма важно не упускать изъ виду, что эти затрудненія будутъ болѣе и болѣе уменьшаться по мѣрѣ замѣны ремесленного и вообще ручнаго труда машиннымъ трудомъ. *Машины уравниваютъ обстановку работъ и требуютъ столь ничтожной технической подготовки, что перемѣна занятій становится дѣломъ удобовыполнимымъ*. Въмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ социалистическая система устраняетъ наемную домашнюю прислугу, то можно надѣяться, что совершатся самыя капитальныя реформы въ области домашней кухни, чистки бѣлья, освѣщенія, отопленія. Исполненіе работъ, лежащихъ въ настоящее время на домашней прислугѣ, должно облегчиться частію чрезъ химическія и механическія изобрѣтенія, частью чрезъ различныя ассоціаціонныя учрежденія. Эта область труда, вслѣдствіе деше-

*) См. Описаніе американскихъ общинъ въ соч. Нордгофа. *Communistic Societies of the United States*. 1875.

***) Основ. Пол. Эк. Т. I, стр. 254.

визны домашней прислуги, почти не тронута повѣйшимъ техническимъ прогрессомъ и социализмъ считаетъ своею важнѣйшею задачею произвести въ ней существенныя усовершенствованія.

Съ точки зрѣнія современныхъ нравовъ и привычекъ организація труда представляетъ социализму самую трудную задачу. Здѣсь ему нужно преодолѣть наибольшее число затрудненій. Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о весьма распространенномъ мнѣнii, видящемъ слабую сторону социалистической системы въ недостаточности заключающихся въ ней мотивовъ къ производительности труда. Указываютъ на малую успѣшность современныхъ правительственныхъ промышленныхъ предпріятій и утверждаютъ, что такая нехозяйственность станетъ общимъ фактомъ при социалистической организаціи народнаго хозяйства. Это возраженіе предполагаетъ, что добросовѣстный и успѣшный трудъ можетъ получаться лишь отъ людей, которые сами лично пользуются плодами своихъ усилій, и если, въ настоящее время, работники не заинтересованы въ результатахъ своего труда, то за ними наблюдаютъ, ихъ трудомъ управляютъ люди, имѣющіе личный интересъ. Но на это возраженіе социалисты справедливо замѣчаютъ, что правительственныя промышленныя предпріятія и промышленныя предпріятія въ социалистической организаціи не имѣютъ въ отношеніи мотивовъ производительности труда ничего общаго. Управляющіе и рабочіе на государственныхъ фабрикахъ не имѣютъ, конечно, никакого частнаго интереса производить наиболѣе хозяйственнымъ образомъ. Они получаютъ отъ государства жалованье и совершенно не заинтересованы въ результатахъ труда. Совершенно другое въ социалистической организаціи, *гдѣ каждый получитъ тѣмъ болѣе дохода, чѣмъ успѣшнѣе будутъ работать онъ самъ и его товарищи.*

Если въ настоящее время за рабочими наблюдаетъ хозяинъ промышленнаго предпріятія, то на социалистической фермѣ или фабрикѣ каждый работникъ трудится подѣ контролемъ не одного хозяина, а всѣхъ членовъ ассоціаціи. И потому несомнѣнно, социалистическій трудъ былъ бы несравненно производительнѣе современнаго наемнаго труда, который вовсе не имѣетъ личнаго интереса въ результатахъ труда и контроль надъ которымъ не можетъ быть такъ непрерывенъ и вліятеленъ, какъ контроль взаимно заинтересованныхъ сотрудниковъ. Далѣе, нельзя не вспомнить глубокаго замѣчанія Милля по поводу разбираемаго имъ вопроса о сравнительной производительности нынѣшняго наемнаго труда и труда коммунистическаго *). «Если коммунистическій трудъ, говоритъ Милль, и былъ бы менѣе энергиченъ, чѣмъ трудъ поселяннина-собственника, или ремесленника, работающаго на свой собственный счетъ, то, вѣроятно, онъ былъ бы энергичнѣе, чѣмъ трудъ наемнаго работника. При нынѣшнемъ положеніи общества самый яркій фактъ составляетъ небрежность невоспитанныхъ классовъ наемныхъ работниковъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей. А по коммунистическому плану предполагается, что непременно всѣ должны получать воспитаніе; при этомъ же условіи члены ассоціаціи несомнѣнно будутъ исполнять свои обязанности столь же прилежно, какъ исполняются онѣ большинствомъ наемныхъ служащихъ средняго и высшаго сословія; а эти служащіе не имѣютъ такой репутаціи, будто бы они становятся недобросовѣстными отъ того, что, пока не уда-

*) Замѣтимъ, что коммунистическая организація, въ которой продукты дѣлятся по-ровну, уступаетъ, по силѣ возбужденія къ труду, социалистической организаціи, гдѣ доходъ каждаго опредѣляется исполненнымъ имъ трудомъ.

лены отъ службы, получаютъ одинаковое опредѣленное жалованье, какъ бы небрежно не исполняли свою обязанность. Конечно, говоря вообще, вознагражденіе посредствомъ опредѣленнаго жалованья не развиваетъ ни въ какомъ классѣ служащихъ усердія до наивысшей возможной степени, и развѣ только это, а никакъ не больше, можно сказать противъ коммунистическаго труда. Но можно ли сказать, что онъ непременно будетъ подверженъ хотя этому недостатку? Это вовсе не такъ несомнѣнно, какъ полагаютъ люди, мало привыкшіе думать о положенія дѣлъ, различныхъ отъ привычнаго имъ порядка. Люди способны проникаться общественнымъ духомъ гораздо въ большей степени, чѣмъ привыкли предполагать въ нынѣшнее время. Исторія свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ, съ которыми многочисленныя человѣческія общества могутъ привыкать къ тому, чтобы считать общественную выгоду своею собственною. Коммунистическая ассоціація была бы самою выгодною почвою для развитія этого чувства, потому что все честолюбіе, вся физическая и умственная дѣятельность, которая теперь занята заботами о частныхъ личныхъ выгодахъ, стали бы искать тогда занятія въ другой сферѣ и естественно нашли бы его въ заботахъ объ общей пользѣ ассоціаціи. Въ коммунизмѣ гражданинъ былъ бы связанъ съ общиною тою же самою причиною, которой такъ часто объясняли преданность католическаго священника или монаха интересамъ его сословія; онъ не имѣлъ бы интересовъ, различныхъ отъ общаго интереса. Независимо отъ сочувствія общей пользѣ, каждый членъ ассоціаціи подчинялся бы вліянію самаго всеобщаго и едва ли не самаго сильнаго изъ личныхъ побужденій—вліянію общественнаго мнѣнія. Никто не станетъ оспаривать, что это побужденіе съ очень большою силою удерживаетъ насъ отъ поступковъ, положительно порицаемыхъ обществомъ. Соревнованіе также возбуждаетъ

къ самымъ энергическимъ усилямъ для пріобрѣтенія по хвалы и удивленія другихъ; объ этомъ свидѣтельствуеъ опытъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ люди публично состязаются между собою, хотя бы даже предметъ состязанія былъ пустъ и бесполезенъ для общества. Соціалисты вовсе не отвергають соперничества, состоящаго въ состязаніи о томъ, кто сдѣлаеъ больше для общаго блага. Такимъ образомъ, много ли уменьшилась бы коммунизмомъ энергія труда, да и подвергалась ли бы она какому-нибудь уменьшенію въ общей сложности, — этотъ вопросъ долженъ считаться еще неразрѣшеннымъ въ настоящее время *).

Принципъ соціализма противорѣчитъ не только частной собственности на *орудія производства*, но также всякому частному владѣнію, служащему источникомъ дохода, то есть всему современному *процентному кредиту, найму, арендамъ*.

Что въ соціалистической организаціи нѣтъ мѣста частному кредиту, вызываемому потребностями производства, это само собою слѣдуетъ изъ установленія коллективнаго капитала, устраняющаго условія для возникновенія частныхъ предпріятій. Что же касается потребительнаго кредита и отдачи предметовъ во временное пользованіе, то эти услуги могутъ совершаться лишь безвозмездно, ибо всякое вознагражденіе за нихъ, какъ противорѣчащее нравственнымъ понятіямъ соціализма, признающимъ трудъ единственно правильнымъ источникомъ дохода, будетъ воспрещено закономъ и преслѣдоваться общественнымъ мнѣніемъ. Государственный кредитъ также исчезаетъ, такъ какъ выполнение всѣхъ потребностей государства войдетъ въ общественную организацію труда и распределенія.

*) Основ. Пол. Эк. Т. I, стр. 253.

Организація торговли, обусловливаемая всегда данными порядками производства и распредѣленія, естественно должна принять въ социалистическомъ народномъ хозяйствѣ иную, сравнительно съ настоящимъ, формы. Изъ самаго устройства самостоятельныхъ общинныхъ хозяйствъ вытекаетъ, что торговля, какъ совершенно отдѣльная, обособленная операція, значительно уменьшится въ размѣрахъ; *поле дѣятельности ея будетъ самое тѣсное*. И это потому, что мѣновыя отношенія между сосѣдними общинами будутъ входить въ кругъ дѣятельности этихъ общинъ. Въ то же время серія общинъ извѣстнаго района будетъ производить для себя почти всѣ предметы потребления. Торговля, какъ обособленная операція, станетъ необходимою только для снабженія общинъ тѣми предметами, которые, по климатическимъ или другимъ естественнымъ причинамъ, добываются лишь въ извѣстной странѣ или мѣстности. Для выполненія торговли, какъ обособленной операціи, предполагается учрежденіе центрального бюро, которое будетъ получать отъ каждой общины свѣдѣнія о родѣ и количествѣ продуктовъ торговли, въ которыхъ она нуждается; далѣе будутъ собраны данныя о количествѣ добытыхъ предметовъ торговли и установленъ реестръ эквивалентовъ для обмѣниваемыхъ продуктовъ. Дальнѣйшія обязанности бюро заключаются: въ распредѣленіи между общинами требуемыхъ ими предметовъ, въ отправкѣ ихъ съ мѣста добыванія или пункта привоза изъ-за границы въ общины и въ полученіи съ послѣднихъ слѣдующаго за предметы эквивалента для передачи его по принадлежности. Самая же транспортировка предметовъ торговли можетъ быть исполняема точно такъ же, какъ исполняютъ нынѣ почтовые учрежденія транспортировку писемъ и посылокъ. И тѣ же хозяйственныя выгоды, какія извлекаются нынѣ отъ учрежденій государственной почты, вмѣсто част-

ной, получатся отъ замѣны массы частныхъ торговцевъ и служащихъ у нихъ людей общественно-организованною торговлею, которая потребуеть несравненно меньшее число людей и помѣщеній. Дѣятельность лицъ, выполняющихъ торговыя операціи, будетъ имѣть значеніе общественной службы.

Установленіемъ коллективной собственности на *пути сообщенія*, что имѣеть, въ значительной степени, мѣсто уже и въ настоящее время, не устраняется возможность свободного пользованія ими для частныхъ цѣлей, какъ, на примѣръ, путешествій, отправки посылокъ и т. п. Каждый можетъ осуществить это, уплачивая изъ своего трудового дохода опредѣленное вознагражденіе за пользованіе государственною собственностью для своего частнаго интереса.

Изъ проектируемыхъ социализмомъ организаціи производства, обмѣна, торговли и опредѣленія цѣнности предметовъ и личныхъ услугъ само собою вытекаетъ, что въ социалистическомъ государствѣ нѣтъ мѣста деньгамъ. Единственное поле ихъ дѣятельности сохранится лишь въ торговыхъ отношеніяхъ съ государствами, гдѣ народное хозяйство зиждется на принципѣ частной собственности на орудія производства.

Въ настоящее время деньги выполняютъ двѣ главныя функціи. Онѣ служатъ *общею мѣрою* цѣнности всѣхъ предметовъ, *универсальнымъ эквивалентомъ* и, — какъ слѣдствіе изъ этого, — *общимъ платежнымъ средствомъ*.

По социалистической схемѣ, мѣрою цѣнности каждаго предмета является *среднее количество труда*, необходимое для его производства. Установленіе цѣнности предметовъ по количеству заключающагося въ нихъ средняго труда или, какъ формулируетъ Марксъ, по *общественно-необходимому рабочему времени*, требуемому для ихъ созданія, составляетъ и теоретически, и практически краеугольный камень со-

ціалізма. Поэтому разсмотримъ подробности эту идею. Коренная причина, порождающая цѣнность предмета, заключается въ необходимости приложить трудъ на его созданіе. Самые необходимѣйшіе предметы, какъ, на примѣръ, свѣтъ, солнечная теплота, воздухъ, вода, не требующіе для полученія ихъ труда, не имѣютъ никакой экономической цѣнности. Естественный фактъ, по которому трудъ служитъ причиною цѣнности, есть источникъ происхожденія современнаго правового понятія, видящаго въ количествѣ труда самый общій и справедливый критеріумъ для опредѣленія какъ цѣнности предметовъ, такъ и распредѣленія ихъ. Но въ современномъ капиталистическомъ народномъ хозяйствѣ цѣнность предметовъ и распредѣленіе ихъ не находятся въ соотвѣтствіи съ количествомъ труда. И это потому, что на цѣнность предметовъ, рядомъ съ трудомъ, оказываютъ значительное вліяніе процентъ и прибыль на капиталъ, а вознагражденіе за трудъ опредѣляется почти исключительно степенью фактическаго господства капитала надъ трудомъ. Съ устраненіемъ же частной собственности на орудія производства становится возможнымъ дать труду значеніе исключительнаго мѣрила цѣнностей и вознагражденія. Но трудъ бываетъ болѣе и менѣе энергичный. Далѣе, могутъ быть различны и орудія производства, которыми созданы предметы одного и того же рода. А потому одинаковые предметы могутъ быть результатомъ различныхъ количествъ труда. Отсюда является необходимость опредѣлить *средній, нормальный* для даннаго общества трудъ и *общеупотребительные*, въ данное время, въ данномъ обществѣ, техническіе способы и орудія производства. Количество этого средняго труда, пользующагося общеупотребительными техническими способами и орудіями производства, необходимое для созданія того или другого предмета, и есть, по ученію социалистовъ, то «общественно-

необходимое рабочее время», которое должно опредѣлять цѣнность предметовъ и размѣръ вознагражденія работниковъ. Такъ, напримѣръ, если для производства 1,000 четвертей пшеницы требуется 9,000 нормальныхъ рабочихъ дней, то каждая четверть будетъ служить эквивалентомъ всѣхъ предметовъ, требующихъ для своего созданія 9 рабочихъ дней.

Такимъ образомъ, трудъ, получая въ социалистической схемѣ значеніе универсальнаго измѣрителя цѣнностей, тѣмъ самымъ становится и общимъ платежнымъ средствомъ; а слѣдовательно замѣщается и вторая функція денегъ.

Шеффле, разбирая этотъ пунктъ социалистическаго ученія, полагаетъ, что социалистическому строю, въ интересѣ возможно большей свободы выбора занятій, необходимо дополнить указанную нами организацію измѣренія цѣнностей и вознагражденія элементомъ спроса и предложенія *).

Предшествующее изложеніе показываетъ, что, въ отношеніи организаціи производства, опредѣленія цѣнностей предметовъ и обмѣна, социалистическая организація не имѣетъ ничего общаго, какъ по существу, такъ и по вытекающимъ изъ нея слѣдствіямъ, съ современною частно-хозяйственною системою. Спекулятивный частный капиталъ, конкуренція, рынокъ и биржа, рыночныя цѣны и курсъ, современная торговля, деньги, процентный кредитъ, наемъ, аренды, равно какъ всѣ настоящія формы частныхъ доходовъ (рабочая плата, прибыль, процентъ, земельная и домовая ренты),— всѣ эти характеристическія черты новѣйшаго народнаго хозяйства несовмѣстимы съ социалистическимъ принципомъ производства и обмѣна цѣнностей и, по убѣжденію социалистовъ, должны постепенно исчезнуть въ качествѣ *«побѣжденных историческихъ категорій»*. Социалистическій строй

*) См. Die Quintes. d. Socialism. S. 47 u. W.

представляет совершенно новый социальный миръ, который, какъ справедливо замѣчаетъ Шеффле, при первомъ знакомствѣ съ нимъ, не легко даже и представить себѣ. Коллективное производство въ большихъ размѣрахъ, съ глубокимъ техническимъ раздѣленіемъ труда было бы единственное, что изъ настоящаго порядка перешло бы въ социалистической строй, какъ зрѣлый плодъ развитого «капитализма», и, даже, должно было бы обнять собою всѣ отрасли труда и получить, такимъ образомъ, всеобщее примѣненіе.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о потребленіи цѣнностей въ социалистической организаціи.

Выше было уже нѣсколько разъ указано, что социалистической строй обуславливаетъ всѣ частные доходы исключительно трудомъ. Распределение продуктовъ совершается какъ ликвидация сертификатовъ объ исполненномъ трудѣ. За вычетомъ изъ частнаго дохода извѣстной доли на государственныя и общественныя нужды, остальной части дохода лицо можетъ дать слѣдующія назначенія:

- 1) потребленіе на себя,
- 2) сбереженіе (накопленіе имущества),
- 3) отдача другому съ условіемъ возвращенія и
- 4) подарокъ частному лицу или пожертвованіе на общественныя цѣли.

Касательно *свободы выбора* предметовъ для индивидуальнаго потребленія, мы уже говорили, что социалистическая схема ничуть не препятствуетъ организаціи производства, соответствующей свободному опредѣленію гражданами своихъ потребностей.

Накопленіе частной собственности путемъ сбереженій вполне совмѣстно съ принципомъ социализма. Мы обращаемъ вниманіе на это обстоятельство въ виду весьма распространеннаго мнѣнія, что социализмъ отвергаетъ частную

собственность. Соціалистическая схема не допускаетъ частной собственности на капиталъ (землю, машины, инструменты, промышленныя зданія, рабочій скотъ и т. д.), но безъ всякихъ ограниченій признаетъ частную собственность на всякое имущество, не имѣющее значенія орудія производства. Шеффле, по поводу распространеннаго невѣрнаго представленія объ отношеніи соціализма къ частной собственности, замѣчаетъ, что пора поближе ознакомиться съ соціалистическимъ ученіемъ, хотя бы уже для того, чтобы отнять у коноводовъ революціоннаго соціализма возможность пользоваться въ своихъ интересахъ этимъ невѣжествомъ общества и прессы и разжигать злобу массъ, представляя имъ ложные взгляды прессы на соціализмъ, какъ инсинуацію, умышленное извращеніе теоріи, съ цѣлью смѣшать ее съ канибальствомъ и тѣмъ запугать общество. Въ равной степени невѣрно, продолжаетъ Шеффле, что принципъ коллективной собственности есть вообще что либо *новое*, чуждое существующему праву; ибо всѣ юридическія лица, начиная отъ государства, церкви, общины, и кончая семействомъ, представляютъ обширную область коллективнаго владѣнія. Вопросъ единственно заключается въ томъ: — должны ли средства производства вѣчно оставаться въ частной собственности? И какъ бы его не рѣшали, во всякомъ случаѣ, очевидно, что въ поставленномъ вопросѣ дѣло не идетъ ни объ отрицаніи частной собственности вообще, какъ правового института, ни объ отрицаніи ея для обширной области предметовъ. Если, не смотря на точно поставленный вопросъ, соціализму приписываютъ вещи, которыхъ онъ самъ чуждается, если подъ соціализмомъ понимаютъ періодически возобновляющійся «*передѣлъ имуществъ*», «*уничтоженіе собственности, капитала*», тогда исчезаетъ всякая возможность сознательнаго обсужденія его и результатомъ яв-

ляется лишь возбужденіе страстей. Такое отношеніе къ вопросу и грустно, и опасно. Въ прямомъ интересѣ имущихъ классовъ уяснить себѣ истинную сущность принципа коллективизма и не смѣшивать его съ различными безсвязными пристройками къ нему *).

Также и отрицаніе права наслѣдства никоимъ образомъ не есть логическое слѣдствіе социалистическаго принципа. Сознательные сторонники этого принципа могутъ съ полнымъ основаніемъ обратиться къ неистовымъ крикунамъ, желающимъ уничтожить наслѣдство, съ словами: «Боже, избавь меня отъ моихъ друзей!» Принципъ коллективизма столь же совмѣстенъ съ правомъ наслѣдства, какъ и съ институтомъ частной собственности. Правда, съ устраненіемъ частной собственности на капиталъ и всякаго рода ренты, размѣры наслѣдства сдѣлались бы весьма скромны, а слѣдовательно, *наслѣдственное право не могло бы породить значительныя имущественныя неравенства.*

Возможность и свобода подарковъ и пожертвованій на общественныя цѣли, въ пользу различныхъ общественныхъ союзовъ не находятся ни въ какомъ противорѣчьи съ социалистическою организаціею. Устройство на частныя средства обществъ, клубовъ, свободное преслѣдованіе гуманныхъ, научныхъ, религіозныхъ цѣлей, гостепріимство могутъ вполне удобно осуществиться въ социалистическомъ строѣ.

Такова сущность важнѣйшихъ экономическихъ категорій, вытекающихъ изъ социалистическаго принципа. Въ заключеніе два слова объ отношеніи социализма къ семьѣ и религіи.

Научный социализмъ не имѣетъ ничего общаго съ не-

*) Ibid. S. 62.

лыми ученіями о неорганизованномъ общеніи половъ. Онъ не только не требуетъ уничтоженія замкнутой семейной жизни, а стремится возвысить ее чрезъ устраненіе имущественныхъ мотивовъ къ браку и установленіе равномерности образованія обоихъ половъ.

Хотя социаль-демократія официально объявляетъ религію дѣломъ совѣсти cadaго, но многіе ея органы проповѣдуютъ на различныя варіаціи ученіе: «нѣтъ загробнаго міра, напрягайте всѣ ваши силы и страсти на достиженіе матеріальнаго благосостоянія въ этомъ мірѣ». Очевидно, это ученіе не находится ни въ малѣйшей связи съ социалистическимъ принципомъ; лучшимъ доказательствомъ тому служитъ существованіе въ Германіи «клерикальнаго социализма». Далѣе, не лишнее будетъ замѣтить, что, уже не говоря о безумномъ и фактически неосуществимомъ желаніи нѣкоторыхъ социаль-демократическихъ органовъ отмѣны религіи посредствомъ клочка бумаги, по примѣру первой французской революціи, — такая отмѣна была бы самымъ грубымъ насиліемъ надъ свободою личности, ради которой выступаетъ социализмъ, — но и самое распространеніе анти-религіозныхъ идей среди неразвитой массы не можетъ принести хорошіе плоды ни для кого, а тѣмъ менѣе для социализма. Къ счастью, проповѣдь анти-религіозныхъ идей, равно какъ и пропаганда каррикатурнымъ социализмомъ многихъ другихъ *анти-культурныхъ* ученій — какъ, на примѣръ, установленіе социалистическаго строя *разомъ во всемъ его объемѣ* и *при любыхъ социальныхъ условіяхъ*, пренебреженіе къ искусству, отвлеченной наукѣ — суть только безсвязныя пристройки къ научному социализму; и въ интересѣ сознательныхъ социалистовъ бороться противъ этихъ пристроекъ и тѣмъ способствовать уясненію и покойному обсужденію основныхъ принциповъ социализма. Для покойнаго обсужденія принциповъ социализма

важно никогда не упускать из виду, что «социаль-демократія» есть политическая партія, а социализм—научная теорія, выводящая изъ фактовъ *прошлаго* и *настоящаго* главныя черты общественнаго строя, къ которому, по ея мнѣнію, идетъ европейское общество. Социализмъ не отвѣчаетъ за нелѣпости той или другой фракціи социаль-демократіи и самая цѣлесообразная борьба съ этими нелѣпостями, это—распространеніе доктринъ научнаго социализма.

ГЛАВА IV

Руководящія принципы реалистической школы для организаціи народнаго хозяйства.

Изъ предшествующаго изложенія мы видѣли, что свободно-конкурренціонная система народнаго хозяйства и социалистическая организація не имѣютъ между собою ничего общаго. Первая ограничиваетъ общественное хозяйство исключительно защитой права и охраненіемъ безопасности, удовлетвореніе же всѣхъ другихъ потребностей выполняется въ этой системѣ отдѣльными частными хозяйствами, соединенными только рынкомъ; вторая, напротивъ, совершенно устраняетъ частныя промышленныя хозяйства и замѣняетъ ихъ общественнымъ хозяйствомъ.

Реалистическая школа занимаетъ среднее мѣсто между этими двумя системами. По ученію этой школы, организація народнаго хозяйства, при современныхъ техническихъ условіяхъ, нравахъ и понятіяхъ, должна покоиться на трехъ различныхъ принципахъ, которые ведутъ къ тремъ хозяйственнымъ системамъ, связаннымъ между собою единствомъ

цѣли. Эти системы суть: *частно-хозяйственная*, составляющая до сихъ поръ почти единственное содержаніе курсовъ политической экономіи, *общественная и благотворительная* *). Частно-хозяйственная система, руководящаяся въ созданіи и распредѣленіи цѣнностей личнымъ интересомъ, возможно большею прибылью отъ занятія, не гарантируетъ удовлетворенія самыхъ существенныхъ потребностей индивида и общества, а потому *во всякъхъ такихъ случаяхъ должно выступить общественное хозяйство*. Сверхъ того, созданіе и распредѣленіе тѣхъ цѣнностей, которыя, при настоящихъ условіяхъ, удобнѣе оставить за частно-хозяйственною системою, выполняются этою системою далеко не въ достаточномъ соотвѣтствіи съ общественными интересами, а потому является необходимость *регулированія ея государственною властью*. Далѣе, даже при самой лучшей, вполнѣ отвѣчающей требованіямъ времени и мѣста, комбинаціи системы частнаго и общественнаго хозяйствъ, нельзя обойтись безъ дополненій ихъ благотворительною хозяйственною системою. Благотворительная система, проявляющаяся въ различнаго рода гуманитарныхъ учрежденійхъ, представляется въ настоящее время необходимой для облегченія недостатковъ и пополненія пробѣловъ частно-хозяйственной системы.

Объемъ и характеръ частно-хозяйственной системы, въ каждое данное время, опредѣляется юридическими нормами. Эти юридическія нормы не представляютъ собою чего-либо абсолютнаго, неизмѣннаго; напротивъ, онѣ постоянно измѣняются въ исторіи. Абсолютность организациі народнаго хо-

*) Lehrb. d. Polit. Oecon. берлинскаго профессора А. Вагнера, Gesellsch. System d. menschlichen Wirthsch. и Bau und Leben Шеффле представляютъ пока единственныя попытки систематической разработки вопроса объ организациі народнаго хозяйства по принципамъ реалистической школы.

зайства на базисѣ свободной конкуренціи можно было защищать лишь въ предположеніи совершенства этой организациі. Но какъ только это предположеніе оказалось ложнымъ, жизнь продолжаетъ стремиться къ реализаціи болѣе удобнаго, болѣе гармоническаго порядка вещей. Важнѣйшіе историческіе и современные моменты развитія юридическихъ нормъ, опредѣлявшихъ и опредѣляющихъ теперь характеръ какъ народнаго хозяйства вообще, такъ и частно-хозяйственной системы въ отдѣльности, суть слѣдующія:

1) Юридическія нормы о личномъ состояніи. Въ этомъ отношеніи особенно различаются, какъ руководящіе моменты: рабство, крѣпостное состоявіе, ленныя отношенія, личная свобода и равенство правъ для всѣхъ индивидовъ.

2) Юридическія нормы въ отношеніи собственности на хозяйственныя цѣнности. Руководящими моментами здѣсь являются: собственность на людей, на рабочую силу человека, на извѣстныя дѣйствія человека; различія между недвижимыми и движимыми имуществами; для послѣднихъ, — между имуществами для потребленія и капиталомъ. Далѣе, по отношенію къ земельной собственности: — существуетъ ли общественная собственность на землю, или только частная, или совмѣстно та и другая; частная земельная собственность является ли ограниченной, какъ это было всюду на раннихъ ступеняхъ развитія народной жизни, или установлена *мобилизація* земельной собственности, какъ это совершилось вполне или въ значительной степени въ новѣйшемъ народномъ хозяйствѣ европейскихъ государствъ; далѣе, въ правѣ собственности на землю дѣлаются различія между лѣсами, рудами, полевою землею, водяною поверхностью, дорогами, рыбными ловлями и пр. По отношенію къ частной собственности на капиталы весьма важное значеніе для народнаго хозяйства имѣеть: — существуютъ ли и именно какія огра-

ниченія свободнаго распоряженія ими чрезъ установленіе, на примѣръ, таксъ, опредѣляющихъ заработную плату, процентъ, цѣны товаровъ; чрезъ регулированіе отношеній хозяевъ къ рабочимъ, какое господствовало въ средніе вѣка и начинаетъ вступать въ жизнь въ настоящее время и т. д.; или же собственность на капиталы приравнена къ собственности на потребительныя имущества и потому является безграничною, что, *въ общемъ*, имѣетъ мѣсто въ новѣйшемъ хозяйствѣ. Наконецъ, различія въ законахъ о наслѣдствѣ представляютъ одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ развитія имущественнаго права и оказываютъ громадное вліяніе на ходъ народнаго хозяйства.

Вопіющія вредныя слѣдствія новѣйшей частно-хозяйственной системы, вытекающія изъ проведенія въ законодательство принципа неограниченной частной собственности почти на все роды хозяйственныхъ цѣнностей и изъ устраненія государства отъ вмѣшательства въ народное хозяйство, дѣлаютъ необходимымъ, во-первыхъ, ограниченіе области частно-хозяйственной системы общественно-хозяйственною системою и, во-вторыхъ, регулированіе ея государствомъ.

Общественныя хозяйства, по условіямъ ихъ происхожденія, распадаются на два класса: на *добровольныя* и *принудительныя* общественныя хозяйства. Первые представляютъ свободное соединеніе частныхъ хозяйствъ для достиженія какой-либо цѣли и дѣйствуютъ на основаніи договора. Причиной происхожденія ихъ служитъ мотивъ выгоды, и, слѣдовательно, они, какъ и частныя хозяйства, зиждутся на *личномъ интересѣ*; но здѣсь личный интересъ каждаго члена *соллидаренъ* съ интересами всехъ прочихъ членовъ общественнаго хозяйства. Цѣли, дѣятельность и соціальное значеніе добровольныхъ общественныхъ хозяйствъ весьма разнообразны. Важнѣйшіе виды ихъ суть: производительныя, брѣ-

дитныя и потребительныя ассоціаціи, общества взаимнаго страхованія, общества для обезпеченія стариковъ, вдовъ, сиротъ и инвалидовъ, ремесленные и рабочіе союзы. Второй несравненно важнѣйшій классъ общественныхъ хозяйствъ, имѣющій фундаментальное значеніе для организаціи цѣлаго народнаго хозяйства, составляютъ принудительныя общественныя хозяйства. Принудительный характеръ ихъ заключается въ вмѣшательствѣ общественной власти въ сферу отдѣльныхъ хозяйствъ, съ цѣлью заставить ихъ служить интересамъ всего общества. Самый важный субъектъ принудительныхъ общественныхъ хозяйствъ есть государство. Имѣя, по теоріи, своею задачею содѣйствовать развитію культуры и благосостоянія, государство должно принять на себя удовлетвореніе такихъ общественныхъ потребностей, созданіе и распредѣленіе которыхъ частною и добровольно-общественною хозяйственными системами выполняется неудовлетворительно. Органами веденія принудительно-общественныхъ хозяйствъ являются какъ центральное правительство, такъ и мѣстныя власти, въ качествѣ представителей общихъ интересовъ различныхъ пространственныхъ округовъ (община, уѣздъ, губернія, область и пр.).

Школа свободной конкуренціи ограничиваетъ область принудительнаго общественнаго хозяйства учрежденіями для защиты правъ, личной безопасности и политической независимости народа. Такое ограниченіе дѣлается ею на томъ основаніи, что всѣ прочія потребности гражданъ удовлетворяются всего лучше частною и добровольно-общественною системами. Выше былъ уже указанъ крайній оптимизмъ такого воззрѣнія. Частныя хозяйства производятъ только такія цѣнности, продажная цѣна которыхъ можетъ доставить имъ среднюю прибыль на капиталъ; какъ бы ни была важна потребность, но если удовлетвореніе ея не можетъ быть

оплачено нуждающимися, она останется неудовлетворенною. А потому частно-хозяйственная система не гарантирует удовлетвореніе даже такихъ необходимѣйшихъ потребностей, какъ потребности въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, топливѣ, не говоря уже о потребностяхъ въ медицинской помощи, образованіи, средствахъ сообщенія, кредитѣ, страхованіи. Далѣе, эта система неизбѣжно ведетъ къ монополіи промышленныхъ предпріятій и уже въ настоящее время представляетъ многіе примѣры ея, особенно въ области путей сообщенія. Эти недостатки частно-хозяйственной системы вызываютъ необходимость принудительно-общественнаго хозяйства. Привужденіе со стороны государства къ соединенію частныхъ хозяйствъ въ общественное хозяйство является также необходимымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда достиженіе полезной цѣли, желаемое большинствомъ хозяевъ, не можетъ быть осуществлено по причинѣ несогласія меньшинства сосѣднихъ хозяевъ. Особенно часто подобные случаи встрѣчаются въ земельной собственности, почему въ аграрномъ законодательствѣ всѣхъ государствъ существуютъ болѣе или менѣе обстоятельныя правила, разрѣшающія столкновенія частнаго и общаго интересовъ.

III Система принудительныхъ хозяйствъ, выполняемая общественными органами, составляетъ совершенную противоположность частно-хозяйственной системѣ. Средства для веденія первыхъ получаютъ по преимуществу путемъ налоговъ, обязательныхъ сборовъ и составляютъ общественный капиталъ. Самое распредѣленіе налоговъ между гражданами, по коренному требованію финансовой политики, должно основываться на имущественной состоятельности, чтобы тяжесть платежа налога была возможно равномѣрна для всѣхъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, распредѣленіе производимыхъ принудительными хозяйствами цѣнностей между гражданами не находится ни

въ какомъ соотвѣтствіи съ размѣромъ платимыхъ каждымъ изъ нихъ налоговъ. Интересы цѣлаго, пополненіе пробѣловъ и недостатковъ частно-хозяйственной системы, распространеніе благъ культуры на всѣ классы общества, — таковы, по ученію реалистической школы, цѣли, долженствующія опредѣлять производительныя и распредѣлительныя функціи принудительно-общественныхъ хозяйствъ. Отсюда слѣдуетъ, что принудительныя общественныя хозяйства, выполняемая центральными и мѣстными органами, по задачамъ дѣятельности, какъ ихъ понимаетъ реалистическая школа, представляютъ самое крайнее и самое гуманитарное проявленіе коммунистическаго принципа; ибо въ этихъ хозяйствахъ въ составленіи общественнаго капитала всѣ участвуютъ соразмѣрно имущественнымъ силамъ, а распредѣленіе опредѣляется потребностями.

По важнѣйшему вопросу экономической политики, а именно по вопросу *о правильной комбинаціи трехъ системъ, и особенно частно-хозяйственной и принудительно-общественной*, реалистическая школа совершенно справедливо утверждаетъ, что никакая *абсолютно-истинная «естественная» комбинація*, которая имѣла бы всеобщую годность, невозможна, такъ какъ природа человѣка и государства, *служащихъ причинными моментами для комбинаціи*, представляетъ явленіе непрерывно измѣняющееся въ исторіи. вмѣстѣ съ этими измѣненіями совершается постоянная *перестановка* въ кругѣ дѣйствій частной и общественной хозяйственныхъ системъ, равно какъ и внутри послѣдней между свободными и принудительными хозяйствами; далѣе, внутри принудительной системы: между центральными органами, провинціею, округомъ, общиною, между органами административными и органами самоуправленія; а всѣ эти перестановки влекутъ за собою измѣненія въ полѣ дѣятельности благотворитель-

ной системы. Такимъ образомъ, всякая комбинація этихъ трехъ системъ можетъ имѣть лишь временный характеръ, и истинная комбинація должна заключаться въ томъ, чтобы установить для даннаго народа и времени организацію народнаго хозяйства, при которой производилась бы возможно большая сумма хозяйственныхъ цѣнностей и имѣло бы мѣсто возможно равномерное распредѣленіе ихъ. Какой видъ должна принять организація народнаго хозяйства, чтобы осуществить возможно ближе указанныя общія цѣли, можетъ быть рѣшено лишь *чрезъ подробное изслѣдованіе конкретныхъ фактовъ*. Теорія же можетъ установить лишь самыя общія руководящія начала. Начала эти суть слѣдующія:

Общее правило гласитъ: государство должно принимать на себя тѣ дѣйствія къ удовлетворенію потребностей гражданъ, которыя не могутъ выполняться ни частными, ни свободно-общественными хозяйствами, или были бы выполнены ими менѣе удовлетворительно, чѣмъ это можетъ сдѣлать государство.

Отсюда слѣдуетъ, что дѣйствія *въ области права и защиты его* должны быть переданы государству, ибо эта область требуетъ *единства*. Обсужденію подлежитъ здѣсь лишь вопросъ объ органахъ примѣненія права (центральные, административно-мѣстные, автономные).

Несравненно болѣе сложный, еще весьма мало разработанный, вопросъ представляютъ дѣйствія, принадлежащія къ области осуществленія культуры и цѣлей благосостоянія; эти дѣйствія должны выполняться *совмѣстною дѣятельностью* различныхъ хозяйственныхъ системъ. Государство выступаетъ здѣсь при наличности слѣдующихъ условий: а) если общія потребности не удовлетворяются частно-хозяйственнымъ производствомъ или удовлетворяются имъ недостаточно (образованіе, средства сообщенія, кредитъ, стра-

хованіе *); б) если частно-хозяйственное производство не гарантирует *непрерывности* въ удовлетвореніи потребности (почта, телеграфъ, пути сообщенія); в) если оно исключаетъ конкуренцію (шоссейныя и желѣзныя дороги и другіе виды промышленной исключительности), и наконецъ г) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда передача производства принудительно-общественной системѣ не сопровождается возрастаніемъ издержекъ производства (напр. акціонерныя хозяйства, не заключающія въ себѣ элементовъ бѣдшей производительности сравнительно съ принудительно-общественными хозяйствами). Выгоды такой передачи состоятъ, во-первыхъ, въ томъ, что доходы отъ предпріятій составляютъ достояніе всего общества, во-вторыхъ, распредѣленіе можетъ быть устроено такимъ образомъ, что оно распространится и на бѣдные классы.

Расширеніе области принудительно-общественнаго хозяйства составляетъ первое отличіе экономической политики реалистической школы отъ школы свободной конкуренціи. Второе отличіе заключается въ требованіи *регулированія* государствомъ частно-хозяйственной системы, или, что тоже, въ требованіи *измненій юридическихъ отношеній* частныхъ хозяйствъ между собою. А такъ какъ юридическія нормы, опредѣляющія въ современныхъ европейскихъ государствахъ

*) Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей низшихъ классовъ — пищи, одежды, жилища и пр. — выполняется частною и добровольно-общественною системами также крайне плохо; но реалистическая школа, въ интересѣ бѣдшей производительности, считаетъ цѣлесообразнымъ, при настоящихъ условіяхъ, предоставить область производства матеріальныхъ предметовъ, почти всецѣло, частнымъ хозяйствамъ; но, при этомъ, она требуетъ широкаго регулированія и контроля ихъ государствомъ съ цѣлью возможнаго исправленія недостатковъ системы частныхъ хозяйствъ.

взаимныя сношенія частныхъ хозяйствъ, вытекають изъ принципа неограниченной частной собственности, какъ изъ основнаго начала, то требованіе измѣненій экономико-юридическихъ отношеній сводится, главнымъ образомъ, къ *требованію измѣненій въ современномъ институтѣ частной собственности*. Вслѣдствіе этого реалистической школѣ пришлось пересмотрѣть институтъ частной собственности со всѣхъ сторонъ, а именно: въ отношеніи его историческаго развитія, существующихъ ученій о немъ, состоянія его въ современныхъ законодательствахъ и, наконецъ, въ отношеніи необходимыхъ, вызываемыхъ духомъ времени, реформъ въ немъ. Изложимъ вкратцѣ самую суть воззрѣній реалистической школы на институтъ собственности *).

Принципы, изъ-за которыхъ идетъ борьба партій въ современномъ обществѣ, болѣе и болѣе подтверждаютъ слова Токвиля, что западно-европейскія націи неодолимо стремятся къ демократическому устройству. Демократическое устройство требуетъ устраненія всѣхъ общественныхъ учреждений, порождающихъ неравенство между людьми. Неравенство должно сводиться лишь на природныя различія. Въ политической области демократическій принципъ, по мѣрѣ расширенія избирательныхъ правъ, осуществляется все болѣе.

*) См. Ad. Wagner. Lehrb. d. Polit. Oecon. Это сочиненіе содержитъ въ себѣ наиболѣе полную систематизацію воззрѣній реалистической школы на институтъ собственности.

Schäffle. Syst. d. menschlichen Wirthsch. und. Bau u. Leben.

Lange. Ans. Mills's. u. Arbeiterfrage.

Rösler. Grundlehren d. Smith'schen Volkswirtschaftslehre.

Schmoller. Ueber einige Grundfragen d. Rechts u. d. Volkswirtschaft.

Samter. Gesellschaftliches u. Privat-Eigenthum.

Scheel. Die Theorie d. Socialen Frage.

De Laveleye De la propriété et de ses formes primitives.

Въ настоящее время главное вниманіе обращено на дѣло несравненно большей важности по своимъ результатамъ, — на реализацію этого принципа въ экономической области. Фундаментальная причина, обуславливающая характеръ всего общественнаго устройства, заключается въ *порядкъ собственности*. Современный порядокъ собственности порождаетъ столь рѣзкое расчлененіе общества на классы, что даетъ право утверждать, что прежнія юридическія запрещенія перехода изъ низшаго сословія въ высшее замѣнились, вообще говоря, фактическими затрудненіями выбраться изъ неимущихъ или малоимущихъ классовъ въ классъ зажиточныхъ собственниковъ. Причемъ неимущій классъ въ западной Европѣ (пролетаріатъ), онять таки велѣдствіе существующаго тамъ въ настоящее время порядка собственности, *постоянно возрастаетъ какъ абсолютно, такъ и относительно*. Фактическая *аристократичность* существующаго порядка собственности, *противорѣчащая современнымъ правовымъ идеямъ, требующимъ обоснованія собственности на трудъ*, и есть глубочайшая причина, почему требованіе массъ измѣненія порядковъ собственности въ смыслѣ демократическомъ ни въ одной фазѣ исторіи не выступало такъ принципиально, ярко и сознательно, какъ въ исторіи современнаго рабочаго движенія въ западной Европѣ. Уничтожить, остановить это движеніе невозможно; ибо античныя и средневѣковыя воззрѣнія о природномъ различіи людей на рабовъ и господъ, о дворянской и недворянской кости и крови унесены исторіею безвозвратно. «Бывшій рабъ, говоритъ Лавеле, сдѣлался нынѣ гражданиномъ и свободнымъ работникомъ; онъ признанъ политически равнымъ съ самыми богатыми. Онъ имѣетъ право голоса, входитъ въ парламентъ, можетъ потребовать собственность; какъ же ему противиться, когда современныя философскія и религіозныя

понятія вполне его оправдываютъ? Насильственнымъ или мирнымъ путемъ совершатся измѣненія въ порядкахъ собственности—зависитъ отъ имущихъ классовъ. Непрестанный ходъ реформъ, требуемыхъ духомъ времени, есть единственное средство устранить волненія и революцію. Предсказаніе Дизраэли, раздѣляемое многими, что социаль-демократическое движеніе рабочихъ классовъ, пока только легкой зефиръ, едва волнующій листву, вскорѣ обратится въ неукротимый ураганъ, который бурнымъ потокомъ ниспровергнетъ все на своемъ пути», исполнится несомнѣнно въ томъ случаѣ, если имущіе классы будутъ противиться необходимымъ и возможнымъ реформамъ, на которыя имъ указываетъ уже современная наука. Совершеніе имущими классами реформъ, содѣйствующихъ возвышенію матеріальнаго благосостоянія народа, безъ котораго невозможенъ прогрессъ въ умственной и нравственной сферахъ, является ихъ нравственною обязанностью тѣмъ болѣе, что среди этихъ классовъ господствуетъ убѣжденіе, что насильственный захватъ политической власти демосовъ грозитъ всѣмъ пріобрѣтеніямъ цивилизации. Уже въ виду одного этого опасенія нравственный долгъ обязываетъ имущіе классы поднять умственное и нравственное состояніе народа; а сдѣлать это невозможно безъ улучшенія его матеріальнаго положенія.

Мы не раздѣляемъ пессимистскаго взгляда, что западная Европа не иначе дойдетъ до порядка, болѣе сообразнаго съ справедливостью и христіанствомъ, какъ черезъ цѣлый рядъ смуть и неурядиць, въ виду которыхъ можно бояться гибели многихъ цѣнныхъ плодовъ цивилизации. Такой взглядъ не вытекаетъ логически даже и тогда, если смотрѣть на борьбу общественныхъ классовъ за лучшее жизненное положеніе и на порождаемая этою борьбою измѣненія въ социальныхъ учрежденіяхъ, какъ на проявленіе одной лишь

силы, чуждой всякаго нравственнаго элемента. Уже простой расчетъ предупредить волненія и смуты часто заставляетъ господствующіе классы дѣлать уступки. Исторія Греціи и Рима, средневѣковая исторія Англій и Италіи и новая исторія всѣхъ западно-европейскихъ государствъ представляютъ тому много примѣровъ. Но далѣе, если и справедливо, что имущественные и политическіе порядки до сихъ поръ были результатомъ борьбы за лучшее жизненное положеніе, тѣмъ не менѣе, для вѣрнаго пониманія жизни человѣчества, важно не упускать изъ виду, что они всегда обосновывались *правовыми* принципами, и слѣдовательно, *для сознанія* они имѣли значеніе *не силы, а права*. Христіанскій принципъ равенства людей вступилъ въ борьбу съ правовымъ принципомъ древняго міра, раздѣлявшимъ людей на свободныхъ и рабовъ. Тотъ же христіанскій принципъ, сведенный на практическую почву, выразился въ идеѣ равенства правъ людей, идеѣ, такъ рѣшительно высказанной первою французскою революціею и *получившей значеніе основнаго начала современной культуры*. Теперь социальная борьба идетъ *не исходящемъ принципѣ права*, долженствующемъ опредѣлить характеръ общественныхъ учреждений, — борьба идетъ о *формахъ примѣненія* общепризнаннаго праваго принципа и о *современности* этихъ формъ. Осуществленіе равенства правъ людей путемъ учреждений свободной конкуренціи оказалось плюзіею. Въ наукѣ число представителей этого ученія постоянно уменьшается; въ парламентахъ либеральная партія съ каждымъ днемъ теряетъ свое значеніе. Повсюду усиливается социаль-демократическое движеніе, возбуждающее у всякаго образованнаго человѣка вопросъ о причинахъ его. Каталоги выходящихъ книгъ испещрены темами объ экономическихъ реформахъ: «Соціальный вопросъ» сталъ предметомъ серьезнаго обсужденія. Въ виду того общаго вниманія,

которое обратили на себя въ наше время экономическіе диссонансы, можно ли сомнѣваться, что новая школа политической экономіи, указывающая съ цифрами въ рукахъ бѣдственные результаты современной свободно-конкурентной системы народнаго хозяйства и разъясняющая причины противорѣчія дѣйствительности съ правовыми идеями, окажетъ рѣшительное вліяніе на измѣненіе общественнаго мнѣнія имущихъ классовъ; тѣмъ болѣе, что намѣчаемые и непрестанно разрабатывающіеся ею проекты реформъ сдѣлались уже предметомъ серьезнаго обсужденія правительствъ.

Политическая экономія и философія права всегда признавали, что порядки собственности должны служить интересамъ *цѣлаго*, а не интересамъ отдѣльныхъ классовъ. Если основатель политической экономіи горячо защищалъ абсолютную частную собственность и расширеніе ея почти на все предметы національнаго имущества, то только вслѣдствіе убѣжденія, что при такомъ порядкѣ собственности будетъ достигнута наибольшая производительность и наилучшее распределеніе. При современномъ состояніи знаній, политическая экономія не можетъ раздѣлять убѣжденіе Ад. Смита и потому, при изслѣдованіи порядковъ собственности, должна отвѣтить на вопросы: — а) необходима ли, при современномъ положеніи дѣлъ, частная собственность на орудія труда для достиженія наибольшей производительности народнаго хозяйства; б) если необходима, то на какія именно категоріи національнаго имущества и нематеріальныхъ цѣнностей (земля, промышленный капиталъ, литературная и артистическая собственность, собственность на открытія и пр.); и в) какой объемъ имущественныхъ правъ долженъ быть предоставленъ разнымъ видамъ собственности, чтобы сглаживать столкновенія между интересами собственниковъ и общественными интересами, всегда требующими органичен-

наго и соединеннаго съ обязанностями права собственности. Всѣ эти вопросы, вмѣстѣ взятые, и составляютъ вопросъ объ оправданіи существованія частной собственности и объ обоснованіи какъ объема ея дѣйствія, такъ и содержанія ея имущественныхъ правъ.

Что такое право собственности? Римское право опредѣляетъ его слѣдующимъ образомъ: «*Dominium est jus utendi et abutendi re sua quatenus juris ratio patitur.*» Подъ влияніемъ римскаго права, дефиниціи собственности въ современныхъ гражданскихъ кодексахъ близко подходятъ къ римскому: всѣ они опредѣляютъ собственность, какъ право пользоваться и распоряжаться предметомъ самымъ безусловнымъ образомъ съ тѣмъ только, чтобы не дѣлалось изъ него употребленія, воспрещеннаго законами. И такъ, въ самомъ опредѣленіи права собственности заключается уже нѣкоторое ограниченіе его *безусловности* и основаніемъ ограниченію служить *общественный интересъ*. Далѣе, разсматривая отдѣльныя постановленія гражданскихъ кодексовъ относительно собственности, мы видимъ, что они такъ значительно ограничиваютъ ея безусловность, что опредѣленіе собственности, какъ *безусловнаго вещнаго права*, совершенно не соотвѣтствуетъ ея правамъ въ дѣйствительности. Такъ, во всѣхъ законодательствахъ, ради общественнаго интереса, признаны не только право государства на экспроприацію частной собственности, но и гражданская экспроприація собственности, а также обязанность собственниковъ къ положительнымъ дѣйствіямъ въ пользу несобственниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти ограниченія у различныхъ народовъ, въ разное время, и на различные объекты не одинаковы; *почему и нельзя говорить о правѣ собственности, какъ о понятіи единомъ, опредѣленномъ*. Напримѣръ, англійское право земельной собственности съ его маіоратомъ, мобилизованное французское,

родовая собственность въ Россіи представляютъ различныя права собственности. Далѣе, объемъ права собственности на полевую землю одинъ, на лѣса другой, на руды третій, на городскую собственность четвертый, на дороги и водяную поверхность пятый и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что такое опредѣленіе собственности, которое указывало бы объемъ при- сущихъ ей вещныхъ правъ,—невозможно. Принадлежность вещи лицу есть единственный специфическій признакъ, отличающій собственность отъ другихъ вещныхъ правъ. А какими правами на вещь пользуется лицо, которому она принадлежитъ,—это опредѣляется законодательствомъ. По феодальному праву собственности, земля считалась принадле- жащею сеньорамъ, тѣмъ не менѣе они не имѣли права отбирать у своихъ вассаловъ феодаловъ, если послѣдніе исправно выполняли повинности; здѣсь право собственности низведено было на полученіе лишь одной ренты.

Совершенно другое пониманіе права собственности гос- подствуетъ въ юриспруденціи *). Преклоненіе юристовъ предъ ученіями римскаго права, экономическія условія новѣйшей эпохи, создавшія для имущихъ классовъ интересъ въ уста- новленіи возможно неограниченнаго права собственности, теоріи о «естественныхъ», «прирожденныхъ» правахъ чело- вѣка—все эти обстоятельства породили ученіе о собствен- ности, какъ о «полной и исключительной» власти челоуѣка надъ вещью; такое неограниченное право собственности причислили къ числу естественныхъ правъ челоуѣка, ко- торое, по этому самому, должно быть поставлено внѣ власти

*) О новомъ направленіи въ юриспруденціи, вступившемъ въ борьбу съ господствующими догмами гражданскаго права, см. статью г. Гам- барова: «Общественный интересъ въ гражданскомъ правѣ». Юриди- ческій Вѣстникъ, изд. Моск. Юрид. Общ.—май, іюнь, іюль, 1879 г.

государства. Отсюда слова о «святости», «неприкосновенности» права собственности, слова — часто эксплуатируемые ораторами и публицистами, хотя рѣдко съ пониманіемъ обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ, и смысла, съ которымъ они явились на свѣтъ. Но при примѣненіи догмы абсолютной собственности къ дѣйствительности, юриспруденціи пришлось признать необходимость множества ограниченій ея, пришлось допустить даже государственную и гражданскую экспроприаціи и земскую давность. Оказалось, что осуществленіе неограниченной собственности практически невозможно. Такимъ образомъ, приложеніе права собственности въ дѣйствительности стало въ противорѣчіе съ конструкціей понятія собственности. Ограниченія собственности, которыя вынуждена была допустить юриспруденція, вызывались *общественнымъ интересомъ*. Эти ограниченія устанавливаются положительнымъ закономъ и въ нихъ отражаются постоянно измѣняющіяся экономическія и политическія условія страны. Отсюда слѣдуетъ, что содержаніе права собственности опредѣляется не «естественнымъ» правомъ, какъ объ этомъ учитъ господствующая въ юриспруденціи теорія, а постановленіями закона. Право собственности не есть ничто недвижимое; оно есть учрежденіе многообразное, которое подвергалось въ исторіи большимъ измѣненіямъ и, конечно, подвергнется еще большимъ.

Переходя къ оцѣнкѣ господствующихъ теорій собственности, мы прежде всего остановимся на понятіи о «*неприкосновенности права собственности*».

Идеи XVIII вѣка, породившія въ политической экономіи теорію Адама Смита, выразились въ юриспруденціи ученіемъ объ «*естественномъ правѣ*», объ естественныхъ, прирожденныхъ правахъ человѣка. Къ числу этихъ естественныхъ, а потому и «неприкосновенныхъ» правъ человѣка было от-

несено и право собственности. Утверждалось, что никакая власть, хотя бы то было само государство, никакія обстоятельства, никакая необходимость не могут нарушить «естественныхъ правъ» индивидуума; что эти права явились раньше возникновенія государства; съ этими правами вошелъ человѣкъ въ міръ. Въ ученіи объ «естественномъ правѣ» *индивидуализмъ* дошелъ до своего крайняго развитія. Если и Смитовская школа народнаго хозяйства покоится на индивидуализмѣ, если и она требуетъ предоставленія всѣхъ экономическихъ отношеній свободной борьбѣ личныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе существуетъ весьма существенное различіе между обоснованіемъ индивидуализма, какое дѣлаетъ Смитовская школа, и обоснованіемъ его юридическою теоріею «естественнаго права».

Смитовская школа защищаетъ организацію народнаго хозяйства на принципѣ «свободной конкуренціи» потому, что такая организація ведетъ къ благу какъ цѣлаго, такъ и каждаго отдѣльнаго индивидуума. *Индивидуализмъ* возвеличивается Смитомъ до высшаго принципа въ народномъ хозяйствѣ лишь потому, что частныя индивидуальныя интересы отождествляются имъ съ интересами общества, съ интересами цѣлаго. Та же мысль лежитъ въ основаніи сочиненій всѣхъ представителей Смитовской школы. Всѣ они утверждаютъ, что при свободной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка, руководимой эгоизмомъ и конкуренціею, сами собою развиваются такіе способы веденія предпріятій и частныхъ хозяйствъ, при которыхъ имѣющіяся въ распоряженіи націи силы почвы, труда и капитала достигнуть наибольшей производительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, объѣвъ продуктовъ человѣческаго труда, при невмѣшательствѣ государства, поведетъ къ нормальному, справедливому распредѣленію богатствъ; каждый факторъ производства получить

при распредѣленіи его результатовъ такую долю, которая вполне соотвѣтствуетъ степени его участія въ производствѣ.

Въ виду такого обоснованія индивидуализма само собою слѣдуетъ, что разъ доказаны вредныя соціальныя слѣдствія системы народнаго хозяйства, покоящейся на принципѣ свободной конкуренціи, падаетъ и экономическая теорія, выставившая на своемъ знамени требованіе неограниченной частной собственности.

Совсѣмъ иначе обосновываетъ *индивидуализмъ* юридическая теорія «естественнаго права». Здѣсь исходятъ изъ представленія о прирожденныхъ человѣку правахъ, которыя признаются «абсолютными» и нарушить которыя никто не вправе, хотя бы это нарушеніе требовалось въ интересахъ цѣлаго, ради блага всѣхъ гражданъ государства. Здѣсь индивидуумъ съ его неприкосновенными правами противопоставляется всему міру. «Да торжествуетъ право», восклицаетъ Кантъ, «хотя бы въ силу этого погибъ весь міръ».

Не вдаваясь въ подробный разборъ ученія объ «естественномъ правѣ», отмѣтимъ самый существенный фактъ, недостаточно оцѣненный этимъ ученіемъ, а именно, что понятіе о естественныхъ правахъ человѣка чрезвычайно различно въ разныя эпохи, у разныхъ народовъ. Въ Россіи еще недавно не признавалась естественнымъ правомъ человѣка личная свобода, а въ Англіи уже много вѣковъ признается за такое право: быть обвиненнымъ и наказаннымъ не иначе какъ по суду. Многіе изъ естественныхъ правъ человѣка, объявленныхъ французскою конституціей 1789 года, были отмѣнены послѣдующими конституціями. Каждый народъ въ различное время имѣетъ разныя понятія о неотъемлемыхъ правахъ человѣка. *Абсолютныхъ естественныхъ правъ не существуетъ вплоть до права на жизнь.* Но въ каждое данное время существуютъ представленія о такихъ неотъ-

емлемыхъ правахъ, нарушеніе коихъ было бы признано всеми вопіющей несправедливостью. По весьма распространенному мнѣнію къ числу такихъ неприкосновенныхъ правъ относится и право собственности. Разсмотримъ это мнѣніе.

Чтобы можно было говорить о неприкосновенности какого-либо права, необходимо, разумѣется, чтобы это право поддавалось какому-либо точному опредѣленію. Между тѣмъ, мы видѣли, что опредѣленія права собственности, какъ единого понятія, опредѣленія, приложимаго не только ко всемъ эпохамъ и народамъ, но хотя бы къ различнымъ объектамъ собственности у одного и того же народа и въ извѣстный моментъ времени, — такого опредѣленія не только не существуетъ, но и невозможно сдѣлать его.

Исторія свидѣтельствуетъ объ измѣненіяхъ громадной важности въ сферѣ объектовъ собственности. Въмѣстѣ съ тѣмъ, самое содержаніе права собственности на различные объекты всегда было и остается до сихъ поръ неодинаковымъ, и эта неодинаковость, опять, въ свою очередь, различна у разныхъ народовъ. И причина этой многообразности права собственности заключается въ томъ, что институтъ собственности не есть явленіе, данное физической природой, явленіе само въ себѣ опредѣленное, а есть учрежденіе социальное, обусловливаемое въ своихъ проявленіяхъ, главнѣйшимъ образомъ, экономическими условіями каждаго даннаго народа. Измѣняются экономическія условія жизни народа — измѣняются и законы о собственности. Измѣненія въ законахъ о собственности бывають радикальны, знаменуютъ собою новую социальную эпоху, когда какой-либо важный объектъ частной собственности исключается изъ предметовъ ея. Такія измѣненія были сдѣланы, на примѣръ, въ послѣднее время съ отмѣною феодальныхъ правъ собственности въ Западной Европѣ, замѣненныхъ гражданскимъ кодексомъ французской

революціи; въ Россіи, съ отмѣною крѣпостного права, т. е. исключеніемъ изъ объектовъ собственности труда и воли чело-вѣка и, сверхъ того, надѣленіемъ крестьянъ поземельною собственностью изъ собственности ихъ прежнихъ господъ. Но такія коренныя измѣненія въ порядкахъ собственности, именно потому, что они знаменуютъ собою переворотъ во всемъ общественномъ строѣ, совершаются не часто. Что же касается частныхъ измѣненій въ порядкахъ собственности, ограничивающихъ право собственности, то они происходятъ, можно сказать, непрерывно. Недолго удержалась въра въ блага «свободной конкуренціи». Новѣйшій либеральный эконо-мическій порядокъ Западной Европы, основанный на прин-ципѣ неограниченной частной собственности на матеріальные предметы, не просуществовавъ столѣтія, потерялъ уже свой кредитъ въ наукѣ и начинаетъ терять его въ практикѣ. Англія, наиболѣе развившая свободу промышленности, пер-вая вынуждена была выступить съ фабричнымъ законода-тельствомъ, ограничивающимъ права собственности промыш-ленного капитала. За ней послѣдовали и всѣ прочія западно-европейскія государства. Теперь въ Англіи на очереди стоитъ аграрный вопросъ, имѣющій ограничить права поземельной собственности.

Но если право собственности не представляетъ собою ничто безусловное, само въ себѣ опредѣленное, а есть фактъ *относительный*, обуславливаемый временемъ и мѣстомъ, слѣ-довательно, постоянно измѣняющійся, то какой же смыслъ имѣетъ выраженіе «неприкосновенность права собствен-ности»? такъ часто употребляемое, когда дѣло идетъ объ из-мѣненіяхъ въ законодательствѣ о собственности. На этотъ вопросъ нельзя дать другого отвѣта, какъ только, что или сами употребляющіе это выраженіе не понимаютъ, что го-ворять, или пользуются этимъ выраженіемъ, производящимъ

всегда на массу впечатлѣніе, ради какихъ-либо практическихъ цѣлей.

Въ одномъ лишь смыслѣ можно понять мысль о неприкосновенности частной собственности, именно въ томъ смыслѣ, что право собственности не можетъ быть нарушено, въ цѣломъ или въ части, иначе, какъ съ вознагражденіемъ собственника за такое нарушеніе. Но дѣйствительная жизнь показываетъ намъ, что законодательствамъ всѣхъ европейскихъ государствъ приходится нарушать этотъ принципъ, и далѣе, что общественная жизнь представляетъ иногда такія условія, при которыхъ и законное правительство и само общество вынуждены признать политическую необходимость нарушить этотъ принципъ.

Мы не станемъ уже говорить о такихъ очевидныхъ нарушеніяхъ принципа вознагражденія за теряемое право, какія имѣли мѣсто при безвозмездной отчужденіи французскимъ Национальнымъ Собраніемъ многихъ имущественныхъ феодальныхъ правъ и при уничтоженіи рабства въ Соединенныхъ Штатахъ Америки въ послѣднюю гражданскую войну. Мы укажемъ на современное и постоянно расширяющееся, развивающееся во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ фабричное законодательство, гдѣ нарушеніе этого принципа не столь очевидно, хотя не менѣе дѣйствительно. Наканунѣ изданія фабричныхъ законовъ промышленный капиталъ пользовался полною свободою въ заключеніи условій найма рабочей силы и не несъ никакихъ специальныхъ обязанностей; право собственности на промышленный капиталъ было столь же неограниченное, какъ право собственности на предметы непосредственнаго потребленія. Изданіемъ фабричныхъ законовъ право собственности на промышленный капиталъ уменьшено, и уменьшено безъ вознагражденія. Собственники этихъ капиталовъ были ограничены въ правѣ пользованія ими; они

лишились права функционировать ими сообразно условіямъ рынка. Рынокъ позволяетъ нанять рабочаго на 14-ть часовъ ежедневнаго труда, а законъ воспретилъ нанимать болѣе какъ на 10-ть часовъ. Мало того, законъ ограничилъ права собственности на промышленный капиталъ и въ другомъ отношеніи: онъ наложилъ на эти капиталы новыя, спеціальныя обязанности. Собственникамъ промышленныхъ капиталовъ вмѣнено въ обязанность устраивать на свой счетъ при фабрикахъ и заводахъ школы и нанимать врача для рабочихъ. Когда въ англійскомъ парламентѣ впервые былъ поднятъ вопросъ объ изданіи фабричныхъ законовъ, буржуазная пресса возопила о «нарушеніи принципа неприкосновенности права собственности», и она была совершенно права съ точки зрѣнія господствующаго до нынѣ юридическаго положенія, что «никакое вещное право не можетъ быть нарушено безъ вознагражденія». Если бы какое-либо законодательство нашло полезнымъ и необходимымъ нормировать рабочую плату, обязать промышленниковъ допустить рабочихъ къ участию въ прибыли, то въ юридическомъ смыслѣ это было бы ничуть не большее нарушеніе права собственности сравнительно съ нарушеніями, которые совершены изданными до нынѣ фабричными законами.

Колоссальный примѣръ отчужденія права собственности на одни объекты совершенно безъ вознагражденія, на другіе — съ вознагражденіемъ, установленнымъ не на основаніи дѣйствующихъ законовъ, представляетъ наша крестьянская реформа. Право собственности на рабочую силу человѣка было отчуждено вполне безвозмездно и этотъ объектъ собственности былъ выброшенъ изъ законодательства; экспроприація половины помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ была совершена не на основаніи дѣйствующихъ законовъ. И между тѣмъ, правительство, литература, значительное число губерн-

снихъ комитетовъ, большинство депутатовъ отъ комитетовъ вынуждены были признать безусловную политическую необходимость совершить такую радикальную операцію въ порядкахъ собственности, ибо *элементы крестьянскаго вопроса были таковы, что разрѣшеніе его на почвѣ юридической во очію грозило государству страшными опасностями и бѣдствіями.*

Субъекты собственности вообще бываютъ лица физическія и юридическія, почему и собственность бываетъ частная и коллективная. Важнѣйшіе виды коллективной собственности суть: собственность государственная и общинная. Вопросы громадной важности: объ историческомъ развитіи у разныхъ народовъ объемовъ частной и коллективной собственности, содержанія первой, видовъ и цѣлей второй, о комбинаціи этихъ двухъ видовъ собственности въ современной дѣйствительности, установленіе руководящей теоріи этой комбинаціи въ примѣненіи къ условіямъ нашего времени, — всѣ эти вопросы только-что начинаютъ разрабатываться исторіею права, сравнительнымъ законодательствомъ и реалистическимъ направленіемъ въ политической экономіи. Предъ глазами экономистовъ была значительная государственная собственность и другіе различные виды коллективной собственности; но они, исходя изъ своего desideratum — устраненія вмѣшательства государства и всякихъ видовъ коллективной собственности, — разсматривали народное хозяйство лишь какъ систему частныхъ хозяйствъ; коллективная собственность не находила себѣ мѣста въ экономическихъ трактатахъ. Ученіе экономистовъ объ «абсолютномъ», «естественномъ» порядкѣ народнаго хозяйства, въ которомъ должна имѣть мѣсто только неограниченная частная собственность, шло рука объ руку съ новѣйшимъ экономическимъ законодательствомъ западно-европейскихъ государствъ, развивавшимъ возможно неогра-

впеченную частную собственность и включившимъ въ объекты ея почти все матеріальные предметы. Такимъ образомъ, современная, въ высокой степени неограниченная частная собственность есть понятіе и фактъ новѣйшей исторіи европейскаго общества; область дѣйствій ея расширялась по мѣрѣ побѣды принципа *обособленности* (не совсѣмъ точно названнаго *индивидуализмомъ*) надъ принципомъ *общественной солидарности*. И, въ то же время, теорія полагала, что проявленія «индивидуализма» *въ тѣхъ формахъ, въ какихъ онъ развился и дѣйствуетъ въ настоящее время*, ведутъ къ общественной солидарности. Факты опровергли плюзии теоріи. вмѣстѣ съ тѣмъ, реалистическая школа своими изслѣдованіями доказала, что порядки собственности вообще и частной собственности въ отдѣльности есть историческая, постоянно измѣняющаяся категорія, и что современный порядокъ собственности, какъ несоотвѣтствующій идеаламъ эпохи, постулатамъ экономической науки, не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Отсюда для реалистической школы логически вытекала необходимость новаго обоснованія частной собственности. Но такъ какъ обоснованіемъ собственности, кромѣ политической экономіи, занималась также философія права, то пришлось пересмотрѣть и ея доктрины по этому предмету.

Все существующія теоріи объ основаніи права частной собственности можно классифицировать въ три группы. Къ первой относятся теоріи, основывающія институтъ собственности «на *человѣческой природѣ и понятіи о личности*». Ко второй—теоріи, выводящія право собственности изъ постулата справедливости. Сюда принадлежатъ: «*теорія труда*», основывающая собственность на «истекающемъ изъ чувства естественной справедливости правѣ работника на продукты своего труда», и «*теорія завладѣнія*», видящая внутреннее

правовое основаніе собственности въ «естественномъ» при-
тязаніи перваго владѣльца на вещи, которыя онъ прежде
всѣхъ другихъ подчинилъ своей волѣ. Наконецъ, третью
группу составляютъ «*легальныя теоріи*», разсматривающія
собственность какъ институтъ положительнаго права и раз-
личающіяся между собою только тѣмъ, какъ онѣ представ-
ляютъ себѣ процессъ правообразованія собственности.

Прежде разсмотрѣнія этихъ теорій порознь, скажемъ объ
основной ошибкѣ, общей теоріямъ первой и второй группъ.
Теоріи эти понимаютъ собственность слишкомъ общо, безъ
вниманія къ различнымъ объектамъ собственности; между
тѣмъ, содержаніе права собственности на различные объекты
было, остается и должно быть различно. Въ основаніи этого
раздѣленія объектовъ собственности лежатъ два главнѣйшіе
принципа. Первый состоитъ въ различеніи *предметовъ по-
требленія отъ средствъ производства*. Этотъ важный прин-
ципъ раздѣленія оставался до сихъ поръ безъ вниманія
какъ философіею права, юриспруденціею, такъ и полити-
ческою экономіею, за исключеніемъ социалистическихъ пи-
сателей. Второй принципъ раздѣленія, существенный какъ
въ юридическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ,
заключается въ различеніи *движимой и недвижимой соб-
ственности*.

Внутри этихъ главныхъ раздѣленій должны дѣлаться даль-
нѣйшія различенія объектовъ собственности. Такъ, напри-
мѣръ, въ поземельной собственности должно особенно раз-
сматривать рудники, лѣса, дороги, водяныя пространства,
полевые угодья, усадебныя земли, парки и пр. Далѣе, рѣ-
шеніе вопроса: должны ли тѣ или другіе предметы быть
объектомъ частной собственности, въ какомъ размѣрѣ, ка-
кими правами на нихъ могутъ обладать собственники?—не
можетъ быть установлено разъ навсегда и для всѣхъ странъ

одинаково, но обусловливается *временемъ и мѣстомъ*. Развитие, на примѣръ, машиннаго производства, фабрикъ и заводовъ вызываетъ въ законодательствѣ дальнѣйшія различія въ собственности на капиталъ (англійское фабричное законодательство, на примѣръ, устанавливаетъ различныя спеціальныя опредѣленія для разныхъ отраслей промышленности, сообразно ихъ технической и экономической природѣ). Указавъ на существенную ошибку, общую первымъ двумъ группамъ теорій собственности, перейдемъ къ рассмотрѣнію ихъ порознь.

По теоріямъ, относящимся къ первой группѣ, собственность вытекаетъ изъ *«природы личности, ибо она есть необходимое условіе свободы, умственнаго и нравственнаго развитія личности»*. — Неопредѣленность, туманность этихъ теорій поразительна. Онѣ обходятъ молчаніемъ всѣ элементы, изъ коихъ слагается право собственности; а именно, онѣ не только не дѣлаютъ различія *въ объектахъ собственности*, но и не говорятъ ничего о *способахъ ея пріобрѣтенія*. Вотъ собственныя слова двухъ самыхъ извѣстныхъ представителей теоріи собственности, основанной на человѣческой природѣ. «Личное право человѣка по отношенію къ природѣ, говоритъ Фихте старшій, состоитъ въ обладаніи сферою дѣйствія, достаточною для добыванія средствъ къ жизни. Следовательно, эта физическая сфера должна быть гарантирована каждому, но подъ условіемъ, чтобы каждый также общалъ ей цѣнность своимъ трудомъ. И такъ, всѣ должны работать и всѣ также должны имѣть чѣмъ работать». Но, очевидно, этому требованію естественнаго права, «чтобы каждый человѣкъ обладалъ сферою дѣйствія, достаточною для добыванія средствъ къ жизни», столь же хорошо можетъ удовлетворить владѣніе, какъ и частная собственность. «Собственность, говоритъ профессоръ Аренсъ въ своемъ

курсъ естественнаго права, составляетъ для каждаго чело-
вѣка условіе его жизни и развитія. Она основана на самой
природѣ челоуѣка и должна, слѣдовательно, разсматриваться
какъ первоначальное и безусловное право, которое не со-
ставляетъ результата никакого внѣшняго дѣйствія въ родѣ
завладѣнія, труда или договора. Такъ какъ право исходитъ
непосредственно изъ челоуѣческой природы, то достаточно
быть челоуѣкомъ, чтобы имѣть право на собственность». Изъ
приведенныхъ выдержекъ видно, что оба эти писателя
признаютъ естественнымъ правомъ челоуѣка собственность
не только на предметы потребленія, но и на орудія произ-
водства. Изъ чего слѣдуетъ, во-1-хъ, что сдѣланное Фихте
и Аренсомъ обоснованіе собственности не совпадаетъ съ со-
временнымъ порядкомъ собственности, какъ нарушающимъ
«естественное право» челоуѣка, ибо въ немъ громадное
число людей не имѣетъ собственности на орудія произво-
дства, во-2-хъ, частная собственность на орудія труда им
требуется какъ безусловно необходимое условіе физическаго
и духовнаго развитія челоуѣка;— между тѣмъ, можно ука-
зать на существованіе физически, умственно и нравственно
развитыхъ общинъ, не имѣющихъ частной собственности на
орудія производства. Соціалисты, именно ради самостоятель-
ности, свободы, физическаго, умственнаго и нравственнаго
развитія челоуѣка, ограничиваютъ частную собственность
только предметами потребленія, а на орудія производства
устанавливаютъ лишь право владѣнія. Въ 3-хъ, Фихте и
Аренсъ совершенно упускаютъ изъ виду тѣсную зависимость
порядковъ собственности отъ состоянія техники, что можетъ
быть объяснено единственно полнымъ незнакомствомъ ихъ
съ экономической наукой. Дѣло въ томъ, что частная соб-
ственность каждаго отдѣльнаго индивида на орудія труда до-
пускаетъ лишь мелкія формы производства. Между тѣмъ,

прогрессъ техники, выражающійся, главнымъ образомъ, въ замѣнѣ труда человѣка машиною, требуетъ все болѣе и болѣе производства въ крупныхъ размѣрахъ. Машины, уже обнявшія обрабатывающую промышленность, начинаютъ вводиться и въ земледѣліе; несомнѣнно, не долго ждать того времени, когда прогрессъ сельско-хозяйственной техники достигнетъ такого состоянія, что экономическіе мотивы будутъ требовать крупнаго сельскаго хозяйства. Осуществить же крупное производство, обнимающее какъ обрабатывающую, такъ и земледѣльческую промышленность, и, въ то же время, не дѣлать орудія производства собственностью незначительнаго меньшинства, возможно лишь при коллективной собственности на орудія труда, предоставляющей производителямъ только право владѣнія ими. Для осуществленія теоріи «естественнаго права» о собственности надлежало бы вернуться къ патріархальнымъ мелкимъ формамъ промышленности, что, очевидно, невозможно, да и не желательно *).

«Трудовая теорія» собственности, принятая по преимуществу экономистами, указываетъ и внутреннее основаніе собственности, и вытекающіе изъ этого основанія способы приобрѣтенія ея. Основаніе собственности видитъ она «въ

*) Лавеле, исходя изъ «естественнаго права», требующаго, чтобы каждый человѣкъ обладалъ собственностью на орудія производства, и видя въ современномъ квинтскомъ правѣ собственности отрицаніе естественнаго права, указываетъ на коллективную земельную собственность, какъ на идеаль развѣтія, къ которому должно стремиться европейское общество, «иначе оно зайдетъ въ такой глухой уголокъ, гдѣ цивилизація погибнетъ». (De la propriété et de ses formes primitives. Ch. XXVI).

Но при коллективной собственности отдѣльныя лица будутъ имѣть только право владѣнія. Лавеле смѣшалъ, въ данномъ случаѣ, собственность съ владѣніемъ.

естественномъ правѣ *каждаго* *человѣка* *на* *обладаніе* *ре-*
зультатами *своего* *труда*». Собственность на капиталъ
основывается на моментѣ *сбереженія* продукта собственного
труда; собственность на землю—на моментѣ *вложенія* *соб-*
ственного *труда* *или* *капитала* въ почву; и, наконецъ,
изъ права обладанія результатами своего труда вытекаетъ,
по ученію этой теоріи, право завѣщанія или посмертнаго
дара.—Трудовая теорія собственности заключаетъ въ себѣ
лишь одно вѣрное положеніе, а именно: что современная
идея о *справедливомъ* требуетъ обоснованія собственности
и частныхъ доходовъ на трудѣ. Отсюда объясняется и про-
исхожденіе самой теоріи. Но такое понятіе о справедливомъ
распредѣленіи собственности не можетъ быть названо «есте-
ственнымъ», «природнымъ», «абсолютнымъ». Древній
міръ и средніе вѣка не знали его. Появленіе этого понятія
сдѣлалось возможнымъ лишь съ признаніемъ равенства правъ
людей. Да и современный порядокъ собственности не осно-
вывается на трудѣ. Если Бастіа, Тьеръ, а за ними и дру-
гіе экономисты защищали настоящіе порядки собственности
въ силу принципа, что «каждый человекъ имѣетъ право
на результаты своего труда», то это только показываетъ
совершенное непониманіе ими природы современныхъ эконо-
мическихъ отношеній. Для осуществленія этого принципа
надлежало бы перевернуть верхъ дномъ весь современный
порядокъ собственности. Наука теперь выяснила, что накоп-
леніе капитала въ производствѣ происходитъ путемъ при-
своенія чужаго труда, что въ возвышеніи стоимости земель-
ной собственности и получаемыхъ съ нея доходовъ играютъ
значительную роль различные соціальные факты, въ коихъ
земельные собственники ни мало не повинны (увеличеніе
плотности населенія, проведеніе желѣзныхъ дорогъ, разви-
тіе обрабатывающей промышленности и мн. др.). Это не-

соотвѣтствіе современныхъ порядковъ собственности съ идеей о справедливомъ обоснованіи собственности и есть причина возникновенія соціалистическаго ученія и требованій реформъ въ собственности со стороны экономистовъ реалистической школы. Справедливо замѣчаетъ Лавеле: «Еслибы трудъ былъ источникомъ собственности, то какъ могло случиться, чтобы «институціи» и гражданскій кодексъ ничего о томъ не ска-
зали».

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что порядокъ собственности, основанный на трудѣ, не есть *исходный* пунктъ развитія собственности, не представляется реализованнымъ *въ настоящее время*, а составляетъ *идеальную цель*, къ которой несомнѣнно приближается человѣчество. Слѣдовательно, «трудовая теорія» есть *не фактъ, а проблема*.

Римскіе юристы видѣли причину происхожденія собственности *въ завладѣніи предметомъ, не имѣющимъ хозяина*, и считали фактъ завладѣнія достаточнымъ основаніемъ для защиты собственности. Это воззрѣніе на происхожденіе собственности и правовое основаніе ея господствуетъ также въ современной юриспруденціи. Новѣйшія изслѣдованія по исторіи земельной собственности опровергають «теорію завладѣнія». «Исторія доказываетъ, говоритъ Лавеле, что земля никогда не разсматривается людьми какъ *res nullius*. Территорія охоты у охотничьихъ народовъ, мѣсто сгона стадъ у народовъ пастушескихъ всегда считаются коллективною принадлежностью цѣлаго племени, и такое владѣніе продолжается даже послѣ того, когда путемъ воздѣлыванія земля слѣлана плодородною. Повсюду, какъ въ древнія времена, такъ и теперь, земля объявлялась принадлежащею общинѣ или государству, и потому ни прежде, ни теперь не было мѣста «завладѣнію» *res nullius*. Завладѣніе служило въ первобытныя времена лишь источникомъ приобрѣтенія движимыхъ

вещей, но и тогда оно было ограничиваемо соображеніями, вытекающими изъ факта общественной жизни людей и изъ общихъ имъ всѣмъ потребностей въ вещахъ, подлежащихъ завладѣнію».

Но еслибы даже «теорія завладѣнія» объясняла исторію происхожденія собственности правильно, то, и въ такомъ случаѣ, можно ли признать, что завладѣніе вещью есть достаточная причина для пріобрѣтенія надъ нею права собственности. Завладѣніе есть фактъ, зависящій отъ случая или силы. Въ немъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ элементовъ, съ которыми современныя идеи о справедливомъ связываютъ право на вещь. На захватъ нельзя основать право. Мы заняли островъ. Спустя нѣкоторое время на этотъ же островъ выброшенъ человѣкъ, потерившій кораблекрушеніе. Для него не осталось предметовъ завладѣнія. Какія его права? Умереть съ голоду или сдѣлаться нашимъ рабомъ.

Воззрѣнія реалистической школы на институтъ собственности всего ближе къ «*легальной теоріи*», представителями которой служатъ Монтескье и Лабуле. По этой теоріи, право частной собственности не есть естественный фактъ, данный самою природою человѣка, а учрежденіе общественной власти, писаннаго или неписаннаго закона. — И въ самомъ дѣлѣ, объемъ, содержаніе и способы пріобрѣтенія частной собственности въ различныя эпохи и у разныхъ народовъ весьма различны и основанія этихъ различій очень разнообразны.

Но законъ есть только внѣшній фактъ. Спрашивается, что вызвало законы о частной собственности и въ чемъ лежатъ причины ихъ различій? Конечно, глубочайшимъ, первичнымъ основаніемъ происхожденія частной собственности и различныхъ ея порядковъ есть борьба частныхъ интересовъ, результатъ которой выражается въ законахъ. Самымъ главнымъ и общимъ фактомъ, вызвавшимъ разло-

женіе патріархальнаго общиннаго владѣнія и возникновеніе частной земельной собственности, было раздѣленіе общества на высшій и низшій классы, раздѣленіе, происшедшее частью изъ завоеваній, частью изъ родоваго начала *) «Господство общинныхъ формъ владѣнія, говоритъ проф. Ковалевскій (Общин. Землевлад.), являясь препятствіемъ къ переходу земли изъ рукъ въ руки, нарушаетъ тѣмъ самымъ интересы, какъ привилегированныхъ сословій и народныхъ вождей, такъ и ремесленно-торговаго населенія городовъ. Господство начала неотчуждаемости общинныхъ земель лишаетъ первыхъ фактической возможности неограниченнаго расширения состоящихъ въ ихъ владѣніи помѣстій. Неосуществимость выгодъ отъ общиннаго пользованія иначе, какъ подъ условіемъ постояннаго пребыванія въ мѣстѣ нахождения общинныхъ земель, являясь препятствіемъ къ переселеніямъ въ города, затрогиваетъ тѣмъ самымъ весьма существенно интересы ремесленно-торговаго населенія. Неудивительно, поэтому, если привилегированныя сословія и ремесленно-торговое населеніе сходятся въ концѣ концовъ другъ съ другомъ въ одномъ стремленіи — поколебать общинное начало владѣнія землею, съ цѣлью сдѣлать тѣмъ самымъ возможной, съ одной стороны, дальнѣйшую дезапроприацію сельскаго населенія, а съ другой, свободу передвиженія послѣдняго въ промышленныя и торговые центры». Господствующіе классы, владѣя законодательною властью, учреждали выгодные для себя порядки собственности, обосновывая ихъ какою либо правовою идеей. Важнѣйшіе типы порядковъ частной собственности, различающихся между собою

*) Богатый и тщательно обработанный матеріалъ о причинахъ разложенія общиннаго владѣнія представляетъ изслѣдованіе проф. Ковалевскаго «Общинное землевладѣніе», 1879.

видами объектов, содержанием, способами приобретения и идеологическими обоснованиями права собственности, суть — рабство, крепостничество, ленные отношения, цеховой порядок и современное свободно-конкурреционное хозяйство.

Какъ всякая социальная теорія, такъ и теорія собственности имѣетъ задачу не только объяснить прошедшее и настоящее, но и указать идеалъ, то есть, наилучшій ближайшій ходъ развитія. По общему сознанию, институтъ собственности долженъ стремиться къ осуществленію: справедливаго распредѣленія, свободы, къ созданію условій для физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія личности и для возможно большей производительности народнаго хозяйства. Высшее основаніе его есть *общественный интересъ*; изъ чего слѣдуетъ, что *собственность есть институтъ не частнаго права, а социальна-юридическій институтъ*. Реалистическая школа признаетъ, что увеличеніе матеріальнаго благосостоянія низшихъ классовъ составляетъ коренное условіе увеличенія ихъ свободы, физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Въ то же время это увеличеніе совпадетъ съ современнымъ понятіемъ о справедливомъ распредѣленіи, требующимъ, чтобы обоснованіе собственности на базисѣ труда становилось все болѣе *общимъ и исключительнымъ*. Такимъ образомъ, свобода, физическое, умственное и нравственное развитіе народа, съ одной стороны, и справедливое распредѣленіе собственности, — съ другой — гармонируютъ между собою. Современная идея о справедливости въ распредѣленіи собственности встрѣчаетъ, по справедливому мнѣнію реалистической школы, коллизію лишь по отношенію къ одной важной цѣли института собственности, а именно — по отношенію къ задачѣ его создать имущественныя условія, при которыхъ достигалась бы наибольшая *производительность* народнаго хозяйства. Въ пред-

шествующихъ главахъ было указано, что реалистическая школа считаетъ необходимымъ, по крайней мѣрѣ, при настоящихъ условіяхъ европейскихъ обществъ, сохранить, въ интересахъ высшей производительности, частную собственность на орудія производства, хотя въ размѣрахъ болѣе ограниченныхъ, нежели въ какихъ она существуетъ въ настоящее время. Между тѣмъ прибыль на капиталъ чужда трудовому принципу въ распредѣленіи; и, слѣдовательно, распредѣленіе продуктовъ и обоснованіе собственности на базисѣ труда не могутъ быть вполне проведены въ частно-хозяйственной системѣ. Въ виду этого, реалистическая школа признаетъ необходимость компромиссовъ между принципомъ справедливаго распредѣленія и требованіемъ возможно большаго производства. Въ первомъ случаѣ осуществляется *правовой элементъ*, во второмъ — *экономическій*. «Но, замѣчаетъ Вагнеръ, народно-хозяйственная проблема *хорошаго распредѣленія* народнаго дохода должна предшествовать проблемѣ *возможно большаго производства* цѣнностей; а между тѣмъ, въ теоріи, она не получила еще достаточнаго значенія. Изъ двухъ главныхъ проблемъ народнаго хозяйства она есть важнѣйшая... Изъ этихъ соображеній должны выводиться основанія для народно-хозяйственной оцѣнки юридическаго института частной собственности, особенно частной собственности на капиталъ и землю» *).

Съ точки зрѣнія этихъ двухъ главныхъ задачъ народнаго хозяйства должно быть устанавливаемо: а) объекты, на которые можетъ простираться право собственности; б) содержаніе вещныхъ правъ, входящихъ въ право собственности; в) способы приобрѣтенія собственности. Организация собственности въ примѣненіи къ существующимъ условіямъ дѣйстви-

*) Lehrb. d. Nation. Oecon. § 108. S. 139. 1876.

тельности составляет одну изъ важнѣйшихъ задачъ экономической политики реалистической школы. Но школа эта не пришла еще къ единству возрѣній даже на счетъ самыхъ крупныхъ вопросовъ собственности. Такъ, на примѣръ, одни изъ представителей ея: Ланге, Замтеръ, Лавеле полагаютъ, что общественный интересъ требуетъ исключенія земли изъ объектовъ частной собственности, другіе считаютъ это несвоевременнымъ. Общанный берлинскимъ профессоромъ Вагнеромъ объемистый 5-ти томный учебникъ политической экономіи представитъ первую попытку подробнаго изложенія организациі народнаго хозяйства по принципамъ реалистической школы.

Но, рядомъ съ шестротою въ возрѣніяхъ экономистовъ реалистической школы на счетъ цѣлесообразности тѣхъ или другихъ соціально-экономическихъ реформъ, существуетъ общирная область мѣръ, вытекающихъ изъ принциповъ экономической политики реалистической школы, современность и настоятельность которыхъ признается всѣми представителями ея. Съ цѣлью «соціальнаго просвѣщенія общественнаго мнѣнія, указанія законодательству пути ближайшей соціальной реформы» былъ учрежденъ въ октябрѣ 1872 года, въ Эйзенахѣ, «Verein für Socialpolitik», дѣйствующій по настоящее время. Учредителями союза были, главнымъ образомъ, профессора нѣмецкихъ университетовъ. Въ настоящее время членами союза состоятъ также адвокаты, журналисты, чиновники, техники, фабриканты, промышленники. Союзъ получилъ важное значеніе органа общественной мысли о ближайшихъ задачахъ реформы законодательства. Полагаемъ умѣстнымъ привести существенныя мѣста изъ рѣчи профессора Шмоллера, произнесенной при открытіи союза, въ которой высказаны принципы, руководящіе работами союза.

«Глубокій раздоръ, проникнувшій въ наши общественныя

состоянія, раздѣлившій предпринимателей отъ работниковъ, имущіе классы отъ неимущихъ, и который грозитъ соціальною революціею, возбудилъ сомнѣніе въ томъ: дѣйствительно ли, господствующія на рынкѣ народно-хозяйственныя доктрины манчестерской школы политической экономіи, представителемъ которыхъ служить народно-хозяйственный конгрессъ, должны вѣчно сохранить свое господство; наступило ли съ введеніемъ промышленной свободы, съ устраненіемъ всѣхъ устарѣлыхъ, средне-вѣковыхъ законовъ, улучшение въ хозяйственномъ положеніи народа, которое съ такимъ жаромъ было предсказываемо манчестерскою школою.

Народно-хозяйственный конгрессъ не разъ высказывался противъ всѣхъ плановъ реформъ, которые не соответствовали его, одностороннимъ доктринерскимъ принципамъ. Нѣтъ никакого рабочаго вопроса, утверждалъ онъ; то, что называютъ этимъ именемъ, есть только заблужденіе или демагогическое предострекательство. Рабочій классъ имѣетъ теперь все, въ чемъ онъ нуждается; кто не идетъ впередъ, — виноватъ самъ въ томъ. Даже къ ассоціациямъ отдѣльные члены конгресса относились не дружелюбно; участіе работниковъ въ прибыли осуждалось ими, какъ вмѣшательство въ предпринимательскій доходъ; на промышленные союзы нападали они потому, что чуяли въ нихъ новыя цеховыя идеи, и потому что, вообще, ненавидѣли всякую корпоративную организацію; возражали противъ фабричнаго законодательства, учрежденія фабричныхъ инспекторовъ, не находя для нихъ оправданія въ нашихъ нѣмецкихъ промышленныхъ отношеніяхъ. Третейскіе промышленные суды и учрежденія для соединенія рабочихъ и капиталистовъ (Einigungsämter) народно-хозяйственный конгрессъ приравнивалъ къ инквизиціоннымъ судамъ. Все это имѣло такой видъ, какъ будто партія, которая когда-то требовала, во имя чести

ловѣческихъ правъ, освобожденія непривилегированныхъ классовъ отъ жестокихъ тяжестей, теперь выступаетъ защитницею одностороннихъ классовыхъ интересовъ предпринимателей; какъ будто, прикрываясь знаменемъ народной свободы, она желаетъ теперь доставить свободу эксплуатаціи большимъ предпринимателямъ, капитало-владѣльцамъ, высшимъ общественнымъ классамъ.

«Направленіе, противоположное этому, не могло ничего ожидать отъ своего представительства на народно-хозяйственномъ конгрессѣ; вмѣсто того, чтобы вливать новое вино въ старые мѣха, оно сочло болѣе цѣлесообразнымъ выступить самостоятельно и создать однородное собраніе, практическую организацію для возрѣвѣвшихъ, давно уже пустившихъ корни въ различныхъ политическихъ и хозяйственныхъ кружкахъ. Такимъ путемъ оно надѣялось дѣйствовать болѣе сильно на общественное мнѣніе и законодательство. Такъ явился планъ сегодняшняго собранія.

«Мы не скрываемъ отъ себя трудности достигнуть соединенія всѣхъ тѣхъ, которые извѣстны какъ противники такъ называемой манчестерской партіи; трудность коренится въ томъ, что они принадлежатъ къ различнымъ политическимъ партіямъ.

«Профессора и ученые этого направленія, которымъ ихъ противники дали прозвище «соціалистовъ на кафедрахъ», хотя и принадлежатъ всѣ къ среднимъ политическимъ партіямъ, но, въ сущности, они вліяютъ своими экономическими взглядами не на эти партіи, опирающіяся на предпринимательское сословіе и которыя, въ своемъ отношеніи къ борьбѣ этого сословія съ рабочими, не могутъ совершенно освободиться отъ своей связи съ предпринимательскимъ сословіемъ. Созывавшіе настоящее собраніе ясно понимали, что они должны искать поддержку какъ въ прогрессивномъ, такъ

и въ консервативномъ лагеряхъ, — что имъ слѣдовало пригласить къ общему совѣту всѣхъ своихъ экономическихъ единомышленниковъ, не взирая на политическій оттѣнокъ партіи, къ которой принадлежатъ послѣдніе. Поэтому они намѣренно пригласили умѣренныхъ социалистовъ и членовъ партіи центра.

«Такой характеръ собранія устраняетъ дебаты о принципахъ. Надо сейчасъ же перейти *in mediam rem*, къ самымъ важнымъ проектамъ реформъ, каковы, на примѣръ, стачки рабочихъ, промышленные союзы, фабричное законодательство, жилищный вопросъ, съ тѣмъ, чтобы добиться въ нихъ практическихъ результатовъ. Если это удастся, то имѣется въ виду повтореніе собранія по болѣе широкой программѣ».

«Если мы, вслѣдствіе указаннаго характера собранія, и выступаемъ предъ собраніемъ безъ общей программы, то я долженъ сказать въ заключеніе моей рѣчи, что большинство тѣхъ, кто созывалъ собраніе и подписывалъ приглашенія — люди, читающіе въ нѣмецкихъ университетахъ политическую экономію, исторію права и руководящіе статистическими бюро, — стоятъ на почвѣ единодушнаго принципиальнаго убѣжденія и сдѣлали этотъ шагъ въ силу этого убѣжденія».

«Они смотрятъ одинаково на государство, которое, по ихъ взглядамъ, должно также далеко стоять отъ возвеличенія индивидуума по принципамъ естественнаго права, а слѣдовательно, и отъ защиты его произвола, какъ и отъ абсолютной теоріи всепоглощающей государственной власти. Помѣщая государство въ общее теченіе историческаго прогресса, они признаютъ, что его задачи должны быть, смотря по условіямъ культуры, то шире, то уже. Но никогда не считаютъ они государство, подобно естественному праву и манчестерской школѣ, необходимымъ зломъ, которое нужно ограничить. Для нихъ государство есть всегда величественное».

нравственное учрежденіе для воспитанія человѣческаго рода. Истинно-преданные конституціонной системѣ, они, однако, не хотятъ переменяющагося сословнаго господства различныхъ экономическихъ классовъ, борющихся между собою. Они хотятъ сильной государственной власти, стоящей выше эгоистичныхъ сословныхъ интересовъ, которая издавала бы законы, вела честно администрацію, поддерживала бы слабыхъ, поднимала низшіе классы. Они видятъ въ двухсотлѣтней борьбѣ, какую побѣдоносно ведутъ прусское чиновничество и прусское королевство за правовое равенство, за устраненіе всѣхъ привилегій и преимуществъ высшихъ классовъ, за эмансипацію и поднятіе низшихъ классовъ, — лучшее наслѣдіе нашего нѣмецкаго государственнаго строя, которому мы должны пребыть вѣрны.

«При обсужденіи нашего экономического состоянія, они вовсе не отрицаютъ блестящихъ, неслыханныхъ успѣховъ нашего времени въ техникѣ и производствѣ, въ торговлѣ и развитіи сношеній, но они заявляютъ также открыто о глубокихъ общественныхъ язвахъ, о возрастающемъ неравенствѣ доходовъ и имуществъ, о ложномъ промышленномъ движеніи, о недостаткѣ солидности въ отдѣльныхъ классахъ торговаго міра, о грубости и необузданности, возрастающихъ въ извѣстной части низшихъ классовъ, какъ слѣдствіе общихъ причинъ. Главную причину всего этого видятъ они въ томъ обстоятельстве, что, въ послѣднее время, во всѣхъ успѣхахъ раздѣленія труда, во всѣхъ нововведеніяхъ производства, въ промышленныхъ учрежденіяхъ, въ договорахъ между капиталомъ и трудомъ, равно какъ и въ законодательствѣ по этимъ предметамъ, всегда спрашивали только о томъ: — подымется ли отъ этого въ данную минуту производство и вовсе не ставили другаго столь же важнаго вопроса: какое дѣйствіе они будутъ имѣть на людей? доста-

вять ли эти новыя организаціи достаточную поддержку для образованія нравственныхъ факторовъ, безъ которыхъ общество не можетъ существовать? воспитываютъ ли онѣ достаточно юные элементы? дѣйствуютъ ли онѣ и среди взрослыхъ на прилежаніе, бережливость, честность, семейную жизнь, такъ, чтобы и въ этомъ видѣлись успѣхи рядомъ съ хозяйственными? Они убѣждены въ томъ, что недосмотръ такой психологической связи между формами организаціи народнаго хозяйства и общимъ нравственнымъ состояніемъ націи есть корень зла и что реформы должны исходить изъ признанія этой связи.

«Ихъ сужденіе о рабочемъ вопросѣ основывается на этихъ взглядахъ. Они признаютъ, что рабочіе въ настоящее время не много лучше одѣваются и ѣдятъ, что, можетъ быть, теперь не столько тысячъ погибаютъ медленною, голодною смертію, какъ въ прошлыхъ солѣтіяхъ; но для нихъ это небольшое утѣшеніе. Они спрашиваютъ прежде всего: показываютъ ли условія, въ какихъ живетъ теперь большинство рабочихъ, какой либо нравственный и экономическій прогрессъ, и должны это отрицать, по крайней мѣрѣ, для большинства настоящихъ рабочихъ. Въмѣсто того, они видятъ, что рабочіе представляютъ собою все болѣе рѣзкій контрастъ съ имущими и образованными классами, и, притомъ, уже не въ одномъ экономическомъ положеніи; образовалась страшная пропасть между міровоззрѣніемъ, образованіемъ, взглядами и идеалами имущихъ и неимущихъ классовъ, и эта пропасть опаснѣе экономической. Они вспоминаютъ изъ исторіи, что вся высшая культура грековъ, римлянъ и другихъ народовъ погибла отъ подобныхъ же противоположностей въ соціальной борьбѣ классовъ, вслѣдствіе неспособности найти примиреніе между высшимъ и низшимъ классами. Такъ точно, хотя и въ отдаленіи, они видятъ такую

же опасность и для нашей культуры, если не удастся на столько поднять, образовать и примирить низшіе классы на почвѣ нашего правового равенства, общей школы, военной повинности, а также и дальнѣйшихъ реформъ, стоящихъ на очереди, чтобы эти классы слились въ гармоніи и мирѣ съ организмомъ общества и государства.

«Нашъ общественный идеалъ не есть нивелированіе въ социалистическомъ смыслѣ; мы считаемъ то общество самымъ нормальнымъ и здоровымъ, которое представляетъ собою лѣстницу различныхъ существованій, но съ легкими переходами отъ одной ступени къ другой. Между тѣмъ, нашему теперешнему обществу угрожаетъ болѣе и болѣе уподобиться лѣстницѣ, въ которой сверху и снизу много ступенекъ, а среднія ступени прогрессивно исчезаютъ.

— «Недовольные существующими социальными отношеніями, реформа въ которыхъ представляется неотразимою необходимостью... мы выступаемъ за справедливое, твердо проведенное фабричное законодательство; мы требуемъ, чтобы свобода труда была дѣйствительною свободою, а не вела, какъ теперь, къ эксплуатаціи рабочаго; мы требуемъ дѣйствительной, а не формальной свободы рабочихъ, при заключеніи рабочаго договора, даже еслибы рабочій заявилъ такія притязанія, которыя имѣли бы нѣкоторую аналогію со старымъ цеховымъ бытомъ; мы требуемъ, чтобы свобода промышленности повсюду контролировалась путемъ гласности, и тамъ, гдѣ въ послѣдней чувствуется недостатокъ, изслѣдованіе производило бы государство и публиковало результаты. Съ этой точки зрѣнія, мы требуемъ учрежденія фабричныхъ инспекторовъ, контрольных учреждений надъ банками и страховыми обществами; съ этой точки зрѣнія, мы, главнымъ образомъ, требуемъ учрежденія комиссій для обслѣдованія социального вопроса. Мы не требуемъ, чтобы го-

сударство давало низшимъ классамъ деньги для сомнительныхъ экспериментовъ; но требуемъ, чтобы оно заботилось совершенно иначе, чѣмъ до сихъ поръ, объ ихъ образованіи и воспитаніи, чтобы оно заботилось о томъ, не живетъ ли рабочій классъ въ такихъ условіяхъ работы и жилищъ, которыя необходимо ведутъ къ еще большому пониженію его физическаго, умственнаго и нравственнаго состояній.

«Мы признаемъ, что слишкомъ большое неравенство въ имуществѣхъ и распредѣленіи доходовъ, что слишкомъ рѣзкая сословная борьба должна со временемъ уничтожить и всѣ свободныя политическія учрежденія и привести насъ къ абсолютному правительству. Уже по одному этому, мы вѣримъ, что государство не можетъ равнодушно смотрѣть на подобное общественное развитіе.

— «Мы требуемъ отъ государства, какъ и отъ всего общества, и отъ каждаго человѣка, желающаго работать надъ задачами эпохи, чтобы они руководились высокимъ идеаломъ. И этотъ идеаль не можетъ и не долженъ быть никакимъ другимъ кромѣ приобщенія все большей и большей части нашего народа къ высшимъ благамъ культуры: — къ образованію и достатку. Такова должна быть великая, въ лучшемъ смыслѣ слова, демократическая задача нашего развитія, являющаяся намъ и какъ высшая цѣль исторіи человѣчества.

— «Но, довольно. Мы вѣдь не хотимъ говорить сегодня о крупныхъ принципиальныхъ вопросахъ, а желаемъ только рассмотреть отдѣльные вопросы практической задачи. Но, намъ казалось умѣстнымъ, прежде чѣмъ перейти къ дебатамъ, изложить честно и открыто основную точку зрѣніятѣхъ, кто содѣйствовалъ, главнымъ образомъ, нашему собранію» *).

* Verhandlungen der Eisenacher Versammlung am 6 und 7 Octob. 1872.

Рефераты членовъ союза, дебаты, результаты голосованій печатаются въ «Schriften des Vereins für Socialpolitik». Большая часть социально-экономическихъ законо-проектовъ, принятыхъ союзомъ, могутъ быть удобно примѣнены къ условіямъ нашей жизни. Изданіе «Schrift. d. Ver. f. Socialpolitik» въ русскомъ переводѣ составило бы цѣнный вкладъ въ нашу экономическую литературу. Оно оказало бы значительное вліяніе на образованіе и усовершенствованіе правильныхъ экономическихъ понятій въ обществѣ и прессѣ.

ГЛАВА V.

Значеніе берлинской конференціи по рабочему вопросу.

Въ текущемъ (1890 г.) году свершилось событіе громадной важности, — событіе, которымъ, быть можетъ, послѣдующіе историки будутъ отмѣчать новую эру социальнаго строя. Мы говоримъ о берлинской конференціи по рабочему вопросу, нанесшей жестокий ударъ системѣ свободной конкуренціи.

Берлинская конференція явилась результатомъ жизненныхъ теченій 19 вѣка; ближайшимъ же образомъ — *развитія оппозиціонной Смитовской школы литературы и усиленія политическаго значенія рабочихъ классовъ.*

Идеи оппозиціонной системѣ свободной конкуренціи литературы находили себѣ обширную аудиторію. Аудиторія эта состояла изъ разнообразныхъ общественныхъ группъ; но самой многочисленной и наиболѣе жадно прислушивающейся группой былъ рабочій классъ. Рабочій классъ, взятый въ цѣломъ, не читаетъ ученыхъ книгъ въ подлинникъ; но къ его услугамъ являются народныя изданія и народныя газеты, популяризующія научныя идеи. Понятно громадное значеніе на-

родной прессы, распространяющей образованіе среди низшихъ классовъ, разъясняющей имъ причины ихъ неудовлетворительнаго экономическаго положенія и указывающей въ то же время пути къ улучшенію своей участи.

Народная политическая пресса, пресса, популяризирующая науку, является могучимъ факторомъ современной дѣйствительности, котораго не знала исторія вплоть до 19 вѣка. — Эта пресса сильнѣйшимъ образомъ ускоряетъ возрастаніе въ общественныхъ отношеніяхъ равенства и гуманности. Она продолжаетъ то движеніе, которое было девизомъ первой французской революціи. Революція эта была, главнымъ образомъ, дѣломъ обогатившагося и просвѣтившагося третьяго сословія. Сословіе это исполнило важную роль въ исторіи развитія человѣчества. Въ борьбѣ за улучшеніе своего социальнаго положенія ему пришлось выставить противъ привилегій земельной аристократіи идею свободы и равенства правъ людей. Но общественные порядки, посредствомъ которыхъ думали осуществить эту идею, оказались во многомъ не достигающими цѣли. Свобода конкуренціи, возвѣщенная французской революціей, оказалась лишь свободой для сильныхъ; вмѣсто осуществленія равенства правъ, она стала важнѣйшимъ источникомъ фактическихъ привилегій. Между тѣмъ, идеи свободы и равенства крѣпко засѣли въ сознаніи современнаго общества; изъ нихъ исходитъ устройство новѣйшаго либеральнаго государства; проведеніе ихъ въ жизнь составляетъ существенный интересъ четвертаго сословія.

Одна изъ задачъ народной прессы есть распространять просвѣщеніе въ рабочихъ классахъ. Другая ея задача состоитъ въ указаніи имъ путей къ улучшенію своего социальнаго положенія. И вотъ, въ числѣ этихъ путей, какъ самый важный, наиболѣе цѣлесообразный, указывается: —

организация рабочих в союзы; союзы по промыслам, союзы национальные и, наконец, международный союз рабочих.

Каково значение этих союзов в настоящее время и чего следует ожидать от них в будущем? — Отвѣчая на этот вопрос, уместно будет привести мнѣніе по этому предмету энергичнаго и талантливаго изслѣдователя рабочих союзовъ профессора Brentano.

Политическіе и экономическіе перевороты прошлаго и нынѣшняго столѣтій, говоритъ Brentano, совершенно преобразовали социальный строй. Исходными принципами современнаго государственнаго устройства признаны свобода и равенство передъ закономъ. Трудъ, сдѣлавшійся свободнымъ, обратился въ товаръ, подлежащій продажѣ — покупкѣ. Смито-рикардовская школа полагала, что, при такомъ положеніи труда, работники могутъ достигнуть участія въ благахъ культуры, лишь бы только размноженіе ихъ не обгоняло роста національнаго капитала. Опытъ 19 столѣтія показалъ ложность этого воззрѣнія. Возрастаніе національнаго богатства въ Англіи, Франціи, Германіи обгоняетъ ростъ населенія и имѣетъ результатомъ, что культура становится достояніемъ лишь достаточныхъ классовъ, увеличивается имущественная пропасть между работодателями и рабочими, развивается антагонизмъ между ними, общественному порядку грозятъ опасности, на сцену является социальный вопросъ. Экономисты различно объясняли источникъ социального вопроса. Соціалистическіе писатели видятъ его въ основномъ началѣ современной экономической организациі: въ приравненіи труда къ товару. Но разрѣшеніе социального вопроса, говоритъ Brentano, можетъ и должно совершиться при сохраненіи за трудомъ положенія товара. Надо только поставить трудъ - товаръ въ такія условія, чтобы онъ не

былъ вынужденъ подчиняться всѣмъ условіямъ рынка, какъ бы не благопріятны они не были для него.

Главнѣйшимъ средствомъ къ такому положенію труда является *организація рабочихъ въ союзы*. Безсиленъ единичный рабочій; но сплоченные въ союзы рабочіе могутъ противостоять капиталу и устранить неблагопріятныя для нихъ условія рынка.

Этотъ путь къ выходу изъ современной общественной неурядицы не есть только теоретическая мысль; онъ указанъ самой жизнью. Рабочіе союзы возникли и развиваются во всѣхъ промышленныхъ государствахъ западной Европы; но раньше и наибольшаго значенія они достигли въ Англии, какъ странѣ, развившей прежде другихъ крупную промышленность и создавшей тѣмъ самымъ наибольшій процентъ населенія, извлекающаго средства существованія изъ продажи рабочей силы.

Исслѣдовавъ происхожденіе, характеръ и экономическое значеніе англійскихъ рабочихъ союзовъ (*trades - unions*), Брентано видитъ въ нихъ ту организацію труда, которая, достигнувъ своего полного развитія, поставитъ трудъ въ положеніе установителя условій рабочаго договора и, такимъ образомъ, разрѣшитъ задачу нашего времени о равномѣрномъ участіи въ благахъ культуры всѣхъ общественныхъ классовъ.

Возрѣнія Брентано на грядущія отношенія между трудомъ и капиталомъ наводятъ на вопросъ:—если рабочей классъ, путемъ сплоченія, поставитъ въ будущемъ трудъ въ положеніе установителя всѣхъ условій рабочаго договора и, благодаря этому, возвыситъ существенно заработную плату, то не сдѣлается ли доля капитала столь ничтожной, что совершится имущественное и обусловливаемое имъ прочее гражданское уравненіе общественныхъ классовъ въ такой

степени, что предвидимый Brentano порядокъ вещей представить совершенно отличный отъ настоящаго социальный строй? И далѣе:—если рабочіе приобрѣтутъ прямое воздѣйствіе на самое *направленіе* производства и *его размеры*, какъ это полагаетъ Brentano, то какой же останется *raison d'être* къ сохраненію формы капиталистическаго производства, характеризующейся существованіемъ наемнаго труда?

Въ своихъ работахъ Brentano изслѣдуетъ, главнымъ образомъ, экономическую роль рабочихъ союзовъ. Но эти союзы имѣютъ также важное политическое значеніе. Эту сторону союзовъ особенно ярко выдвигалъ Лассаль, какъ въ своихъ брошюрахъ, рѣчахъ, такъ и въ практической дѣятельности. Только достигнувъ господствующаго вліянія на законодательство, училъ Лассаль, рабочій классъ будетъ въ состояніи осуществить крупныя социальныя преобразованія. При наличности же общаго избирательнаго права, эта цѣль лучше всего достигается образованіемъ «Национальнаго Рабочаго Союза». Такой союзъ будетъ дружно вотировать за выставленныхъ его центральнымъ бюро кандидатовъ въ парламентъ; по мѣрѣ умноженія членовъ союза, число представителей народа въ законодательномъ собраніи будетъ возрастать; въ результатѣ, представители народа составятъ большинство и проведутъ тогда социальныя реформы въ интересахъ труда.

Для Германіи выступленіе Лассаля на общественную дѣятельность, отъ 1862 по 1864 годъ, знаменуетъ время, когда стремленія рабочаго класса въ этой странѣ, до сихъ поръ неопредѣленно выражавшіяся и разрозненныя, получили твердую точку опоры и единство въ дѣйствіяхъ. Съ этого момента образуется народная партія, которая представляетъ интересы рабочаго класса. Дѣятельность Лассаля служитъ прекраснымъ примѣромъ той роли, которая принадлежитъ

въ исторіи геніальнымъ дѣятелямъ. Конечно, не Лассаль создалъ рабочее движеніе въ Германіи,—всѣ элементы его уже были готовы въ современныхъ условіяхъ жизни,—но онъ далъ толчокъ къ соединенію этихъ элементовъ и тѣмъ ускорилъ историческій ходъ событій.

Политическому значенію рабочихъ союзовъ радуются не одни радикалы, но всякій, кто понимаетъ смыслъ социаль-ныхъ явленій и сочувствуетъ увеличенію благоденствія и правды въ общественныхъ отношеніяхъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ о политическомъ значеніи этихъ союзовъ вліятельный членъ нынѣшней консервативной партіи въ Германіи, берлинскій профессоръ Ад. Вагнеръ: «Соціаль-демократическое движеніе рабочихъ,—читаемъ въ его *Учебникъ политической экономіи*,—насколько оно имѣетъ цѣлью увеличеніе политической власти рабочаго класса для вліянія на ходъ законодательства въ своихъ интересахъ, имѣетъ не только полный *raison d'être*, но безъ усиленія политическаго значенія рабочихъ классовъ послѣдніе никогда не измѣнили бы своего положенія. Насколько же въ социаль-демократическомъ движеніи распространена мысль о немедленномъ и полномъ уничтоженіи частнаго капитала, настолько это движеніе безразсудно и опасно какъ для общихъ интересовъ, такъ и для интересовъ рабочихъ классовъ».

Организаціонное движеніе рабочихъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій современности. На всемъ западѣ Европы и въ Америкѣ рабочій классъ спланивается въ союзы и на пріобрѣтеніе имъ политической силы смотритъ, какъ на радикальнѣйшее средство для улучшенія своей участи и все большаго пріобщенія къ благамъ культуры. Въ то же время, рабочіе, образовавшіе союзы, начинаютъ уже извлекать изъ нихъ экономическую пользу тѣмъ, что продаютъ свой товаръ, рабочую силу, не индивидуально, а совмѣстно, на

общихъ условіяхъ, чѣмъ ослабляютъ разрушительное вліяніе на нихъ закона сирова и предложенія труда. Въ настоящее время рабочіе союзы достигли значительнаго развитія въ Соединенныхъ Штатахъ Англіи и Германіи и оказали уже вліяніе какъ на законодательство, такъ и на повышение заработной платы, сокращеніе величины рабочаго дня и другія условія рабочаго контракта. Но, разумѣется, совершенно измѣнится отношеніе силъ между трудомъ и капиталомъ, а также и политическое значеніе рабочаго класса, когда союзы обнимутъ бѣольшую часть рабочаго населенія.

Какіе, по истинѣ, изумительные успѣхи дѣлаетъ организационное движеніе рабочихъ, о томъ свидѣтельствуютъ недавніе выборы въ рейхстагъ. Вотъ, на примѣръ, цифры, сообщенныя *Frankfurter Zeitung*, сопоставившей голоса, поданные за социаль-демократовъ въ двадцати шести большихъ городахъ теперь и двѣнадцать лѣтъ назадъ: въ трехъ округахъ Гамбурга въ 1878 году насчитывалось около 20,000 социаль-демократовъ-избирателей, въ 1890 г. — 67,000; въ Мюнхенѣ за 12 лѣтъ произошло увеличеніе съ 5,000 до 25,000; во Франкфуртѣ-на-Майнѣ — съ 4,080 до 12,653; въ Штутгартѣ — съ 4,130 до 10,370; въ Галле — съ 1,046 до 12,390; въ Кенигсбергѣ — съ 1,100 до 12,300 и т. д. Во всѣхъ двадцати шести большихъ городахъ въ 1878 г. за социаль-демократовъ подано было 214,000 голосовъ, а въ 1890 г. — 506,000.

Какое политическое значеніе имѣетъ социаль-демократическая партія въ Германіи уже въ настоящее время показываетъ статистика голосованія въ рейхстахъ, напечатанная въ *National Zeitung*. Всѣхъ голосовъ на выборахъ 1890 г. подано 7.031,400. Изъ нихъ за консерваторовъ подано 919,646 голосовъ, за имперскую партію — 457,936, за національ-либераловъ — 1.169,112, за свободомысле-

шихъ — 1.147,863, за южно-германскихъ демократовъ — 131,438, за центръ и вельфовъ — 1.420,438, за поляковъ — 245,852, за эльзасъ-лотарингцевъ партіи протеста — 100,479, за социаль-демократовъ — 1.341,587. И такъ, первую по численности ея сторонниковъ партіей теперь оказывается *центръ*, вторую — *социаль-демократія*. По сравненію съ предъидущими выборами (1887 г.), консерваторы *потеряли* 274,858 голосовъ, имперская партія — 235,259, національ-либералы — 489,046, центръ — 206,657, эльзасцы партіи протеста — 147,175. *Выиграли*: социаль-демократы — 567,405, свободомыслящіе — 202,561, поляки — 33,226 и демократы — 22,066.

Что же касается столицы Германіи, Берлина, то здѣсь, изъ шести избирательныхъ округовъ, только въ первомъ округѣ, гдѣ живетъ наиболѣе фешенебельное населеніе, избранъ не социаль-демократическій кандидатъ. Въ остальныхъ же округахъ социаль-демократы избраны или громаднымъ перевѣсомъ голосовъ, или имъ предстояла перебаллотировка съ кандидатами другихъ партій. При этомъ соперниками имъ являлись политическія звѣзды первой величины. Такъ, во второмъ округѣ, Янишевскій соперничалъ съ знаменитымъ Вирховымъ; въ третьемъ — Вильдбергеръ съ однимъ изъ вождей свободомыслящихъ — Мункелемъ; въ четвертомъ — Зингеръ съ Евгениемъ Рихтеромъ; въ пятомъ — Аэрбахъ съ талантливымъ свободомыслящимъ — Баумбахомъ; въ шестомъ — вождь социаль-демократической партіи Либкнехтъ получилъ изъ 67,000 всѣхъ поданныхъ заявленій 41,000 голосовъ.

Въ виду этихъ цифръ, не избирательнымъ маневромъ только представляется слѣдующее воззваніе консервативной партіи къ своимъ избирателямъ на послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ: «Граждане! Сила социаль-демократовъ ро-

стеть, сторонники ихъ прибываютъ, исполните же и въ свой долгъ. Отъ васъ зависитъ еще, чтобы враги наши не побѣдили, снѣшите къ избирательнымъ урнамъ». Послѣ же объявленія результата выборовъ, консервативный кандидатъ Ирмеръ произнесъ на собраніи рѣчь, въ которой призналъ, что его партія разбита. «Это наша Іена», — сказалъ онъ. А социаль-демократы шумно ликовали по поводу одержанной ими побѣды.

Указанныя нами движенія: развитіе и распространеніе оппозиціонной системѣ свободной конкуренціи литературы, съ одной стороны, сплоченіе, стачки, волненія рабочихъ — съ другой, имѣли результатомъ, что *соціальный вопросъ* сталъ злобою дня, онъ выдвинулся на авансцену общественной и политической жизни Западной Европы, онъ признанъ во просомъ первостепенной государственной важности. Государственные люди стали приходить къ сознанію настоящей необходимости разстаться съ принципомъ невмѣшательства и вторгнуться въ борьбу между капиталомъ и трудомъ въ интересахъ послѣдняго. Государство, его экономическая и политическая организація, есть всегда выраженіе силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, выраженіе господствующихъ въ данное время интересовъ и стремленій. Оно, по выраженію Маркса, всегда служитъ повивальной бабкой старому обществу, которое бываетъ беременно новымъ.

Недавно вышедшая книга Поттингера: *Aktenstücke zur Wirthschaftspolitik des Fürsten Bismark* — обнаруживаетъ очень интересный историческій фактъ въ области соціальной политики: оказывается, что еще въ 1871 году между Германіей и Австріей происходили переговоры по поводу рабочаго вопроса и что уже въ то время возрѣнія бывшаго германскаго канцлера на этотъ счетъ мало чѣмъ отличались отъ тѣхъ мыслей, которыя выражаетъ теперь моло-

дой германскій императоръ. Лѣтомъ 1871 года князь Бисмаркъ имѣлъ свиданіе въ Гаштейнѣ съ гр. Бейстомъ, тогда министромъ-президентомъ Австріи. Между прочимъ, бесѣда зашла и о рабочемъ движеніи; къ обоюдному удовольствію обоихъ государственныхъ людей, мнѣнія ихъ оказались очень сходными. Какъ Бейстъ, такъ и Бисмаркъ считали вопросъ этотъ чрезвычайно серьезнымъ, требующимъ вмѣшательства государства въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, съ цѣлью удовлетворенія справедливыхъ требованій рабочаго, государство должно вмѣшаться въ экономическія отношенія при помощи рабочаго законодательства; во-вторыхъ, для подавленія опасныхъ для государства попытокъ, необходимы особые уголовные законы, насколько они совмѣстимы съ здоровою общественною жизнью. Графъ Бейстъ предложилъ канцлеру составить комиссію изъ представителей обоихъ государствъ, людей науки и практики, для обсужденія намѣченныхъ вопросовъ; нѣсколько времени спустя, имъ же послана была въ Берлинъ записка о социальномъ вопросѣ въ Австріи.

Въ то время министромъ торговли въ Пруссіи былъ графъ Итценлицъ, и обсужденіе вопросовъ рабочаго законодательства относилось къ его вѣдомству. Къ нему канцлеръ и обратился съ приглашеніемъ собрать необходимый матеріалъ и составить инструкціи для проектированной комиссіи. Князь Бисмаркъ совѣтовалъ министру торговли поручить подготовительную работу кружку изъ лицъ, хорошо освѣдомленныхъ о положеніи рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ государства. Сюда должны были войти землевладѣльцы, живущіе въ своихъ помѣстьяхъ, фабриканты, политико-экономы различныхъ направленій и интеллигентные рабочіе.

Тогдашній прусскій министръ торговли, не смотря на все обаяніе, которое ему внушалъ канцлеръ, счелъ, однако, та-

кое предложеніе крайне опаснымъ. «Я боюсь, — отвѣтили онъ кн. Бисмарку, — возбудить сужденія, исхода которыхъ мы не можемъ придвидѣть. Правительство можетъ очутиться въ тяжелой необходимости подавлять идеи, громкое, выраженіе которыхъ оно само же вызвало». Отвѣтъ канцлера на эти замѣчанія находится въ письмѣ къ графу Итценлицу, отъ 5 ноября 1871 года. Вотъ главные мѣста этого интереснаго историческаго документа:

«... Опасенія, высказываемыя вашимъ высокопревосходительствомъ, кажутся мнѣ основанными на недоразумѣніи. Новая социалистическая доктрина, въ особенности насколько она находится въ связи съ дѣятельностью интернаціонала, ничего не хочетъ знать о современномъ государствѣ, ни объ его національномъ, ни объ его принципиальномъ значеніи. Эта доктрина абсолютно отвергаетъ содѣйствіе существующихъ правительствъ и ставитъ во главѣ своей программы превращеніе нынѣшнихъ государствъ въ единое социалистическое народное государство. Вмѣшательство правительства въ социалистическое движеніе, вслѣдствіе этого, не имѣетъ ничего общаго съ побѣдой социалистической доктрины. Наоборотъ, активная дѣятельность государственной власти кажется мнѣ единственнымъ средствомъ, способнымъ остановить социально-революціонное движеніе и направить его на законные пути. Нужно реализовать все то, что дѣйствительно справедливо въ социалистическихъ требованіяхъ и что осуществимо въ предѣлахъ нынѣшняго государственнаго и общественнаго порядка... Социалистическія требованія и постулаты такъ глубоко уже проникли въ массы, что было бы безцѣльно и вредно игнорировать это ученіе или пытаться замолчать его; опасность отъ этого не прекратится. Я считаю нашимъ долгомъ и актомъ разумной политики громко и публично обсу-

ждать требованія рабочихъ для того, чтобы вводимыя въ заблужденіе массы слышали не только голосъ агитатора, но и мнѣнія всѣхъ добросовѣстныхъ людей, и могли составить себѣ изъ противоположныхъ сужденій ясное заключеніе о томъ, что въ ихъ требованіяхъ справедливо, что возможно и что неисполнимо. Само собою разумѣется, что при такомъ сужденіи вниманіе, главнымъ образомъ, будетъ обращено на жгучія темы дѣйствительности: на вопросы о заработной платѣ, рабочемъ времени, жилищахъ, примирительныхъ камерахъ и т. д.». Въ заключеніе своего письма кн. Бисмаркъ прямо требуетъ, по соображеніямъ политическимъ, чтобы желаніе его было исполнено и чтобы конференція съ австрійскими представителями состоялась.

Графъ Итценлицъ, конечно, подчинился; но уже выборы лицъ, призванныхъ имъ къ участию въ собираніи матеріаловъ по соціальному вопросу, ясно показывалъ, что попытка будетъ неудачна. Конференція съ австрійскими делегатами по соціальному вопросу, однако, состоялась: это было въ ноябрѣ 1872 года въ Берлинѣ. Прусскимъ министромъ-президентомъ тогда состоялъ военный министръ Роонъ, и работы конференціи происходили подъ его наблюденіемъ. До сихъ поръ неизвѣстно въ чемъ состояли переговоры; къ опредѣленнымъ результатамъ они не привели, и акты коммисіи, вѣроятно, хранятся въ какомъ-нибудь архивѣ. Возможно, что канцлеръ не рисковалъ тогда выступить противъ рейхстага, національ-либеральное большинство котораго въ экономическихъ вопросахъ еще всецѣло проникнуто было манчестерскими воззрѣніями.

Не менѣе мудрая мысль высказана Бисмаркомъ въ одномъ изъ первыхъ засѣданій рейхстага 1884 года. Отвѣчая на рѣчь соціалиста Бебеля, отмѣтившаго побѣду своей партіи на выборахъ, канцлеръ сказалъ:

«Соціалъ-демократія, въ нынѣшнемъ ея видѣ, есть симптомъ общественнаго неустройства, ея существованіе является напоминаемъ для современнаго государства, что не все въ порядкѣ, что многое должно быть измѣнено и улучшено. Въ этомъ слысѣ оппозиція, какъ вопль вѣрно выразился предъидущій ораторъ, дѣйствительно полезна для страны. Если бъ не было социалъ-демократовъ и если бъ не было толпы, которая ихъ боится, мы не имѣли бы и тѣхъ скромныхъ результатовъ въ области социальной реформы, которые достигнуты за послѣдніе годы (Бебель: «Совершенно вѣрно!»). Страхъ передъ социалъ-демократіей — очень полезный элементъ, когда имѣешь дѣло съ людьми, не отзывающимися сердцемъ на нужды своихъ бѣдныхъ согражданъ».

Сходное съ этимъ сказалъ также министр Берлепшъ при открытіи берлинской конференціи по рабочему вопросу: «По мнѣнію императора, — читаемъ въ рѣчи президента конференціи, — рабочій вопросъ требуетъ вниманія всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Искать разрѣшенія этого вопроса обязываетъ насъ не только гуманность, но и государственная мудрость, задача которой — попеченіе о благѣ всѣхъ гражданъ, съ сохраненіемъ, притомъ, безцѣнныхъ благъ многовѣковой цивилизаціи. Въ виду этой задачи, всѣ европейскіе государства находятся въ одинаковомъ или въ сходномъ положеніи. Уже эта однородность ихъ положенія оправдываетъ попытку достигнуть между правительствами соглашенія, съ цѣлью сообща оказать противодѣйствіе общей опасности посредствомъ предупредительныхъ мѣръ».

Табую же настоятельную необходимость въ социальной реформѣ видитъ и другой государственный челоѣкъ современной Германіи, вождь партіи центра — Виндгорсть. «Мы всегда стояли, — заявляетъ Виндгорсть, — за социальную реформу, и наша партія будетъ со-всею своею силой содѣйствовать

предпринятому императоромъ дѣлу. Одна нація не можетъ исключительно своими усиліями достигнуть замѣтнаго улучшенія въ положеніи рабочихъ, и потому созваніе конференціи доставить вѣчную славу императору. Идея соціальной реформы вошла въ жизнь и уже не умретъ; неудержимо она будетъ принимать все большее и большее развитіе. Соціальная реформа является важнѣйшимъ вопросомъ въ концѣ текущаго столѣтія, подобно тому, какъ въ концѣ прошлаго вѣка на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о политическихъ правахъ. Императоръ несетъ знамя, мы слѣдуемъ за нимъ».

Особые уголовные законы для подавленія опасныхъ для государства попытокъ, о которыхъ говорилъ кн. Бисмаркъ въ своихъ сношеніяхъ съ Бейстомъ, были въ послѣдствіи созданы въ видѣ исключительнаго закона противъ соціаль-демократіи. Политическіе процессы, ссылки, запрещенія газетъ, обществъ, митинговъ (на основаніи этого закона) стали въ восьмидесятыхъ годахъ обычнымъ явленіемъ внутренней жизни Германіи. И что же въ результатъ?—ростъ соціаль-демократическаго движенія превзошелъ самыя крайнія опасенія, самыя смѣлыя ожиданія. Не такимъ, значить, путемъ надо бороться съ соціаль-демократіей. Противъ исключительныхъ законовъ высказалась теперь даже ультра-консервативная газета *Kreuz-Zeitung*. Указы императора,— читаемъ въ статьѣ, озаглавленной *Соціаль-демократія и исключительный законъ*,—исходятъ изъ той мысли, что многія изъ требованій четвертаго сословія вполнѣ справедливы и заслуживаютъ поддержки государства. Исключительный законъ основанъ совершенно на иномъ принципѣ; онъ признаетъ въ соціаль-демократіи «революціонную бестію», которую слѣдуетъ подавить силой. Одно съ другимъ несовмѣстимо не только въ идеѣ, но и въ дѣйствительности, какъ это доказала двѣнадцатилѣтняя практика. Если бы правитель-

ство внесло теперь новый проект противъ социаль-демократіи, оно достигло бы только того, что благоприятное впечатлѣніе, произведенное въ народѣ указами императора, исчезло бы и замѣнилось прежнимъ чувствомъ недовѣрія къ нынѣшнему государству. Пора освоиться съ мыслью, что путь припужденія и подавленія долженъ быть оставленъ».

Нельзя не порадоваться распространенію мысли, что общественный переворотъ, которымъ угрожаетъ социаль-демократія въ случаѣ пренебреженія ея требованіями, можетъ быть предотвращенъ не репрессивными мѣрами, а удовлетвореніемъ, шагъ за шагомъ, справедливыхъ и возможныхъ требованій рабочаго класса. Такая политика поведетъ за собою уменьшеніе антагонизма между рабочими и имущими классами и ростъ сознанія, что идеальное государство будущаго можетъ и должно быть построено не на развалинахъ нынѣшняго государства, а путемъ постепенной и широкой реформы существующаго общественнаго строя.

Что и вожди социаль-демократіи не считаютъ насильственный переворотъ непремѣннымъ условіемъ осуществленія ихъ идеаловъ, — объ этомъ прямо заявилъ Бебель въ многочисленномъ собраніи социаль-демократовъ въ Франкфуртѣ, 13 февраля текущаго года. «Нерѣдко приходится слышать, — сказалъ онъ, — будто социаль-демократія — партія насильственнаго переворота; наши противники, утверждающіе это, ссылались даже на одну мою брошюру: *Unsere Zukunft*. Мѣста, которыя приведены изъ этой моей работы, вырваны изъ общей связи и даютъ совершенно ложное показаніе о моихъ взглядахъ. Я никогда не говорилъ, что осуществленіе нашихъ идеаловъ связано съ насильственной экспроприаціей, а, наоборотъ, утверждалъ, что форма, способъ разрѣшенія социальнаго вопроса зависятъ, прежде всего, отъ благоразумія буржуазныхъ партій. Обстоятельства мѣняются, и

было бы безуміемъ предписывать теперь опредѣленную форму общественнаго пересозданія. Господа, полгода тому назадъ никто бы изъ васъ не повѣрилъ, что найдется германскій императоръ, который включить въ свою программу постановленія парижскаго конгресса рабочихъ!...»

Безспорно, берлинская конференція *оказала не малую услугу дѣлу распространенія сознанія, что социальная реформа есть важнѣйшая задача нашего времени.* Германское правительство, своимъ вмѣшательствомъ въ борьбу партій, превратило политическую агитацію во всенародное обсужденіе вопросовъ социальнаго устройства. Препирательства объ отношеніи государства къ церкви, о торговой политикѣ и многіе другіе пункты обычныхъ избирательныхъ программъ играли на послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ второстепенную роль. На всеобщее голосованіе поставленъ былъ вопросъ о правахъ рабочаго населенія, и правительство, устами императора, ясно высказало свои воззрѣнія на этотъ предметъ.

«Бываютъ событія, — говорилъ профессоръ Вагнеръ передъ консервативными избирателями перваго берлинскаго округа, — которыя вызываютъ гражданина изъ уединенія и заставляютъ его броситься въ борьбу; такимъ событіемъ для меня было обнародованіе указовъ нашего императора. Эта превосходная программа является достойнымъ продолженіемъ посланія императора Вильгельма I, отъ 1881 года, впервые высказавшаго обязанности государства предъ рабочими. Съ моей христіанско-соціальной точки зрѣнія я не могу не видѣть въ указахъ императора осуществленія своихъ идеаловъ; на многіе годы, можетъ быть, даже на десятилѣтія, намъ начертана государственная дѣятельность, *отодвигающая всѣ другія задачи политической жизни.* Разумѣется, въ немногихъ словахъ нельзя было исчерпать

всѣхъ ближайшихъ мѣръ къ удовлетворенію справедливыхъ требованій народа, но главныя черты намѣчены превосходно. Идея рабочаго представительства, какъ только она будетъ исполнѣ осуществлена, предоставитъ рабочимъ возможность ставить свои условія капиталу; на это они и до сихъ поръ имѣли право по закону, но не находили силъ для осуществленія своего права. Мнѣ казалось бы, что для нынѣшнихъ выборовъ кардинальнымъ пунктомъ всякой выборной программы долженъ быть рабочій вопросъ. Каждому кандидату, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, прежде всего слѣдуетъ поставить вопросъ: какъ онъ относится къ указамъ императора? Всѣ остальные пункты ничтожны сравнительно съ этимъ основнымъ вопросомъ».

По окончаніи выборовъ въ рейхстагъ, газета *Grenzboten* напечатала статью, выражавшую мысль о скоромъ преобразованіи германскихъ партій въ томъ смыслѣ, что главнымъ основаніемъ для группировки послужитъ отношеніе ихъ къ социальнымъ вопросамъ. Статья обратила на себя вниманіе и сдѣлалась предметомъ живаго обсужденія прессы. При этомъ, даже оппоненты, какъ, на примѣръ, *Vossische Zeitung* и *National Zeitung*, соглашались, что социальные вопросы несомнѣнно приобрѣтаютъ все большее значеніе въ дѣятельности отдѣльныхъ партій и что современемъ социальная политика будетъ служить отличительнымъ признакомъ политическихъ партій.

Сходство общихъ условій экономическаго порядка въ европейскихъ государствахъ и Соединенныхъ Штатахъ Америки имѣетъ результатомъ, что отъ Стокгольма до Неаполя и отъ Берлина до Чикаго социальные вопросы стали предметомъ живѣйшаго обсужденія, предметомъ страховъ и упованій

въ литературѣ, парламентахъ, общественныхъ собраніяхъ и среди государственныхъ людей. Выступастъ въ этомъ дѣлѣ и церковь. Римскія газеты сообщаютъ за послѣднее время о намѣреніи папы опубликовать энциклику по социальному вопросу. Въ ожиданіи ея, въ католической прессѣ много и съ сочувствіемъ говорятъ о недавно вышедшей въ Америкѣ книгѣ кардинала Джиббонса: *Наше христіанское наслюдіе*. Книга эта предназначена служить руководствомъ для католиковъ. Кардиналъ Джиббонсъ принадлежитъ къ числу тѣхъ прелатовъ, которые наиболѣе дѣятельно склоняются къ внесенію социалистическаго направленія въ политику папскаго престола.

Другой кардиналъ, глава англійскихъ католиковъ, Маннингъ, пишетъ, по поводу берлинской конференціи, редактору *Deutsche Revue*: «Милостивый государь! вы желаете знать, что я думаю о предложеніи, съ которымъ германскій императоръ обратился къ европейскимъ державамъ въ цѣляхъ созванія конференціи для обсужденія вопроса о положеніи труда тѣхъ милліоновъ людей, которые въ различныхъ странахъ живутъ исключительно своимъ трудомъ. Я считаю этотъ актъ германскаго императора однимъ изъ наиболѣе разумныхъ и наиболѣе почтенныхъ актовъ, какіе возникали въ наше время по инициативѣ правителя. Тяжелое положеніе, въ какомъ находятся рабочіе во всѣхъ европейскихъ странахъ, вызываетъ сильныя опасенія. Продолжительность рабочаго времени, привлеченіе къ фабричному труду женщинъ и дѣтей, недостаточность заработной платы, неувѣренность и неопредѣленность, которыя окружаютъ рабочихъ, горячая конкуренція, создаваемая современными экономическими условіями, разложеніе всего строя домашней жизни, являющееся въ результатѣ дѣйствія указанныхъ и имъ подобныхъ причинъ, — все это ставитъ рабочихъ въ невозможность жить человѣческою жизнью. Какимъ

образомъ человѣкъ, вынужденный работать въ теченіе пятнадцати или шестнадцати часовъ въ день, можетъ выполнять обязанности отца по отношенію къ своимъ дѣтямъ? Какимъ образомъ женщина, которой приходится быть внѣ дома въ теченіе цѣлаго дня, можетъ выполнять свои материнскія обязанности? Семейная жизнь невозможна, а, между тѣмъ, именно на семейной жизни народа покоится въ значительной степени весь политическій строй человѣческаго общества. Если основа рушится, что станется съ самымъ зданіемъ? Въ виду всего этого нельзя не признать, что императоръ Вильгельмъ показалъ себя истиннымъ и дальновиднымъ государственнымъ мужемъ. Примите и проч. Генри Э. кардиналъ Маннингъ, архіепископъ вестминстерскій».

Въ концѣ прошлаго года среди протестантскаго духовенства Пруссіи возникла мысль объ устройствѣ съѣзда для обсужденія вопросовъ соціальной политики. Въ маѣ конгрессъ состоялся. По сообщенію газетъ, онъ отличался необыкновеннымъ многочисленіемъ. Главнымъ предметомъ сужденій конгресса было *законодательство въ защиту труда*. Между прочимъ конгрессъ высказался за ограниченіе рабочаго дня для взрослыхъ *десятью* часами. «Послѣднее требованіе, — говорилъ на конгрессѣ Ад. Вагнеръ, — принимаетъ уже совершенно практическій характеръ, и уже нашелся прусскій министръ г. Берленшъ, который не говоритъ о нормальномъ рабочемъ днѣ, какъ объ утопіи; точно также мы въ этомъ пунктѣ не слишкомъ далеки отъ социаль-демократовъ, потому что тѣ изъ нихъ, которые сидятъ въ рейхстагѣ, отлично понимаютъ, что, при настоящихъ условіяхъ, можетъ быть рѣчь не о восьми, а о десятичасовомъ днѣ. Я не думаю, — продолжалъ ораторъ, — чтобы интересы капитала пострадали отъ такого нововведенія, хотя надо сознаться, что требованія культуры не могутъ быть осу-

ществлены безъ жертвъ со стороны имущихъ». Становясь на ту же точку зрѣнія, Штекеръ призывалъ пасторовъ къ распространенію идеи соціального законодательства. Конгрессъ коснулся также вопроса о жилищахъ рабочихъ. Одинъ изъ референтовъ этого вопроса, извѣстный устроитель колоніи рабочихъ, д-ръ Бодельшвингъ, указавъ на тѣсную связь между квартирными условіями и состояніемъ физическаго и нравственнаго развитія народа, заключаетъ, что дальнѣйшій ростъ промышленности, вызвавшій переселеніе массъ въ большіе города, можетъ повести къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ, если государство, городскія управленія и союзы не позаботятся своевременно о созданіи лучшаго типа квартиръ для рабочихъ. Въ числѣ мѣръ, предложенныхъ референтомъ, заслуживаетъ вниманія требованіе, по которому разрѣшеніе на открытіе новой фабрики можетъ быть дано только по представленіи предпринимателемъ доказательствъ, что онъ позаботился объ устройствѣ удовлетворительныхъ жилищъ для рабочихъ.

Весьма импозантнымъ свидѣтельствомъ того, въ какой степени соціальный вопросъ занимаетъ въ наше время умы общества, служитъ узумительный успѣхъ соціального романа *Looking backward 2000—1887*, написанный американскимъ беллетристомъ Беллами. Менѣе чѣмъ въ два года, въ одной лишь Америкѣ, продано болѣе 100,000 экземпляровъ этой книги. Романъ изображаетъ экономическій и общественный бытъ будущаго человѣчества въ томъ видѣ, какимъ онъ долженъ сдѣлаться по законамъ эволюціи, какъ ихъ понимаетъ Марксъ и его послѣдователи. Успѣхъ этой книги не ограничивается только огромнымъ числомъ проданныхъ экземпляровъ. Книга имѣла еще слѣдствіемъ образованіе клубовъ съ цѣлью содѣйствовать скорѣйшему осуществленію высказанныхъ въ ней идей.

Профессоръ Янжуль, помѣстившій въ апрѣльской и майской книжкахъ *Вѣстника Европы* за текущій годъ разборъ этого романа, дѣлаетъ слѣдующее интересное сообщеніе: «Въ октябрьской книжкѣ за 1889 годъ американскаго ученаго изданія—*Экономическаго Трехмѣсячнаго Журнала*, издаваемаго Гарвардскимъ университетомъ въ Бостонѣ, помѣщена статья извѣстнаго американскаго экономиста Николая Гильмана, подъ названіемъ *Национализмъ въ Соединенныхъ Штатахъ*. Подъ этимъ названіемъ авторъ разумѣетъ особое экономическое и политическое движеніе въ странѣ, вызванное романомъ Беллами. Если бы подобное извѣстіе появилось въ газетахъ, это можно было бы, пожалуй, счесть за обыкновенное газетное преувеличеніе; но серьезность лучшаго экономическаго журнала и имя Гильмана, извѣстнаго своимъ крупнымъ трудомъ въ политической экономіи, исключаютъ возможность подобныхъ предположеній. Очевидно, впечатлѣніе книжки Беллами было слишкомъ сильно, если спеціальнѣйшій журналъ помѣстилъ обширный разборъ романа»

«Широкое распространеніе этого произведенія со времени его появленія въ свѣтъ въ январѣ 1888 года, — пишетъ Гильманъ, — обязано тому факту, что серьезное чувство, съ которымъ оно написано, совпадаетъ съ глубокимъ и также широко распространеннымъ недовольствомъ существующими отношеніями. Чрезвычайное остроуміе, съ которымъ эта исторія развивается въ узкихъ предѣлахъ скуднаго вымысла и немногихъ типовъ, и артистическое изображеніе идей и нравовъ новаго общества, нарисованныхъ въ самыхъ розовыхъ краскахъ, — все это вмѣстѣ заинтересовало множество читателей. Американскіе издатели (не говоря, слѣдовательно, объ англійскихъ) продали сотни тысячъ экземпляровъ. Бостонскій равнинъ сдѣлалъ ея переводъ на нѣмецкій языкъ

и сообщаетъ также о переводахъ на другіе языки. Этотъ романъ въ настоящее время можетъ считаться наиболѣе своевременно появившеюся книгой въ Соединенныхъ Штатахъ».

Гильманъ далѣе прямо заявляетъ, что, благодаря такому успѣху, возможно ожидать вліянія романа на законодательство страны, и доказательствомъ именно служить «націоналистическое» движеніе, которое породилъ этотъ романъ. Прошло всего восемь мѣсяцевъ послѣ выхода книги Беллами, и уже въ сентябрѣ 1888 года основался въ Бостонѣ *Бостонскій клубъ Беллами*, позднѣе переименованный въ *Націоналистическій клубъ*, съ своимъ собственнымъ журналомъ и большимъ числомъ членовъ. «Цѣль клуба или общества заключается въ *націонализациі* промышленности и, поэтому, въ содѣйствіи къ осуществленію братства всего человѣчества; такъ какъ экономическая тенденція нашего вѣка, — сказано въ уставѣ общества, — благоприятствуетъ этой цѣли, то клубъ старается споспѣшествовать практическому усвоенію ея народомъ, знакомя его съ благотѣльной идеей, лежащею въ основѣ этой задачи, и поощряя національныя и мѣстные мѣры, пригодныя для ея достиженія».

По образцу этого бостонскаго общества къ 1 сентября 1889 года въ Америкѣ открыли дѣйствія *семнадцать* другихъ «націоналистическихъ клубовъ» въ разныхъ краяхъ страны, вполнѣ организованныхъ, и *шестьдесятъ восемь*, организованныхъ отчасти, и то же движеніе до нынѣ продолжается.

И такъ, болѣе 100,000 разошедшихся экземпляровъ, и возникновеніе нѣсколькихъ десятковъ клубовъ! Вотъ, истиннѣ, безпримѣрный успѣхъ соціального романа.

Такая универсальность и интензивность общественнаго движенія въ направленіи къ улучшенію участи рабочаго класса, къ бѣльшему и бѣльшему приобщенію его къ благамъ культуры, къ уменьшенію соціального неравенства между людьми заставляеть сдаваться въ бѣльшей или меньшей степени противоположные пользамъ труда интересы и предразсудки. Руководящіе органы европейской печати, защищавшіе до послѣдняго времени принципъ невмѣшательства государства или вмѣшательство крайне скромное, признають теперь важность вопросовъ, поставленныхъ на берлинской конференціи. Знаменательное признаніе въ этомъ отношеніи находимъ на страницахъ *Temps*, этого вліятельнаго представителя буржуазной экономической политики.

«Тотъ фактъ, что правительства отнеслись сочувственно къ берлинской конференціи, — говоритъ упомянутый органъ, — что они взяли въ свои руки «соціальный вопросъ», что они санкціонировали его и нѣкоторымъ образомъ отвели ему официальное мѣсто, — этотъ фактъ дѣйствительно служить признакомъ времени». Эти правительства представляють съ виду крайнее разнообразіе: конституція, нравы, религія — почти все у нихъ различно. Въ одной странѣ преобладаетъ военная аристократія, чуть не феодальная система; въ другой — передовая демократія. Католицизмъ, протестантизмъ, фритредерство оспаривають другъ у друга преобладаніе и раздѣляютъ между собою направленіе умовъ. Безконечное разнообразіе мнѣній, политическихъ формъ, организмовъ, — и, тѣмъ не менѣе, между этими столь различными и до нѣкоторой степени даже враждебными другъ другу силами обнаруживается одинъ общій имъ всѣмъ интересъ. Это одинаковая забота о рабочихъ массахъ, предчувствіе новаго восходящаго міра, сознаніе, что необходимо сдѣлать что-нибудь въ пользу слабыхъ, обездоленныхъ и

угнетенныхъ. Это экономическое и нравственное явленіе первостепенной важности».

Глава предпоследняго французскаго министерства, Тираръ, всю жизнь былъ яркимъ сторонникомъ принципа: «laissez faire, laissez passer». Но духъ времени захватываетъ всѣхъ и все. И вотъ въ рѣчи *передъ собраніемъ капиталистовъ* въ Нанси, по случаю открытія биржи въ этомъ городѣ, Тираръ говоритъ: «Наша обязанность въ томъ, чтобы содѣйствовать движенію, которое увлекаетъ современное общество по пути къ неустанному и разумному улучшенію условій человѣческаго существованія. Будьте увѣрены, мм. гг., это не утопіи и неосуществимыя мечты; напротивъ, это гарантіи порядка и общественнаго мира, это политика мудраго предвидѣнія, политика прогресса и, въ то же время, охраненія, — политика, къ которой могутъ и должны примкнуть всѣ, кому дорого будущее страны».

Та же мысль заявлена уже какъ программа дѣйствій нынѣшняго перваго министра Франціи, Фрейсине, въ его деклараціи предъ палатою депутатовъ, 6 марта текущаго года. «Мы будемъ стараться, — говорится въ рѣчи, — сгруппировать воедино всѣ силы. Мы не исключаемъ никого; мы примемъ на почвѣ республиканской всѣхъ, кто пожелаетъ добросовѣстно работать совмѣстно съ нами надъ развитіемъ экономическихъ и соціальныхъ реформъ, которыя, по нашей мысли, являются неперемѣнными послѣдствіями того режима, каковой приняла Франція».

Дѣйствительно, въ законодательное собраніе внесено уже много серьезныхъ законопроектовъ по рабочему вопросу. Такъ, напримѣръ: предложеніе Распайля объ учрежденіи во Франціи министерства труда на манеръ извѣстнаго американскаго статистическаго бюро; графа де-Мэна — объ организаціи фабричнаго труда на началахъ, принятыхъ послѣд-

ними рабочими конгрессами; Лакруа—объ учрежденіи третейскаго суда для разбора столкновеній рабочихъ съ работодателями, о гигиенической обстановкѣ фабрикъ и рабочихъ жилищъ и т. д., не говоря уже о законодательныхъ ограниченіяхъ женскаго и дѣтскаго труда.

Другой изъ дѣйствующихъ нынѣ французскихъ министровъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Рибо, тоже недавній еще противникъ вмѣшательства государства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, обратился съ слѣдующимъ циркуляромъ къ французскимъ представителямъ за границей: «Мм. гг., вопросы, относящіеся къ матеріальному, умственному и нравственному положенію рабочихъ, занимаютъ во всѣхъ странахъ все болѣе и болѣе видное мѣсто въ ряду интересовъ, привлекающихъ къ себѣ вниманіе общественной власти. Съ экономической точки зрѣнія это явленіе служитъ естественнымъ послѣдствіемъ непрерывно возрастающаго развитія крупнаго производства, умножившаго повсюду скопленіе рабочихъ и кореннымъ образомъ измѣниваго условія физическаго труда.

«Интересъ, возбуждаемый этими вопросами, нигдѣ не проявился въ болѣе ощутительной формѣ, чѣмъ въ нашей странѣ. Принципъ равенства передъ закономъ, проникающій все наше законодательство въ теченіе столѣтія, обезпечилъ за французскими рабочими въ тотъ самый моментъ, когда обнаруживался промышленный переворотъ, при которомъ мы теперь присутствуемъ, особенно благоприятное положеніе; и улучшеніе ихъ участи, особенно въ послѣднее двадцатилѣтіе, сдѣлалось, подъ вліяніемъ демократическаго характера нашихъ учреждений, одной изъ преобладающихъ заботъ законодателя. Въ настоящее время ихъ политическія права шире правъ рабочихъ въ какомъ бы то ни было другомъ государствѣ Европы; возможность вступать въ ассоціаціи

признана за ними на самыхъ широкихъ условіяхъ; приняты серьезныя мѣры для огражденія ихъ жизни и здоровья въ промышленныхъ заведеніяхъ; работа дѣтей и несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ регламентирована; наконецъ, общественная власть старалась увеличить для дѣтей и взрослыхъ средства къ полученію образованія. Болѣе щедро, чѣмъ прежде, была развита благотворительность въ отношеніи къ больнымъ, родильницамъ и старикамъ; и частная инициатива являлась на помощь государству въ дѣлѣ учрежденія больницъ, вспомогательныхъ и пенсіонныхъ кассъ, рабочихъ жилищъ, кооперативныхъ товариществъ, сберегательныхъ обществъ. Какъ вамъ извѣстно, мм. гг., нѣкоторыя мѣры представлены уже въ настоящее время на разсмотрѣніе французскихъ палатъ; другія, еще болѣе важныя, готовятся.

«Мнѣ казалось, что на той ступени, которой мы достигли, разработка реформъ, ожидающихъ еще осуществленія, была бы въ значительной мѣрѣ облегчена, если бы правительство и парламентъ имѣли въ рукахъ собраніе работъ по вопросу объ условіяхъ жизни рабочихъ въ другихъ промышленныхъ государствахъ».... Далѣе слѣдуетъ перечень вопросовъ, на которые министръ ожидаетъ отвѣта отъ французскихъ дипломатическихъ агентовъ.

Циркуляръ этотъ произвелъ большое впечатлѣніе какъ въ Парижѣ, такъ и въ остальной Франціи. Не говоря уже о томъ, что отъ него ждуть важныхъ послѣдствій, самый фактъ, что онъ вышелъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, до сихъ поръ игнорировавшаго интересы рабочаго населенія, какъ не входящія въ кругъ его дѣятельности, представляется характернымъ признакомъ времени. Съ другой стороны, Рибо извѣстенъ былъ какъ неисправимый оптимистъ теперешнихъ экономическихъ отношеній. Если, говорятъ, онъ

взялъ на себя инициативу широкаго изслѣдованія состоянія рабочаго вопроса за границей, — подготовительной работы для дѣятельности парламента въ этомъ направленіи, — значить, для рабочаго вопроса дѣйствительно наступаетъ новая эра, — значить, положеніе дѣль таково, что игнорировать дольше интересы рабочаго населенія нѣтъ возможности.

Другой французскій министр — министр торговли — принялъ еще болѣе широкое изслѣдованіе того же вопроса въ самой Франціи, разославши не только всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ, синдиктамъ рабочихъ и патроновъ, со-вѣтамъ прюдомовъ и т. д., но даже всѣмъ рабочимъ Сенскаго департамента, имена которыхъ внесены въ избирательные списки, цѣлый рядъ вопросовъ, имѣющихъ въ виду выяснить теперешнее положеніе рабочаго населенія и его стремленія.

Движеніе западно-европейскихъ законодательствъ въ пользу труда сказалось и на нашемъ законодательствѣ. Русское фабричное законодательство получило впервые характеръ защиты интересовъ труда лишь съ изданія закона 1 іюня 1882 года. Въ силу этого закона, воспрещена работа малолѣтнихъ, не достигшихъ двѣнадцатилѣтняго возраста, ограничена продолжительность работы подростковъ отъ 12 до 15 лѣтъ восемью часами и созданъ новый государственный органъ — фабричная инспекція, на обязанности котораго — слѣдить за исполненіемъ закона и представлять ежегодно отчеты о своей дѣятельности и о состояніи фабричнаго быта. Такимъ образомъ, законъ этотъ заключаетъ въ себѣ двѣ важныя стороны: онъ беретъ подъ опеку государства малолѣтнихъ рабочихъ и создаетъ, въ лицѣ фабричной инспекціи, дѣйствительный, а не фиктивный только, контроль государства надъ мануфактурами, фабриками и заводами. Благодаря учрежденію фабричной инспекціи, темный про-

мысленный міръ, энергично охранявшійся отъ посторонняго взора, выходитъ, наконецъ, на дневной свѣтъ.

Мануфактуристы, фабриканты и заводчики приняли этотъ законъ крайне недружелюбно. Государственное попеченіе о рабочемъ населеніи подверглось съ ихъ стороны и со стороны реакціонной печати систематическимъ нападкамъ; въ обществѣ явились опасенія отмены закона и возвращенія къ старому производству. Теперь опасенія должны разсѣяться. Въ текущую сессію государственнаго совѣта, совпавшаго съ берлинской конференціей по рабочему вопросу, выработанъ и опубликованъ новый законъ, идущій дальше закона 1 іюня 1882 года. Къ отряднымъ особенностямъ новаго закона принадлежитъ, прежде всего, законодательное запрещеніе ночной работы, отъ 9 час. вечера до 5 часовъ утра, для подростковъ и женщинъ въ цѣломъ рядѣ крупныхъ производствъ. И, далѣе, важное дополненіе къ прежнему закону заключается въ предоставленіи министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, временно, въ теченіе трехъ лѣтъ, распространять правила о работѣ и обученіи малолѣтнихъ на тѣ *ремесленные заведенія*, къ которымъ примѣненіе этихъ правилъ признано будетъ полезнымъ.

Правительство, повидимому, не думаетъ, даже и въ ближайшее время, остановиться на пути защиты труда. Газеты уже сообщили, что при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена комиссія для подробной разработки вопроса о предупрежденіи несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ, и для выработки проекта рациональнаго устройства жилищъ для рабочихъ, согласно послѣднимъ даннымъ, имѣющимся по этому предмету у насъ и за границей.

Рабочее движеніе, особенно въ послѣднія тридцать лѣтъ, возросло все сильнѣе и социальный вопросъ становился болѣе и болѣе злобою дня въ западно-европейской жизни... и вотъ, то, что говорилось и обсуждалось въ литературѣ, въ парламентахъ, въ общественныхъ собраніяхъ, на рабочихъ конгрессахъ, высказано, наконецъ, съ высоты трона, и высказано, притомъ, въ ясныхъ и энергичныхъ выраженіяхъ.

Императоръ Вильгельмъ II, торжественно открывъ 2 февраля засѣданіе государственнаго совѣта, обратился къ его членамъ со слѣдующею рѣчью:

«Гг. члены государственнаго совѣта! Моимъ рескриптомъ отъ 23 числа прошедшаго мѣсяца вы извѣщены, что я намѣренъ выслушать ваше мнѣніе о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя необходимы для урегулированія условій труда. Соответственно значенію государственнаго совѣта въ монархіи, важные вопросы социальнаго характера, требующіе удовлетворительнаго разрѣшенія, сначала будутъ вами основательно обсуждены, а затѣмъ представлены въ качествѣ законопроектовъ союзному совѣту и рейхстагу, которымъ по конституціи принадлежитъ право принять ихъ или отвергнуть. Я придаю большое значеніе тому, что мои предложенія будутъ разсмотрѣны съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, исполнимости и вѣроятныхъ послѣдствій лицами, какъ вы, принадлежащими къ различнымъ профессіямъ и располагающими практическимъ опытомъ. Задача, къ разрѣшенію которой я васъ пригласилъ сюда, серьезна и отвѣтственна. Защита, которая должна быть предоставлена рабочимъ противъ произвольной и не знающей преградъ эксплуатаціи; ограниченія, которымъ долженъ быть подверженъ трудъ дѣтей изъ человеколюбія и вниманія къ естественнымъ законамъ развитія; охрана женщины, какъ хозяйки рабочаго, столь не-

обходимая по экономическимъ и нравственнымъ побужденіямъ, — эти и связанные съ ними условія рабочей жизни доступны лучшему урегулированію, чѣмъ-то, которое существуетъ до сихъ поръ. Осторожно и съ знаніемъ дѣла при этомъ слѣдуетъ взвѣсить, въ какой мѣрѣ наша промышленность можетъ выдержать увеличеніе стоимости производства, вытекающее изъ развитія законодательства въ пользу рабочихъ, безъ нарушенія ея положенія на всемірномъ рынкѣ. Потеря заработка вслѣдствіе невозможности для какой-либо отрасли промышленности конкурировать съ другими странами повела бы не къ преслѣдуемой мною пользѣ для народа, а къ ухудшенію матеріальныхъ условій его существованія. Требуется высокая мѣра осмотрительности, чтобы избѣжать этой опасности. Счастливое разрѣшеніе задачъ, составляющихъ самый великій вопросъ нашего времени, тѣмъ важнѣе, что оно находится во взаимодействіи съ возбужденною мною мыслью о международномъ соглашеніи по рабочему законодательству.

«Не менѣе важно, для обезпеченія мирныхъ отношеній между хозяевами и рабочими, созданіе учреждений, въ которыхъ послѣдніе, черезъ своихъ довѣренныхъ лицъ, могли бы принять участіе въ устройствѣ своихъ общихъ дѣлъ и ограждать свои интересы при переговорахъ съ предпринимателями. Слѣдуетъ постараться создать связь между представительствомъ углекоповъ и горнозаводскимъ управленіемъ, чтобы такимъ путемъ предоставить рабочимъ возможность мирно и свободно выражать свои желанія и нужды, государственнымъ же органамъ — возможность имѣть вѣрныя свѣдѣнія о положеніи труда отъ самихъ заинтересованныхъ лицъ и сохранять постоянную близость къ рабочимъ. Желательно также самое внимательное обсужденіе вопроса о томъ, какимъ образомъ государственныя производства могутъ

быть преобразованы въ учрежденія образцовой заботливости о рабочихъ, которыя служили бы образцомъ для другихъ. Въ предстоящихъ теперь трудахъ я возлагаю надежду на испытанную преданность государственнаго совѣта. Мнѣ чужда мысль, что всѣ желательныя улучшенія въ этой области могутъ быть достигнуты одними государственными мѣропріятіями; рядомъ съ дѣятельностью государства широкое поле остается для свободной филантропіи, для дѣятельности церкви и школы, и только при поддержкѣ этихъ факторовъ законодательныя распоряженія могутъ рассчитывать на полный успѣхъ. Однако, если съ Божьею помощью намъ удастся, на основаніи вашихъ предложеній, удовлетворить справедливые интересы трудового народа, вы за свои усилія можете быть увѣрены въ моей королевской благодарности и въ признательности націи».

Рѣчь императора Вильгельма, безспорно, производитъ впечатлѣніе манифеста въ пользу рабочихъ. Помощь, которая должна быть оказана рабочимъ противъ *произвольной и не знающей преградъ эксплуатаціи*, признается въ рѣчи *великимъ вопросомъ нашего времени*. И предѣломъ этой помощи должна служить лишь возможность выдержать конкуренцію на всемірномъ рынкѣ. Этимъ открыто признано, что для примиренія рабочихъ съ существующимъ обществомъ придется пожертвовать многими старыми привычками и многими интересами хозяевъ промышленныхъ предпріятій. Императоръ говоритъ о необходимости *соображаться съ условіями иностраннаго соперничества и ни однимъ словомъ не упоминаетъ о предпринимателяхъ, какъ о сословіи, имѣющемъ свои опредѣленныя требованія*.

Это же, безпримѣрное въ устахъ правительства, заявленіе повторилъ и президентъ берлинской конференціи по рабочему вопросу—прусскій министръ торговли, баронъ Берлепшъ. Въ

рѣчи, произнесенной на заключительномъ засѣданіи конференціи, министру принадлежать, между прочимъ, слѣдующія слова: «Тому, что законодательство или нравы каждой страны должны обезпечить за рабочими классами, существуетъ только *одна граница, именно обезпеченность и преуспѣяніе промышленности*, въ зависимости отъ которыхъ находится и преуспѣяніе самихъ рабочихъ классовъ. Я думаю, что если мы вправѣ разстаться подѣ тѣмъ убѣжденіемъ, что это положеніе будетъ получать все большее и большее признаніе, то мы можемъ съ удовольствіемъ оглянуться на нашу общую работу».

Берлинская конференція является первою попыткой созданія международнаго рабочаго законодательства. Еще очень недавно, какія-нибудь десять лѣтъ назадъ, подобная мысль считалась утопией, а люди, предлагавшіе такое дѣло, назывались фантазерами. Но вотъ сдѣланъ починокъ—и громкая слава окружила инициатора. Ни одно изъ государствъ, къ которымъ обратилось германское правительство, не отказалось принять участіе въ конференціи. На ней присутствовали представители Германіи, Франціи, Англіи, Австро-Венгріи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Давіи, Швеціи и Норвегіи.

Германскій императоръ, заинтересованный въ успѣхѣхъ принятаго дѣла, заинтересованный тѣмъ, чтобы предложенія его были приняты иностранными государствами, могъ предложить только скромную программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію конференціи. Поэтому, когда была обнародована программа, она вызвала нѣкоторое разочарованіе въ органахъ печати, сочувствующихъ интересамъ труда. Особенно указывалось на то, что первоначально обѣщанное обсужде-

ніе вопроса о нормальномъ рабочемъ днѣ исключено изъ программы. Органы германскаго правительства заявили на это, что многія изъ приглашенныхъ на конференцію правительствъ отказывались принять въ ней участіе, если нормальный рабочий день будетъ теперь же поставленъ на очередь. «Великія реформы, — замѣчаетъ при этомъ газета канцлера, — не осуществлялись и не могутъ быть осуществлены сразу. Одно обсужденіе *такой* программы представителями культурныхъ государствъ составляетъ уже знаменательный историческій фактъ».

На конференціи были обсуждены вопросы о работѣ женщинъ, дѣтей и подростковъ, о ночной и воскресной работѣ, объ ограниченіи рабочаго дня для взрослыхъ, о недопущеніи замужнихъ женщинъ къ работѣ ранѣ истеченія извѣстнаго времени послѣ разрѣшенія отъ бремени, о недопущеніи дѣтей на фабрику, пока они не прошли школу, объ обязательности первоначальнаго обученія. Конференція обратила также особенное вниманіе на трудъ въ горнозаводской промышленности, какъ на одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ видовъ труда, и выразила пожеланіе, чтобы безопасность рабочаго и безвредность работы для его здоровья были ограждены всеми средствами, которыми располагаетъ наука, и были поставлены подъ надзоръ государства; чтобы инженерами, которымъ поручается веденіе предпріятія, назначались исключительно люди, опытность и техническія званія которыхъ должнымъ образомъ удостовѣрены.

По вопросу о *приведеніи въ исполненіе* выработанныхъ предписаній и о *наблюденіи* за этимъ конференція пришла къ такимъ заключеніямъ. Тѣмъ правительствамъ, которыя воспользуются работами конференціи, предлагаются слѣдующія постановленія: 1) Примѣненіе въ каждомъ государствѣ мѣръ по отношенію къ предметамъ совѣщанія конференціи

поручается наблюдению достаточнаго числа способныхъ должностныхъ лицъ, которыя назначаются правительствомъ подлежащей страны и которыя должны стоять внѣ всякой зависимости какъ отъ работодателей, такъ и отъ рабочихъ; 2) ежегодные отчеты этихъ должностныхъ лицъ должны быть публикуемы въ каждомъ государствѣ и сообщаемы другимъ правительствамъ; 3) каждое изъ этихъ государствъ должно производить періодическія, по возможности за каждый годъ, статистическія изысканія по вопросамъ, составившимъ предметъ совѣщанія конференціи; 4) государства должны сообщать другъ другу какъ эти статистическія данныя, такъ и текстъ всѣхъ постановленій, которыя будутъ принимаемы законодательнымъ или административнымъ порядкомъ въ области вопросовъ, бывшихъ на разсмотрѣніи конференціи. Въ заключеніе конференція выразила пожеланіе, чтобы и *впредь созывались совѣщанія государствъ*, принявшихъ участіе въ конференціи, въ цѣляхъ взаимнаго обмена наблюдений, которыя будутъ сдѣланы при приведеніи въ дѣйствіе постановленій настоящей конференціи, и выясненія желательности какихъ-либо измѣненій или дополненій въ нихъ.

Несомнѣнно, отнынѣ международныя соглашенія по рабочему вопросу сдѣлаются постояннымъ явленіемъ жизни культурныхъ государствъ. Такимъ образомъ, берлинскою конференціей положенъ починъ въ созданіи новой отрасли законодательства, а именно: *международнаго законодательства по вопросамъ труда*, которому, по всей вѣроятности, предстоитъ сыграть великую роль въ разрѣшеніи соціального вопроса.

Вотъ важное историческое значеніе конференціи; и мы совершенно согласны съ Жюль-Симономъ, считающимъ берлинскую конференцію *эрой въ исторіи рабочаго вопроса*.

Но этимъ не исчерпывается еще значеніе берлинской конференціи. Практическіе результаты ея, особенно въ смыслѣ вліянія на умы и законодательства, осязательны уже и въ настоящее время.

О результатахъ берлинской конференціи, — результатахъ даже ближайшихъ, — нельзя судить лишь на основаніи того, какого рода постановленія были ею приняты и пожеланія высказаны. Самый фактъ созыва рабочей конференціи по почину императора не могъ не произвести глубокаго впечатлѣнія на всѣ классы общества. О такомъ впечатлѣніи свидѣтельствуетъ печать всѣхъ культурныхъ государствъ Европы и Америки. Общій тонъ статей по поводу указовъ императора и созыва конференціи тотъ, что эти факты послужатъ сильнымъ толчкомъ къ рѣшенію соціальныхъ вопросовъ. Такъ смотрятъ на дѣло и государственные люди, которые, какъ сообщаютъ газеты, торопятся уже представить въ слѣдующія сессіи парламентовъ рядъ законопроектовъ въ интересахъ труда. Такъ смотритъ на берлинскую конференцію и рабочая демократія. «Рескрипты императора, — сообщаетъ парижскій корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*, — произвели здѣсь очень сильное впечатлѣніе, особенно среди рабочаго класса. Рабочая демократія хотя и подозрѣваетъ, что они явились своего рода избирательнымъ маневромъ, хотя и мало вѣритъ въ практическіе результаты предстоящей конференціи, но она придаетъ большое значеніе уже тому, что справедливость дѣлой половины ея требованій признана даже съ высоты трона. Если уже германскій императоръ сознаетъ необходимымъ, разсуждаетъ здѣшній рабочей, взять подъ защиту государства трудъ не только дѣтей и женщинъ, но и взрослыхъ работниковъ, если ужъ онъ считаетъ нужнымъ ограничить рабочій день и позаботиться объ улучшеніи экономическаго положенія рабочаго

населенія, — это можетъ служить гарантіей, что въ исторіи массы трудящагося населенія наступаетъ новая эпоха, что социально-экономическіе вопросы выступаютъ теперь на первый планъ во всей Европѣ и что такой демократической странѣ, какъ Франція, придется заняться ихъ обсужденіемъ и раньше и больше другихъ странъ.

Правительство французское, англійское, итальянское, австро-венгерское, швейцарское, бельгійское приготовили уже рядъ рабочихъ законопроектовъ; такіе же законопроекты представлены на разсмотрѣніе рейхстага и германскимъ правительствомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ *Reichsanzeiger*'ѣ, имѣющемъ характеръ органа правительственной политики, стали въ послѣднее время печататься статьи, выясняющія программу той политики, которой намѣрено держаться по отношенію къ социальнымъ вопросамъ германское правительство.

Въ основу всѣхъ этихъ статей положена идея о томъ, что на императорскомъ правительствѣ лежитъ задача разрѣшенія современныхъ социальныхъ вопросовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, проводится мысль, что необходимая въ этомъ отношеніи политика не отождествляется съ социализмомъ. «При системѣ социализма, — говорится въ одной изъ статей, — требуется не то, чтобы государства или болѣе состоятельныя части общества выступили на помощь слабымъ, а чтобы все общество было установлено на такихъ основаніяхъ, при которыхъ въ будущемъ оно не могло бы раздѣляться на экономически слабыхъ и сильныхъ, что, по идеѣ социализма, могло бы быть достигнуто лишь путемъ упраздненія института частной собственности, характеризующаго всю нашу культуру. Цѣлью социализма является, вмѣстѣ съ тѣмъ, переустройство главныхъ основаній существующаго общественнаго по-

рядка. Соціальная реформа, напротивъ, твердо стоитъ на томъ основномъ положеніи, что она призвана исправить неудовлетворительныя и опасныя послѣдствія существующаго экономическаго строя. Средствомъ, которое она примѣняетъ здѣсь, является принужденіе къ жертвамъ (Swang zu Opfern), къ которымъ обязываются общество или отдѣльныя части его на пользу другихъ его частей. Другаго средства нѣтъ къ тому, чтобы исправить неудовлетворительныя послѣдствія, къ какимъ приводитъ система, основывающаяся на индивидуальномъ началѣ. Каждый принципъ, доходящій въ своихъ проявленіяхъ до преувеличенныхъ размѣровъ, приводитъ къ крайностямъ, которыя могутъ быть ограничены только путемъ примѣненія какого-либо другаго принципа. Этотъ послѣдній лежитъ въ идеѣ соціальной реформы. Предоставленная самой себѣ, существующая система не можетъ дать никакого цѣлебнаго средства. Это въ достаточной мѣрѣ доказано продолжительнымъ господствомъ полной свободы въ этой области; чѣмъ шире и безпренятственнѣе господствуетъ она и чѣмъ свободнѣе можетъ развернуться экономическая жизнь, основывающаяся на индивидуальномъ принципѣ, тѣмъ чаще выступаютъ неудовлетворительныя послѣдствія этого. Средство понужденія общества или отдѣльныхъ его частей къ жертвамъ на благо другихъ частей не есть социализмъ. Соціалистическимъ оно не является потому, что признаетъ институтъ частной собственности цѣлесообразнымъ и правомѣрнымъ основнымъ положеніемъ экономической жизни. Понужденіе къ жертвамъ вполне совмѣстимо съ этимъ основаніемъ. Вмѣшательство въ частную собственность, какъ оно проявляется, на примѣръ, при экспроприаціи, есть вполне правомѣрное понужденіе къ извѣстной жертвѣ въ интересахъ цѣлага общества. Соціальная реформа представляетъ нѣчто новое лишь въ томъ отношеніи, что она создаетъ такую

организацію, которая соединяетъ частно-хозяйственныя силы для обязательнаго выполненія этихъ жертвъ на пользу отдѣльныхъ лицъ или цѣлаго класса, не уничтожая, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый институтъ частной собственности.

«Только государство, — продолжаетъ правительственная газета, — въ силахъ устранить недостатки современнаго общества и при посредствѣ реформъ сохранить общество въ здоровомъ состояніи. Эта преобразовательная дѣятельность есть дѣятельность уравнительной справедливости, подобная той, какую прусскіе короли проявили въ XVIII вѣкѣ на пользу представлявшихся въ то время болѣе слабыми въ экономическомъ отношеніи классовъ крестьянскаго и городского населенія. Какъ въ то время вслѣдствіе этого общество явилось крѣпкимъ и здоровымъ, а спокойствіе обезпеченнымъ, такъ какъ нарушенія его были предупреждены преобразовательными мѣрами на пользу страждущихъ классовъ, такъ и теперь исходящая отъ престола преобразовательная дѣятельность должна быть признана необходимой и плодотворной одинаково какъ для блага рабочихъ, такъ и для интересовъ государства и общества.

«Мѣры сохраненія рабочихъ отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, въ видахъ обезпеченія ихъ въ преклонномъ возрастѣ и при невозможности работать, — эти мѣры, въ которыхъ Германія опередила всѣ другія государства, — не преминуть съ теченіемъ времени оказать свое дѣйствіе, такъ какъ онѣ устраняютъ существенные недостатки, выступающіе въ современномъ экономическомъ и общественномъ устройствѣ. Но съ этими законами, конечно, еще не найдено средства, которое обезпечило бы соглашеніе между рабочими и предпринимателями на почвѣ современнаго порядка производства. Это соглашеніе встрѣчаетъ затрудненіе, съ одной стороны, въ требованіяхъ рабочихъ, которыя пе-

реходятъ за предѣлы возможнаго въ настоящее время въ экономическомъ отношеніи, съ другой—въ томъ, что большинство (крупныхъ) предпринимателей во всѣхъ отрасляхъ промышленности еще не могутъ придти къ сознанию того, что они должны относиться къ рабочимъ, какъ къ равноправнымъ.

«Въ виду описаннаго положенія, его величество императоръ и король призналъ необходимымъ войти въ тщательное изслѣдованіе жалобъ страждущихъ въ экономическомъ отношеніи классовъ и съ королевскою властью своею вступить за справедливыя требованія ихъ, поскольку они до сихъ поръ не были предметомъ достаточнаго вниманія. Трудъ женщинъ и дѣтей, ночная и воскресная работа уже давно служатъ поводомъ къ социаль-демократической агитаціи; къ регулированію этихъ вопросовъ въ настоящее время уже приступлено какъ въ государственномъ совѣтѣ, такъ и въ работахъ международной конференціи для защиты рабочихъ. Далѣе остается регулировать вопросы о *заработной платѣ и о продолжительности труда*. По отношенію къ обоимъ этимъ вопросамъ возможное и необходимое можетъ быть сдѣлано самими предпринимателями. Пути къ этому расчищены вліяніемъ общаго социаль-преобразовательнаго направленія нашей политики, при чемъ и *тѣ органы, которые будутъ созданы для того, чтобы установить согласіе между предпринимателями и рабочими, помогутъ удовлетворить законныя требованія*. Забота императора и короля о такъ называемомъ четвертомъ сословіи проистекаетъ изъ потребностей времени. Лежащая на государствѣ задача придти на помощь страждущему классу не можетъ встрѣчать препятствіе въ тѣхъ пугалахъ, которыя выдвигаются каждый разъ, какъ заходитъ рѣчь о реформахъ или измѣненіяхъ существующаго строя. Она есть необходимость, вызываемая потребностями сильнаго и могущественнаго государства».

Какъ видимъ, правительственная программа стоитъ за широкую социальную реформу и, въ то же время, заявляетъ себя противникомъ социалистическаго идеала. Какъ же отнеслись къ этой программѣ вожди социаль-демократіи, т. е. той партіи, законныя требованія которой желаетъ и старается удовлетворить программа?

Руководители социаль-демократіи прекрасно понимаютъ, что предвидимый ими общественный идеалъ могъ бы благоутворно осуществиться лишь путемъ постепенныхъ измѣненій современнаго общественнаго строя; а потому ихъ пресса съ полною признательностью говоритъ объ инициативѣ императора и признаетъ рабочіе законопроекты частью своей программы. Но пусть отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ самъ вліятельнѣйшій вождь социаль-демократіи—Либкнехтъ. Вотъ что говорилъ онъ на одномъ изъ собраній рабочихъ, происходившемъ въ Берлинѣ 1 іюня:

«Двадцатое февраля останется памятнымъ днемъ въ исторіи социального движенія; въ этотъ день вы представили германскому правительству неопровержимыя доказательства, что вы—могучая политическая партія, съ которой слѣдуетъ считаться. Наши противники, правда, утверждаютъ, будто рабочіе-избиратели не знаютъ по большей части конечныхъ цѣлей социаль-демократіи. Я категорически утверждаю, что это неправда... Императорскіе указы,—говорилъ далѣе ораторъ,—по моему искреннему убѣжденію, не избирательный маневръ, а ударъ въ лицо министерству, въ особенности главному его представителю кн. Бисмарку (*бурные аплодисменты*). Годъ тому назадъ я возвратился съ международнаго рабочаго конгресса въ Парижѣ и хотѣлъ въ публичныхъ собраніяхъ сообщить берлинскимъ рабочимъ о постановленіяхъ ихъ европейскихъ товарищей; ни одно изъ такихъ собраній, однако, не было разрѣшено изъ опасенія

нарушенія общественной безопасности. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, резолюціи парижскаго конгресса, не всѣ, но многія изъ нихъ, признаны были справедливыми въ императорскихъ рескриптахъ, и вмѣстѣ съ этимъ признана была необходимость международнаго рабочаго законодательства. Соціалъ-демократія одержала блестящую побѣду, и теперь ей долгъ позаботиться, чтобы то, что было обѣщано, было исполнено. Мы принимаемъ все, что намъ предлагаютъ къ дѣйствительному улучшенію условій труда; но отъ нашихъ требованій мы этимъ не отказываемся. Противники надѣялись, что указы императора вызовутъ расколъ въ нашемъ лагерѣ; но отъ этого насъ спасла наша полярная звѣзда— наша программа. Къ тому же, мы не знаемъ культа вождей и слишкомъ привыкли подчинять личные вкусы требованіямъ общаго дѣла; каждый сохраняетъ свободу мнѣнія, но каждый подчиняется и дисциплинѣ»...

Не лишено также интереса сообщеніе по тому же предмету редактора парижскаго *Petit Journal*. Спросивъ мнѣніе Либкнехта о внутренней политикѣ Германіи, онъ получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Въ новѣйшихъ экономическихъ проектахъ правительства я вижу значительный шагъ впередъ. Слѣдуетъ замѣтить, что у насъ за послѣдніе мѣсяцы многое измѣнилось къ лучшему: вы не встрѣчаете больше въ оффиціозной печати дерзкаго вызова сосѣднимъ государствамъ; съ парламентскою оппозиціей начинаютъ говорить приличнымъ языкомъ. Болѣе того, нынѣшнее правительство желаетъ сблизиться именно съ тѣми партіями, которыя извѣстны своею враждебностью къ бывшему канцлеру, и если понадобится, я приведу доказательства, что сдѣланы были попытки къ сближенію съ нами. Положеніемъ нашей партіи въ парламентъ я какъ нельзя болѣе доволенъ. Императоръ— пока еще загадка, но за нимъ слѣдуетъ признать умѣнье

поставить широкую программу. Я лично думаю, что въ началѣ своего царствованія онъ питалъ воинственные замыслы; но потомъ, убѣдившись, что не имѣеть по этому пути поддержки народа, онъ, съ свойственною ему быстротою рѣшенія, ухватился за социальный вопросъ. Извѣстные указы и созваніе берлинской конференціи сами по себѣ составляютъ уже заслугу. Весьма возможно, что этотъ молодой императоръ, если онъ останется вѣренъ избранному имъ пути, запишетъ на вѣки свое имя въ исторію и что потомки съ уваженіемъ будутъ говорить о немъ, какъ о благодѣтелѣ челоуѣчества. Онъ уже теперь популяренъ; нѣмцы начинаютъ вѣрить въ его искренность и въ чистоту его намѣреній».

Это знаменательное сближеніе императора съ народомъ на экономической почвѣ подчеркиваетъ извѣстный экономистъ, Луйо Brentano, въ своей замѣткѣ въ «Deutsche Wochenblatt», по поводу исхода выборовъ: — «Интересы страны, говоритъ онъ, теперь сосредоточиваются на улучшеніи положенія рабочихъ. Дальнѣйшее развитіе страхованія рабочихъ и предоставленіе рабочимъ самостоятельности при опредѣленіи заработковъ — дѣло ближайшихъ дней. Международное соглашеніе, возбужденное инициативой императора, обезпечиваетъ развитіе фабричнаго законодательства, то есть огражденіе личности рабочихъ отъ господства предпринимателей. Выборы показали, что народъ признаетъ въ императорѣ защитника своихъ интересовъ и своего призваннаго попечителя. Пусть не указываютъ на огромный ростъ социаль-демократіи; что значитъ это явленіе сравнительно съ тѣмъ фактомъ, что именно социаль-демократическіе кандидаты встрѣтили указъ императора съ большимъ сочувствіемъ. Наоборотъ, въ рѣчахъ нѣкоторыхъ забаллотированныхъ кандидатовъ партій порядка вы тщенто стали бы искать ка-

кого-либо напоминанія объ императорскихъ указахъ. Не вдаваясь пока въ обсужденіе этого крупнаго факта, я считаю своимъ долгомъ сказать, что намъ теперь нужно стремиться не къ тому, чтобы удалить изъ парламента представителей рабочихъ, а къ тому, наоборотъ, чтобы избранные представители рабочаго класса сознавали свою принадлежность къ нынѣшнему обществу и вмѣстѣ съ нами работали надъ улучшеніемъ и измѣненіемъ соціального строя.»

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, въ виду оживленной законодательной дѣятельности въ интересахъ труда, является, не безъ основанія, радостная мысль: не достаютъ ли уже правящіе классы Европы до сознанія, что приобщеніе народа къ благамъ культуры, — къ достатку и образованію — есть важнѣйшая задача нашего времени и что только энергичныя и непрерывающіяся мѣропріятія въ этомъ направленіи могутъ породить большую гармонію отношеній и предохранить отъ общественныхъ катаклизмовъ?...

Предшествующее изложеніе позволяетъ намъ формулировать значеніе берлинской конференціи по рабочему вопросу въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Берлинская конференція открыто и безповоротно признала банкротство системы свободной конкуренціи и необходимость болѣе энергичнаго, чѣмъ было до сихъ поръ, вмѣшательства государства въ борьбу между капиталомъ и трудомъ въ интересахъ послѣдняго. Такимъ образомъ, рушится экономическая система, господствовавшая въ Европѣ почти весь XIX вѣкъ и считавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій послѣднимъ словомъ человѣческаго разума какъ въ средѣ правящихъ классовъ, такъ и среди большинства экономистовъ.

2) Берлинскою конференціей положенъ починъ новой и чрезвычайно важной отрасли законодательства: *международному рабочему законодательству*. Подобно тому, какъ женеvская международная конвенція о «Красномъ Крестѣ» установила международные законы гуманности и цивилизации въ военное время, точно также нынѣ Европа приходитъ къ сознанию необходимости подчинить подобнымъ же законамъ челоvколюбія и цивилизации мирный трудъ. Предположенное конференціей международное соглашение и регулированіе охраны труда и рабочихъ поведетъ къ новой организации хозяйственнаго организма европейскихъ государствъ, освѣщенной идеею права и гуманности.

3) Берлинская конференція, будучи сама результатомъ жизненныхъ теченій XIX вѣка, сыграетъ въ исторіи роль сильнаго толчка на пути къ новой экономической и социальной политикѣ Европы. Въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ мысль Жюль-Симона, усматривающаго въ берлинской конференціи *начало новой социальной эры*.

- Габберъ, Л. „Атласъ Всеобщей Геогр.“ 2-е изд. М. 74 г. Цѣна: сброшюр. вмѣстѣ 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 50 к. Цѣна экз. въ двухъ выпускахъ 5 р., съ пер. 6 р. (Одобрено Учен. Ком. М. Н. Пр. и Учен. Ком. IV отдѣленія Собст. Канцл. Его Величества).
- Учебный Атласъ Всеобщей Географіи для гимназическаго курса. Лейпцигъ. 1880 г. 2-е дополн. изд. Цѣна 80 к., съ пер. 1 р.
- Истовскій, М. „Этногр. Очерки Россіи“ (55 характеристикъ). М. 74 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к. (Одобрено Учен. Ком. М. Н. Пр. и Учен. Ком. IV отдѣленія Собст. Его Импер. Велич. Канц.).
- „Учебный курсъ всеоб. геогр. (Европа)“. М. 75 г. Ц. 70 к., съ перес. 85 коп.
- „Учебная карта Европ. Россіи“, хромолитогр. (полувѣма) М. 76 г. Цѣна 65 к., съ пер. 90 к.
- Игитинъ. Элементарный курсъ ботаники. Изд. 3-е. М. 79 г. Цѣна 40 к., съ перес. 55 к. (Рекомендованъ Выдѣломъ учреждений Императрицы Маріи, какъ руководство для женскихъ гимназій и институтовъ и какъ пособіе для женскихъ и учительскихъ семинарій Министерства Народнаго Просвѣщенія).
- Итунниковъ А. Растительность Московской губерніи, иллюстрированное руководство къ опредѣленію растений, дикорастущихъ и разводимыхъ въ предѣлахъ Московской губ. М. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к., велен. эк. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
- Юкери, Общее землѣвѣдѣніе, ч. 3-я (последняя). Біологическая Географія съ 143 политипаж. въ текстѣ и одною картою. М. 1891 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.
- Ювизъ. „Геометрія теоретическая и практическая“. Вып. I. (О линіяхъ). Съ 154 политипаж. М. 75 г. Цѣна 85 к. Вып. II. (О плоскихъ фигурахъ (дополненіе)). Съ 104 политипаж. М. 75 г. Цѣна 70 к. Вып. III. (О плоскихъ фигурахъ (площади)). Съ 49 политипаж. М. 76 г. Цѣна 50 к. Вып. IV. О поверхностяхъ и линіяхъ (лини и плоскости до началъ начертательной Геометріи) съ 66 полит. М. 77 г. Цѣна 60 к. Вып. V. О поверхностяхъ и линіяхъ (начала Начертательной Геометріи) съ 98 политипаж. М. 78 г. Цѣна 1 р. с. Вып. VI. О геометрическихъ тѣлахъ и различныхъ приложеніяхъ (главнѣйшія начала Начертательной геометріи) Съ 104 политипаж. М. 78 г. Цѣна 1 р. Все вып. сброшюрованные вмѣстѣ. Цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.
- Гравинъ, В. Н. Наставленіе къ употребленію Геодезическихъ инструментовъ и производству различнаго рода съемокъ и нивелированія. Съ XII табл. чертежей. М. 79 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Памятная книжка. Собраніе формулъ и вспомогательныхъ таблицъ. М. 1878 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Граутшольдъ, Г. Палеонтологія (палеозоологія и палеоботаника). Съ политипаж. М. 75 г. Цѣна 2 р. 75 к., съ перес. 3 р.
- Стратиграфія. Съ таблицами и политипаж. М. 77 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.
- Гусовъ, С. Сочиненія т. I. Статьи зоологическія, съ портретомъ, 5-ю фотографіями. Подъ редакц. М. Мензбира. М. 1888 г. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 руб.
- Чечено-вопитательная бібліотека (обзоръ русской педагогической литературы). М. 77 г. Т. I. (Въ двухъ книгахъ). Цѣна 5 р., съ пер. 6 р. Отдѣлы продаются и черзъ: Педагогика. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р. — Законъ Вожей. Цѣна 50 коп., съ пер. 65 к. — Русскій языкъ, словесность и книга для легкаго чтенія. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 к. — Древніе и новые языки. Цѣна 75 коп., съ пер. 1 р. — Математика, физика, космографія и химія. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. — Исторія. Цѣна 50 к., съ пер. 75 к. — Географія. Цѣна 50 коп., съ пер. 75 к. — Естественнѣдѣніе. Цѣна 60 к., съ пер. 85 к. — Искусство. Цѣна 25 к., съ пер. 40 к. Т. II. М. 78 г. Цѣна 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.
- Святцъ, Л. — Ф. Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка. Изд. 3 (дополненное). М. 77 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

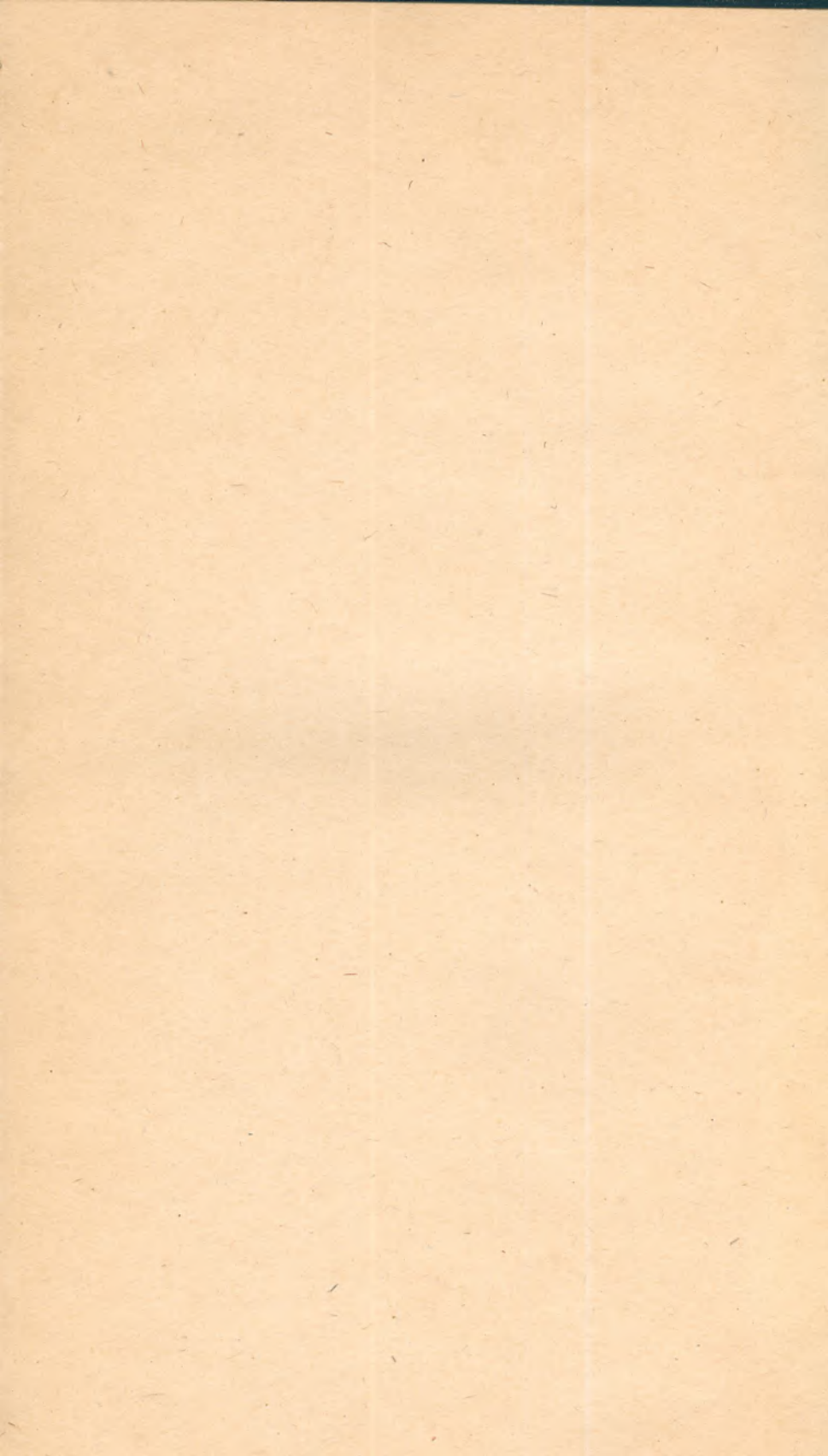
80

Того-же автора:

· Экономическая теорія Маклеода. 1870 г. Ц. 1 р. 50 к.
Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи. 1882 г. Ц. 3 р.—
Сочиненіе премировано Императорскимъ Московскимъ Уни-
верситетомъ.

Политическая Экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія
экономическихъ явленій. 3-е изданіе. 1891 г. Ц. 3 р., съ
перес. 3 р. 50 к.

Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

K393320